

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т.Г. Горбунова

**РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ:
МЕТОДИКА И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Монография

Барнаул
Азбука
2010

УДК 903(1-925.15)

ББК 63.48(541)-42

Г 676

Научный редактор:

доктор исторических наук **А.А. Тишкин**

Рецензенты:

доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;

кандидат исторических наук **В.И. Соенов**

Г676 Горбунова, Т.Г.

Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты : монография / Т.Г. Горбунова. – Барнаул : Азбука, 2010. – 136 с.: ил.

ISBN

Монография посвящена комплексному изучению конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая. В работе приводятся реконструкции уздечных и седельных наборов амуниции верховых коней, характерных для различных этапов тюркской и сроткинской археологических культур. Они выполнены на основе анализа археологических и иконографических источников.

Издание предназначено для археологов, культурологов, музейных работников, искусствоведов и других специалистов, занимающихся вопросами изучения культуры средневековых народов Сибири и Центральной Азии.

ББК 63.48(541)-42

УДК 903(1-925.15)

Монография подготовлена и издана при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ «Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье» (№08-01-00355а), а также в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)

ISBN

© Горбунова Т.Г., 2010

© ООО «Азбука»

ВВЕДЕНИЕ

В средневековых археологических памятниках чаще всего сохраняются металлические украшения снаряжения верхового коня, удила и псалии, стремена, остатки седла, подпружные пряжки, цурки. Гораздо реже фиксируются сохранившиеся в погребениях кожаные конструкции или их детали. Расположение и состав изделий служат главной основой для построения реконструкций.

Парадное снаряжение верховых лошадей в эпоху средневековья являлось средством демонстрации социального и имущественного положения владельца в обществе, свидетельствовало об эстетических предпочтениях представителей той или иной социальной группы. Остатки конской амуниции, полученные при археологических исследованиях, часто дают возможность реконструировать полный внешний вид комплекта, что в свою очередь имеет значение для уточнения хронологии памятников, определения их этнокультурной принадлежности, выявления контактов и взаимовлияний между средневековыми общностями.

При рассмотрении амуниции верховых коней мы опирались на уже разработанный терминологический аппарат, который представлен в «Словаре-справочнике по коневодству и конному спорту» (Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т., 1991). Согласно предложенным в нем дефинициям, конское снаряжение (амуниция) представляет собой комплекс приспособлений, надеваемых на лошадь и служащих для управления ею во время езды верхом. Совокупность же принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами обозначается упряжью или сбруей (Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т., 1991, с. 92).

Амуниция верхового коня включает оголовье (узду) и седло. Оголовье (узды) – основная часть конского снаряжения, приспособление, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею. Оно состоит из следующих основных элементов: суголовья, удила и поводьев (повода). Отметим, что полные комплекты амуниции достаточно редкая находка. В большинстве случаев археологи обнаруживают лишь отдельные *элементы* снаряжения коня, под которыми понимаются единичные вещи (приспособления или украшения): узды, седла, попоны, а также кожаные, войлочные, деревянные или матерчатые части (Тишкин А.А., 1998, с. 78–79).

Необходимо заметить, что узды, служащая для управления упряжной лошадей, называется уздой-недоуздом. Суголовье включает налобный, наносный (храповый), два нащечных, затылочный, подбородочный (подбородный) и в ряде случаев подгубный ремни. Затылочный ремень располагается за ушами лошади, не касаясь их. Нащечные проходят вдоль скула и направлены прямо к углам рта. Налобный ремень должен плотно лежать на лбу лошади под самыми ушами и челкой. Известны оголовья самых различных конструкций: со всеми указанными ремнями, без подгубного ремня, без налобного или наносного ремня.

Другой частью конского снаряжения является седло – приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды всадника на ней. Седло состоит из ленчика, подпруги, путлища со стремянами, подперсыя (нагрудника) и пахвы (накрупника) (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 34).

Территориальные рамки исследования включают Горный Алтай и Алтайскую лесостепь. Горный Алтай образован системой хребтов, формирующих ряд географических провинций. Алтайская лесостепь представляет собой территорию, которая с севера примыкает к Алтайской горной системе и включает в себя несколько специфических районов, поделенных долиной Оби. На ее левобережной части выделяются Предалтайская равнина, Приобское плато и Кулундинская равнина, на правобережье – Предсалаирская равнина и Бийско-Чумышская возвышенность.

Хронологические рамки анализируемых наборов конского снаряжения охватывают раннее средневековье – 2-я половина V в. – XII в. В данный период времени сформировались все основные категории изучаемых археологических источников, а также прошло несколько этапов эволюционного развития. Раннее средневековье являлось своеобразным пиком массового применения украшений лошади на территории Алтая, хотя прототипы некоторых из них

появились еще в предшествовавшее время (конец I тыс. до н.э. – 1-я половина I тыс. н.э.). Ряд категорий украшений продолжил бытование и в развитом средневековье, но их количество в изучаемом регионе значительно сократилось, что может быть проявлением состояния источниковой базы либо свидетельством появления новых традиций. Указанные факты также учитывались в нашем исследовании. Декоративных изделий, относящихся к конскому снаряжению позднего средневековья, на территории Алтая пока зафиксировано мало (Худяков Ю.С., 2000).

Полученные в результате исследования результаты интерпретировались в рамках разработанной культурно-хронологической схемы изучения истории древнего и средневекового населения Алтая (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., 2007). Она являлась своеобразным каркасом, который наполнялся конкретным содержанием реконструированных комплектов конской амуниции.

В качестве основных источников для воссоздания комплектов парадного снаряжения верховых коней раннего средневековья выступали следующие группы материалов:

1. Вещественные находки из погребальных и поминальных памятников тюркской (2-я половина V – XI в.) и сроткинской (2-я половина VIII – XII в.) археологических культур (с учетом случайных находок). Было проанализировано более 1400 экз. изделий от более чем 100 наборов амуниции (24 тюркской и 84 сроткинской культуры). Среди данных украшений представлены наколенники ремней, распределители, наносные султанчики, бляхи-накладки, налобные бляхи и подвески на нащечные, нагрудный и крупный ремни конской амуниции. В качестве аналогий привлекались материалы из других регионов: Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Тянь-Шаня, Кузнецкой котловины, Восточного Казахстана, Среднего Прииртышья, Южного Урала.

2. Изобразительные (иконографические) источники. Данная группа представлена скульптурными изображениями коней и всадников из комплексов Восточного Туркестана и Китая, барельефными изображениями, дворцовыми росписями Восточного Туркестана и Согда. Особое внимание уделялось собственно тюркским материалам: петроглифам, выполненным в технике выбивки и граффити (прочерчивания) и зафиксированным в Центральной Азии, а также костяной гравировке из погребальных памятников тюрков на территории Горного Алтая. При анализе учитывались также бронзовые ли-

тые бляхи, изображающие конных воинов из памятников Алтайской лесостепи, Восточного Казахстана, Минусинской котловины.

В разработке нашей темы большую роль играли публикации вещественных и изобразительных материалов из памятников Алтая и сопредельных территорий, научные отчеты, полевая документация. Отдельный этап исследования составил анализ археологических коллекций, содержащих изделия из художественного металла и остатки кожаных конструкций и хранящихся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, Государственного Эрмитажа и других учреждений.

Собранные сведения составили основу для изучения различных частей конской амуниции. Реконструкция представляет собой воссоздание нарушенного первоначального облика чего-либо, выполненное в натуре или выражающееся в составлении описания объекта, его чертежа, рисунка, модели. Данный метод осуществляется на основе сохранившихся частей или фрагментов памятника, изделия и т.д. Реконструкция должна быть научной и глубоко аргументированной. Хотя, безусловно, отчасти она может иметь гипотетический характер (Красовский В.П., 1975, с. 615–616). При реконструкции целесообразно применение комплексного подхода, т.е. использование в исследовательской процедуре всех имеющихся групп источников: археологических, иконографических, письменных. Это связано с тем, что археологические материалы не всегда предоставляют нам полную информацию о том или ином наборе.

В.Ф. Генинг (1985, с. 53) отметил, что задача познания в археологических исследованиях состоит в том, чтобы воспроизвести прошлую историческую действительность. Это позволяет создать картину конкретно-исторической неповторимости форм протекания исторического процесса в каждом отдельном обществе прошлого. Основой в данном случае выступают археологизированные остатки предметного мира.

Реконструкции имеют большое практическое значение. Во-первых, это демонстрирует конкретный научный результат в наглядной форме. Во-вторых, реконструкции могут служить важным материалом, поясняющим и демонстрирующим результаты научной работы в образовательном процессе. В-третьих, они служат незаменимыми музейными экспозиционными материалами, воспроизводя различные аспекты жизнедеятельности древних и средневековых культур. Теоретико-методологическое значение реконструкций определяется их возможностью служить основой для изучения аналогичных фрагментов воссоздаваемой исторической действительности.

Актуальное значение реконструкций конского снаряжения кочевников определяется рядом моментов. Предметом исследования в таком случае выступают одни из самых массовых категорий археологических находок обозначенного периода исторического времени. При этом украшения конской амуниции – важный диагностирующий показатель хронологического и этнокультурного плана. Они ярко демонстрируют морфологические, технологические и художественные новации, культурные традиции в изготовлении и оформлении художественного металла, направления миграционных процессов, торговые или военные контакты и многое другое.

Настоящая монография является продолжением целенаправленных исследований средневековых украшений конской амуниции. Ранее проведенные морфологический анализ, классификация и типология представляли собой первый этап работы (Горбунова Т.Г., 2004а; 2005а; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., 2005; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003; 2004; 2005б; и др.). Они позволили выявить основные направления эволюционных изменений различных категорий украшений (распределителей, блях, султанчиков, наконечников ремней) и их комплексов, уточнить более узкие хронологические рамки археологических памятников, в которых обнаружены рассматриваемые изделия. Следующим этапом работы стало изучение технико-технологических особенностей украшений конского снаряжения средневековых кочевников Алтая (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009). Собранный источниковая база составила репрезентативную основу для дальнейших реконструкций конского снаряжения.

Автор считает своим долгом выразить слова благодарности исследователям и сотрудникам музеев, предоставившим для анализа неопубликованные археологические находки (Горбунову Вадиму Владимировичу, Неверову Сергею Васильевичу), а также специалистам Государственного Эрмитажа (Барковой Людмиле Леонидовне, Панковой Светлане Владимировне, Марсадолову Леониду Сергеевичу, Чугунову Константину Владимировичу), оказавшим неоценимую помощь в изучении археологических коллекций, включающих украшения конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая.

Отдельную благодарность выражаю коллегам, помогавшим в подготовке иллюстраций для монографии (Давыденко Марине Вячеславовне, Кунгурову Артуру Леонидовичу, Горбунову Вадиму Владимировичу, Чекрыжовой Оксане Ивановне).

ГЛАВА I

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИКА

Воссоздание внешнего вида конского снаряжения кочевников различных исторических периодов всегда являлось актуальной задачей в археологии. Реконструкция не только демонстрирует внешний вид, конструкцию узды или седла и особенности расположения декоративных деталей на них. Она также служит новым источником информации о содержании культуры, эпохи и т.д.

Снаряжение кочевников раннескифского времени не раз становилось предметом исследовательского интереса. В частности, при анализе материалов конского снаряжения предгорной зоны Алтая А.А. Тишкин (1998, с. 84, рис. 3.-5, 6) представил варианты реконструкции узды по материалам местонахождения Гилевский мост. Особое внимание при этом было уделено специфике функционирования конструкции из удил и псалиев, для выяснения исследователь прибег к моделированию второго псалия, поскольку обнаружен был только один из них. Вследствие проделанных экспериментальных работ было определено, что удила в комплекте с псалиями представляют собой своеобразный механизм в виде кинематической цепи (Тишкин А.А., 1998, с. 87). Рассматривая украшения из данного уздечного набора и особенности их расположения, А.А. Тишкин (1998, с. 88) опирался на известные аналогичные материалы раннескифского времени.

К вопросам реконструкции узды этого периода времени также обращался П.И. Шульга (1998, с. 45, рис. 8; 2008, рис. 20, 34, 65, 67). Источниковой базой для разработок стали материалы, полученные в результате исследования

им могильников Машенка-1 в Чарышском районе и Гилево-10 в Локтевском районе Алтайского края. Часть остатков снаряжения была зафиксирована непосредственно на скелете лошади. От ремней сохранились полоски черного тлена, унизанные кольцами-пронизками. В не потревоженных грызунами местах узды удалось проследить размеры и места соединения ремней оголовья (Шульга П.И., 1998, с. 25–26), в частности, это касается нащечного ремня.

Однако остались неясными некоторые положения, высказанные исследователем. Он привел ряд данных о местоположении в погребениях раннескифского времени предметов конского снаряжения, но не продемонстрировал методический аспект своей работы, так как не указал, каким образом обозначенные сведения повлияли на процедуру реконструкции (Шульга П.И., 2008, с. 13–17). Без пояснений остались многие понятия, обозначенные П.И. Шульгой (2008, с. 28–29). Среди них – «совершенная верховая сбруя», которая появляется на рубеже VIII–VII вв. до н.э. от Приаралья до Тувы, а также «художественно-мифологический стиль», в котором изготавливались части конского снаряжения. Недостаточно обоснованным в реконструкциях выглядит отсутствие налобного ремня (Шульга П.И., 2008, рис. 20, 34).

Отметим, что П.И. Шульга (2008, с. 28) стремился уделять внимание некоторым важным с точки зрения методики реконструкции обстоятельствам, в частности, указывает, что недостаточно тщательная фиксация остатков окислившихся ремней снаряжения в ходе раскопок может стать причиной ограниченности знаний об его устройстве. Несмотря на указанные неточности, данный опыт реконструкции в целом следует оценивать как положительный, поскольку он создает основу для дальнейших работ в заданном направлении.

Своеобразный опыт реконструкции узды раннескифского времени был предложен также и В.Б. Бородаевым (1993, с. 154, рис. 2; 1998, с. 65–66) по материалам, обнаруженным на местонахождении Вакулиха-1. Проанализировав комплекс находок, интерпретируемых как клад, автор предложил графическую реконструкцию, при этом не обосновав, что послужило основанием для воссоздания ременной конструкции узды и расположения украшений.

Безусловно, вопросы реконструкции решаются более просто, когда комплекты узды и седел сохраняются в мерзлотных курганах. Тем не менее при публикации этих материалов авторы приводят графические и описательные реконструкции.

Сохранившиеся в мерзлотных пазырыкских курганах комплекты позволили в свое время М.П. Грязнову (1950) и С.И. Руденко (1953) представить

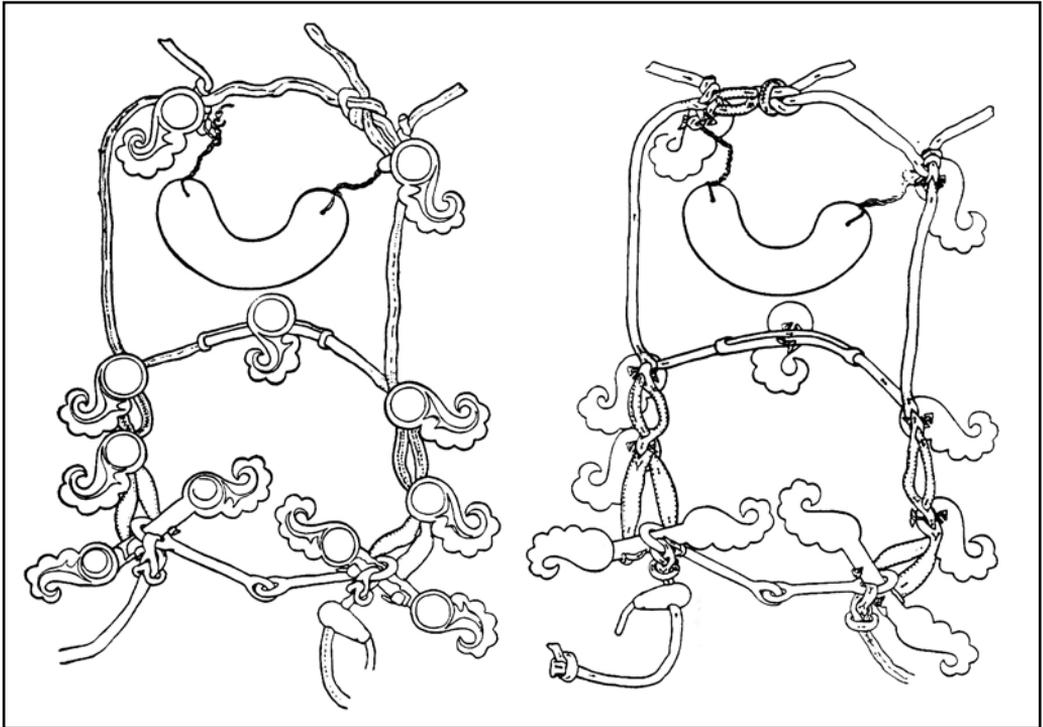

Рис. 1. Реконструкции уздечных наборов из кургана №5 памятника Пазырык (по: Грязнов М.П., 1950, рис. 89)

внешний вид узды, использовавшейся кочевниками пазырыкской культуры Горного Алтая в середине – 2-й половины I тыс. до н.э. М.П. Грязнов (1950, с. 24–39, рис. 6–17) привел ряд реконструкций уздечных и седельных наборов, выполненных по материалам Первого Пазырыкского кургана (см. рис. 1). Исследователь обозначил важный методический момент, указав, что в процессе раскопок он отмечал седла с относящимися к ним уздечками номерами с первого по десятый в той последовательности, в которой они открывались из-под льда, а при описании конкретных наборов обозначал, какие изделия располагались на перекрестьях ремней, а какие в их центре (Грязнов М.П., 1950, с. 24, 30–31). Т.В. Михалева и М.Ю. Здор (2006) опубликовали материалы из архива М.П. Грязнова, хранящиеся в Музее археологии и этнографии ОмГУ. Отдельное место авторы уделили демонстрации рисунков с реконструкциями пазырыкских узд и седел из этого архива.

С.И. Руденко (1953, с. 151, рис. 89; с. 152, рис. 90; с. 211, рис. 127 и др.) приводил графические реконструкции (см. рис. 2), подкрепляя их фотоматериалами обнаруженных в погребениях наборов. Это позволило ученому

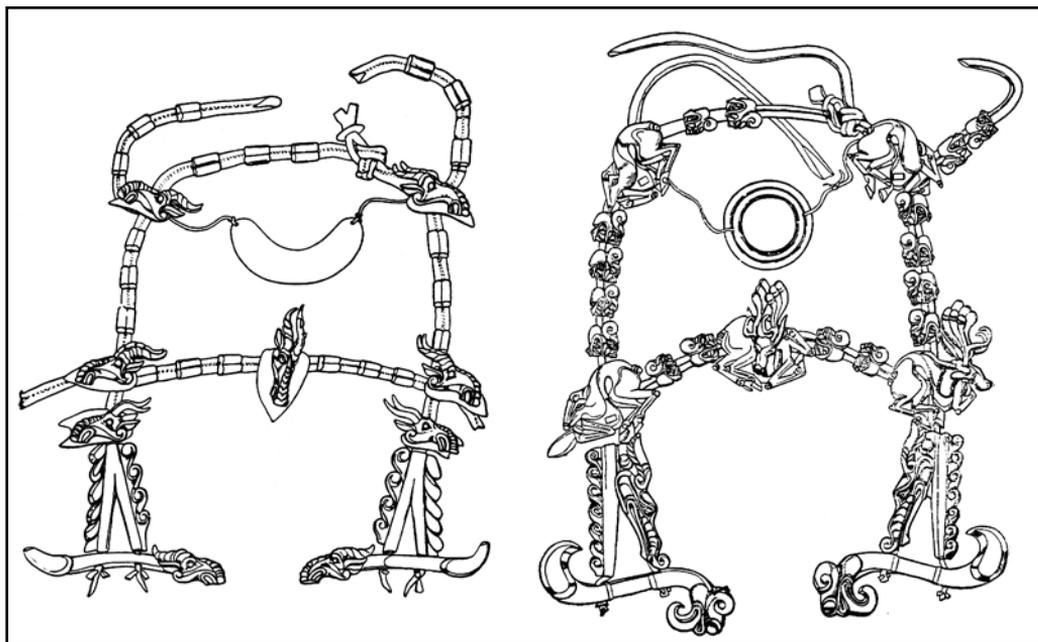

Рис. 2. Реконструкции уздечных наборов из кургана №3 памятника Пазырык (по: Руденко С.И., 1953, рис. 90, 127)

сделать вывод о том, что в пазырыкских уздах не было налобного и подгубного ремней, поскольку их детали не зафиксированы археологически. Узда, согласно описанию С.И. Руденко (1953, с. 151), имела два суголовных ремня, начинавшихся от псалиев и соединявшихся у темени лошади за ее ушами. Ремень переноса укреплялся либо в самих суголовных ремнях, либо после переплетения с ними в отверстиях псалиев.

Следует отметить тот факт, что С.И. Руденко (1953, с. 152), демонстрируя уздечные реконструкции, отмечал, что древние изображения оголовий I-й половины I тыс. до н.э. – ассирийские – свидетельствуют об использовании конструкции с «...намордным, суголовными и подбородочными ремнями». Упоминаемые автором иконографические данные указывают на примеры использования суголовных ремней, которые при соединении с псалиями раздваивались или разрезались на три полосы, что подтверждается материалами из Пазырыкских курганов. С.И. Руденко (1953, с. 153) обратил внимание на то, что подобный тип узды в изобразительных материалах фиксируется как с налобным ремнем, так и без него.

Н.В. Полосьмак (1994) также обращалась к восстановлению облика пазырыкской узды. Источниковой базой ее деятельности стали материалы, по-

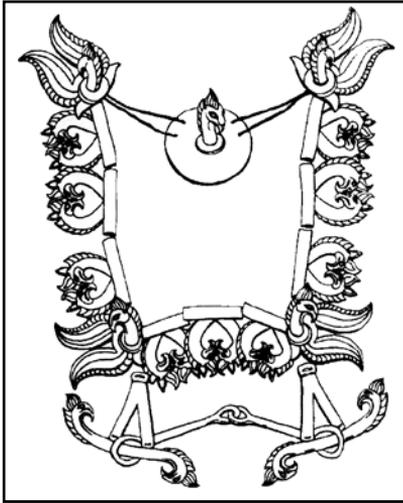

Рис. 3. Реконструкция узды из кургана №1 памятника Ак-Алаха-I (по: Полосьмак Н.В., 1994)

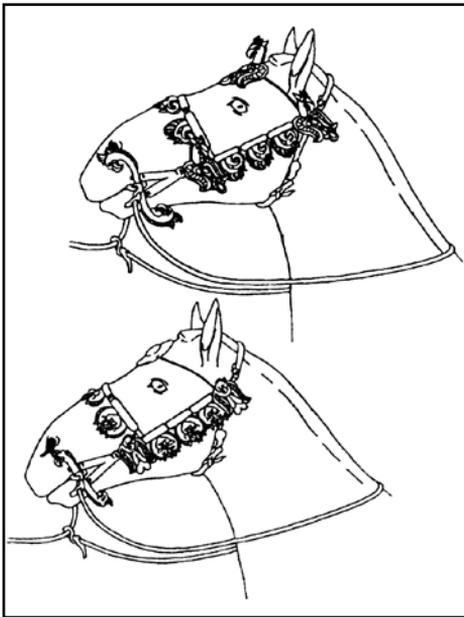

Рис. 4. Оголовья верховых лошадей пазырыкской культуры (по: Полосьмак Н.В., 1994, рис. 108)

лученные в ходе раскопок курганов на плато Укок. Значительные сведения для воссоздания облика пазырыкской узды были получены при исследовании памятника Ак-Алаха-I. Автор отметила, что пять наборов из кургана №1 были зафиксированы непосредственно на мордах коней (Полосьмак Н.В., 1994, с. 24). Это дало возможность продемонстрировать их графические реконструкции (см. рис. 3).

Представлены в научной литературе и попытки реконструкции узды середины I тыс. н.э. Примером может служить исследование И.Э. Любчанского (2005, с. 123–127), который предложил реконструкции, выполненные на основе находок отдельных деталей конского снаряжения из памятников Беркуты,

Султантимировский-I и Солончанка-I. Отметим, что приводимые словесно-описательные и графические реконструкции по непонятным причинам расходятся. Так, например, характеризуя оголовье из Солончанки-I, И.Э. Любчанский (2005, с. 125, рис. 1.-3; с. 127) указывает на наличие и налобного, и наносного ремней, при этом на рисунке последний отсутствует. А при характеристике данных из памятника Султантимировский-I определяет рассматриваемую узду как конструкцию без налобного ремня, при этом изображает ее именно с этим ремнем (Любчанский И.Э., 2005, с. 125, рис. 1.-2; с. 126). Тем не менее, попытка реконструкции заслуживает внимания.

Сравнительно недавно состояние источниковой базы позволило реконструировать различные типы оголовий,

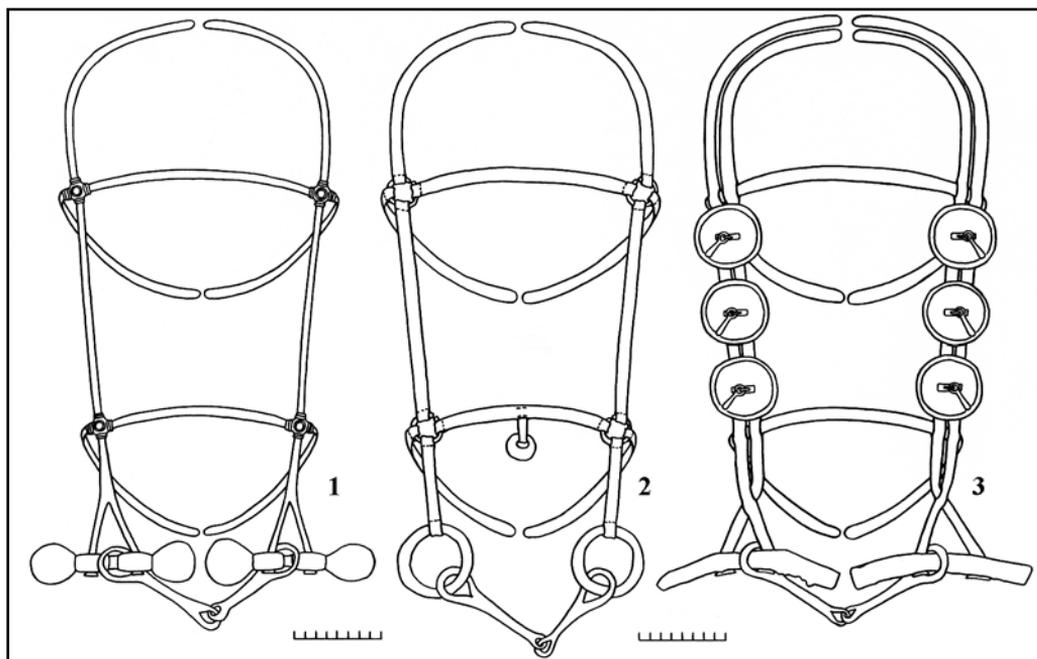

Рис. 5. Реконструкции уздечных наборов булан-кобинской культуры по материалам курганов №51, 59, 61 памятника Яломан-II (по: Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2005, рис. 1)

которые использовались кочевниками Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Данная возможность появилась в связи с исследованиями, проведенными на памятнике Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2005а, с. 119, рис. 1; с. 121, рис. 2). Реконструкции были разработаны на основе анализа материалов из пяти курганов, три из которых относятся ко II в. до н.э. – I в. н.э. и два – ко 2-й половине IV – 1-й половине V в. н.э. (см. рис. 5). Общая конструкция у них практически идентична и включает все основные ремни оголовья. Различаются же наборы прежде всего составом и характером расположения металлических украшений на ремнях. Одна из реконструкций (курган №51) выполнена на основании обнаруженных четырехлопастных распределителей, внутри которых сохранились остатки ремней, второй аналогичный набор (курган №59) восстановлен по расположению в погребении железных кольчатых распределителей. Уздечный набор из кургана №61 зафиксирован в положении «*in situ*» непосредственно на голове коня. Он оказался самым сложным по конструкции, поскольку нащечно-затылочные ремни были двойными. Каждый из них сворачивался и прошивался двумя швами. С точки зрения декорирования, этот набор оказался наиболее украшен-

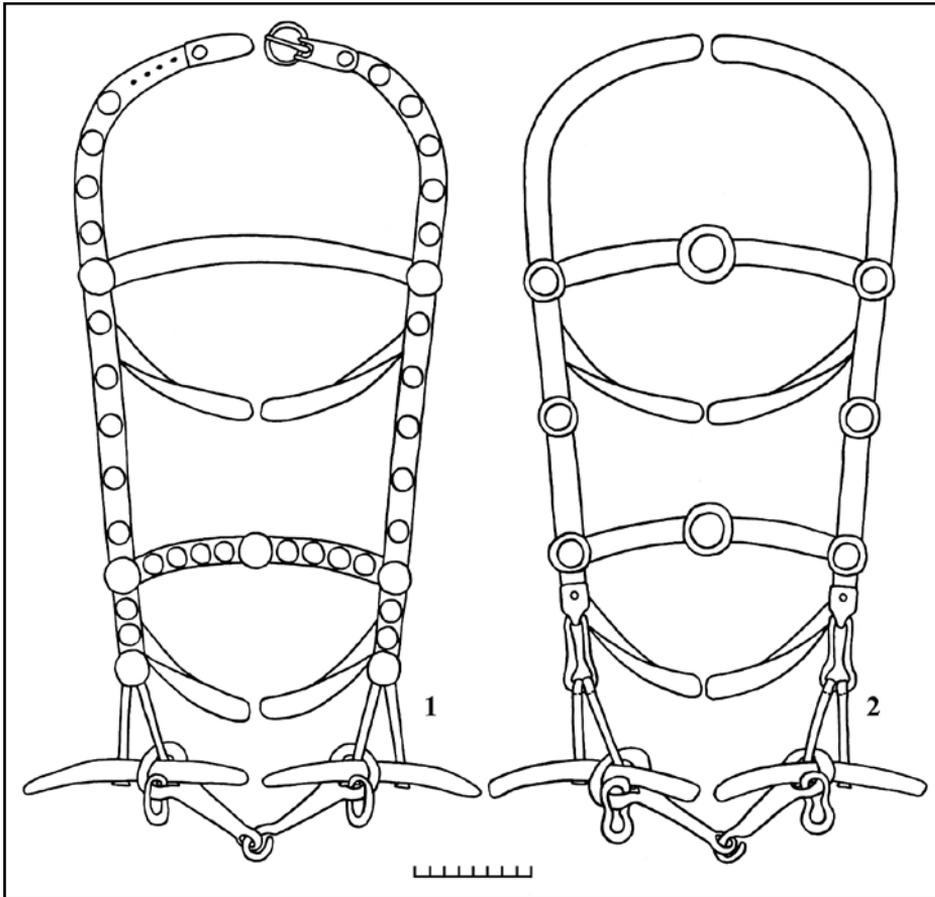

Рис. 6. Реконструкции уздечных наборов булан-кобинской культуры по материалам курганов №32 и 33 памятника Яломан-II (по: Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2005, рис. 2)

ным из всех узд, относящихся к ранней группе погребений на Яломане-II. На каждый нащечный ремень крепилось по три крупных бронзовых бляхи в виде вогнутого диска с отверстием, в которое продевалась петля для крепления к узде. На лицевой вогнутой стороне находился язычок, прикрепленный к этой же петле, который при движении лошади создавал своеобразный звенящий эффект.

Реконструкция оголовья из кургана №32 второй группы памятника Яломан-II (см. рис. 6) также отличается высокой степенью достоверности, поскольку комплекс был зафиксирован «*in situ*» на черепе лошади вместе с остатками кожаных ремней. Узда из кургана №33 обнаружена вместе с остатками седла рядом со скелетом человека.

В результате уникальные материалы, найденные в непогребенных погребениях, составили прочную доказательную источниковую базу для реконструкций конского снаряжения булан-кобинской археологической культуры Алтая (II в. до н.э. – I-я половина V в. н.э.).

Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников является предметом исследований во многих публикациях по археологии как азиатской, так и центральной части России. Одним из первых обобщенных трудов, в

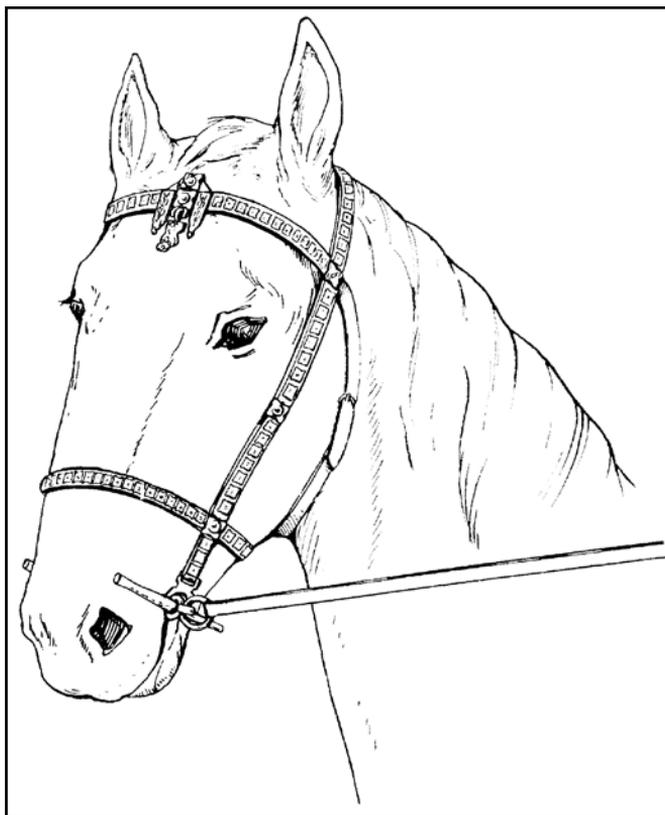

Рис. 7. Реконструкция узды из комплекса Гаевка (по: Кирпичников А.Н., 1973, рис. 12)

котором нашла отражение указанная тематика, стала работа А.Н. Кирпичникова (1973). Он приводит реконструкции ряда оголовий, использовавшихся на Руси в XI–XIV вв. Подробные описания обстоятельств обнаружения наборов позволяют проследить логику рассуждений исследователя. Примером может служить набор из Гнездово (Кирпичников А.Н., 1973, с. 25; табл. VII). Сохранившаяся в погребении часть узды состояла из налобного и верхних половин двух нащечных ремней. К ним было прикреплено 46 блях. Сохранившиеся детали по принципу симметрии позволили провести воссоздание всего комплекта. Также реконструкция узды была проделана А.Н. Кирпичниковым (1973, с. 26; с. 28, рис. 12) и по материалам памятника Гаевка – «богатого» воинского погребения XI в. Набор сохранился почти полностью. Положение крупных блях определялось по стыкам их торцов, плотно подогнанных друг к другу. Гипотетическими же в реконструкции, как отмечает А.Н. Кирпичников, являются расположение и частота мелких блях и сочле-

нение небольших решм с наносным ремнем (см. рис. 7). В целом данный комплекс исследователь характеризует как роскошнейший из всех выявленных в раннесредневековой Восточной Европе, как «шедевр мирового класса», выполненный твердой опытной рукой, на уровне высокого профессионализма и безупречного вкуса (Кирпичников А.Н., 1973, с. 27).

А.Н. Кирпичников (1973, с. 25; с. 26, рис. 10) приводит и описывает полевую зарисовку оголовья из памятника Подболотье, выполненную В.А. Городцовым, в которой последним и были прорисованы сохранившиеся вместе с металлическими украшениями ремни, обозначена их длина на разных участках узды, пунктиром прочерчены гипотетически достраиваемые ременные конструкции.

Изучение конского снаряжения из археологических комплексов на территории европейской части России также являлось объектом исследования С.А. Плетневой (1967, 1989). Анализируя материалы середины VIII в. из Дмитриевского археологического комплекса, С.А. Плетнева (1989, с. 270) интерпретирует их как хазарские. При этом большое внимание она уделяет реконструкции конской амуниции, имевшей сложное и насыщенное оформление. В катакомбах салтово-маяцкой культуры от конского снаряжения сохраняются удила с псалями и металлические украшения. Приводя схематические реконструкции оголовий из катакомб №173 и 52, С.А. Плетнева (1989, с. 81–85, рис. 39–40) указывала, что литые бляхи, обтянутые серебряной фольгой, сохранились с остатками ремней, поэтому реконструкция с нащечными, налобным, наносным и расположенным между ними срединным ремнем представляется обоснованной.

Набор из катакомбы №52 был обнаружен в ногах воина и первоначально был принят за поясной. Однако необычное количество украшений, отсутствие пряжки и расположение комплекта не на тазовых костях, а рядом с удилами и стременами позволили отнести его к снаряжению верхового коня (Плетнева С.А., 1989, с. 84). Его реконструкция была выполнена по аналогии с русскими и кочевническими богато украшенными оголовьями, воссозданными А.Н. Кирпичниковым (Плетнева С.А., 1989, с. 84–85, рис. 85).

Более подробные реконструкции, представляющие полный конский убор, были выполнены С.А. Плетневой (1989, с. 86–88, рис. 41–42) по материалам из катакомб №82 и 106. Набор из погребения №82, согласно представленной реконструкции, включал оголовье, состоящее из нащечных, налобного, наносного, затылочного, подбородочного и срединного ремней, а

также нагрудник и накрупник, украшенные крупными бляхами-подвесками. Поскольку было найдено 14 округлых блях и одна листовидная, С.А. Плетнева (1989, рис. 41) справедливо предположила, что последняя располагалась в центре нагрудника, а остальные крепились следующим образом: по три слева и справа на подперсье и по четыре аналогичным образом на накрупном ремне. Каждая такая бляха имела отверстие для продевания

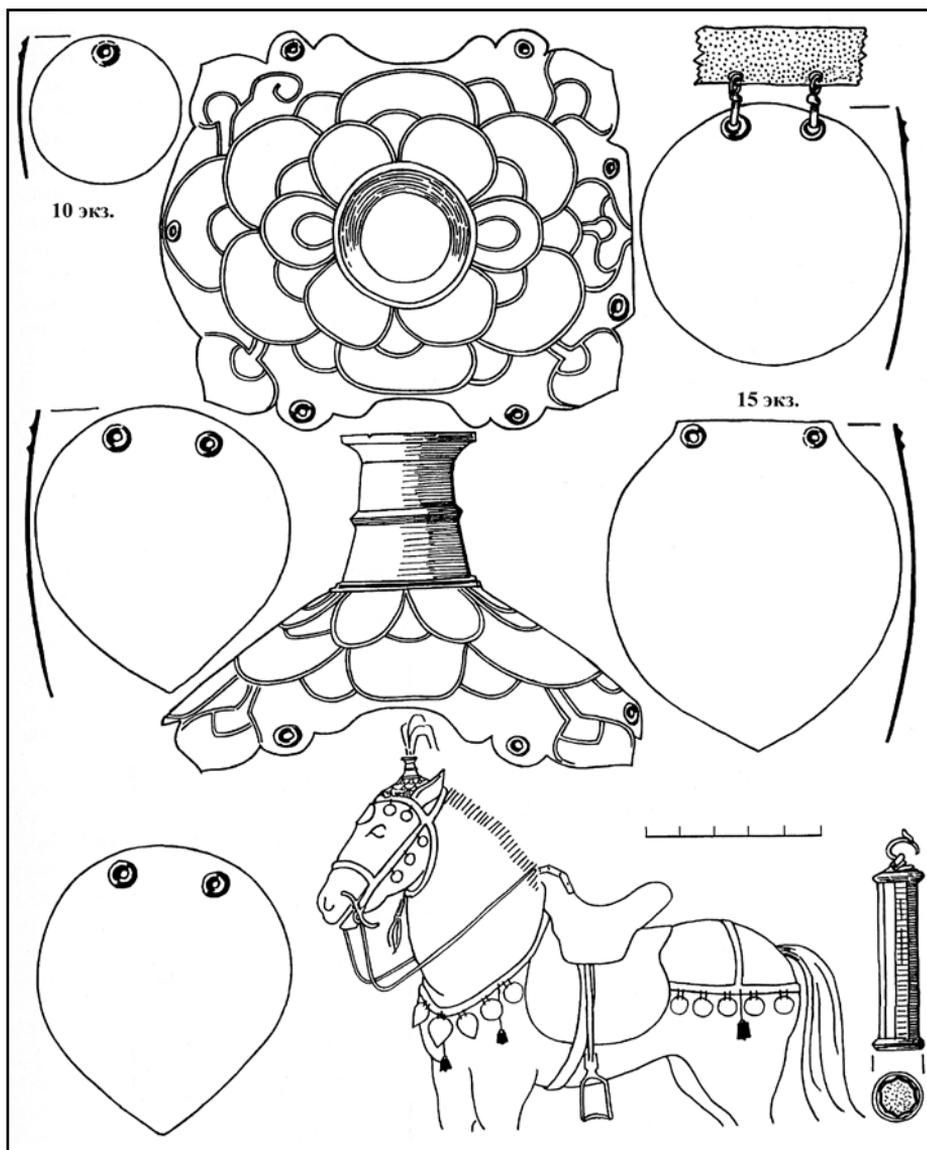

Рис. 8. Украшения из Дмитриевского археологического комплекса и реконструкция лошади в парадной амуниции (по: Плетнева С.А., 1989, рис. 42)

тонких ремешков, необходимых для крепления к основным ремням седельной конструкции. Выдающейся деталью всего набора украшений является начельник гладкий с резным волнистым краем.

Комплект из катакомбы №106 имел аналогичную конструкцию, отличие состояло лишь в отсутствии в узде срединного ремня. Само оголовье было украшено не накладками, а налобной бляхой и небольшими круглыми подвесными подвесками. Крупные листовидной формы бляхи подвешивались к нагрудному и крупному ремням (Плетнева С.А., 1989, рис. 42) (см. рис. 8). Одной из существенных частей данного убора, как отметила С.А. Плетнева (1989, с. 88), была десятигранная серебряная позолоченная трубочка с крюком на одном конце, в которой сохранились отдельные нити. Трубочка служила для закрепления и подвешивания шейной шелковой кисти. Реконструируя наличие данного декоративного элемента, С.А. Плетнева (1989, с. 88) обратилась к аналогиям в иконографических источниках и упоминаниям в эпосе. В данном наборе также присутствовал начельник с волнистым краем и поверхностью, покрытой орнаментом из полукруглых и заостренных лепестков, прочерченных широким резцом. Отметим, что предпринятые С.А. Плетневой (1989) реконструкции конского снаряжения демонстрируют особенности парадных наборов салтово-маяцкой культуры, являются в значительной степени достоверными и представляют информацию о специфике расположения различных категорий украшений.

Заслуживает внимания опыт реконструкции конского снаряжения, осуществленный Н.А. Мажитовым (1977, с. 25–27) по материалам памятников Южного Урала XII–XIV вв. Автор приводит реконструкции двух уздечных наборов с одинаковой конструкцией, в которой наличествуют все основные ремни, кроме подгубного. Материалы происходят из Бекешевских курганов (Мажитов Н.А., 1977, с. 25, рис. 4.-1–2). На перекрестьях нащечных ремней с налобным и наносным в обоих случаях располагались цельные трехлучевые распределители, а на основных ремнях – овальные или прямоугольные накладки. Отметим, что такие типы изделий на Алтае встречаются в гораздо более ранних материалах, датируемых 2-й половиной VIII–IX вв. (см. рис. 24.-6; 28.-3–7).

О том, на основе каких материалов выполнены реконструкции, судить сложно. Н.А. Мажитов (1977, с. 24) указывает лишь на обязательное наличие распределителей в наборе, которые он именуется «узловыми накладками с тремя длинными отростками». Также в работе приводятся реконструкции

лук седла из I Бекешевского кургана №2 (погребение 3), украшенных по краю серебряными накладками (Мажитов Н.А., 1977, с. 27, рис. 6).

Еще один пример демонстрации опыта реконструкции узды представлен в коллективной монографии «Бараба в тюркское время» (1988, с. 26, рис. 15.-14, 15). Источниками для этого послужили материалы из погребения 4 кургана №17 памятника Чулым-2 в Новосибирском Приобье. Могильник, расположенный в 3 км от д. Чулым Здвинского района Новосибирской области, был исследован в 1975–1978 гг. В.И. Соболевым и Е.А. Сидоровым. Исследователи отметили (Бараба в тюркское время, 1988, с. 26–27), что снаряжение лошади (в погребении находилось чучело коня) было богато украшено серебряными бляхами, тройниками, пряжками, что позволило осуществить примерную реконструкцию комплекта 2-й половины VIII – начала IX в. Отметим, что расположение украшений на приводимом плане и реконструкция (Бараба в тюркское время, 1988, с. 26, рис. 15.-14, 15) недостаточно соответствуют друг другу по очертаниям и количеству.

Чаще всего исследователи обращаются к проблемам реконструкции средневекового конского снаряжения в тех случаях, когда в погребениях зафиксированы не только украшения, но и остатки кожаных конструкций узды или седла. Характеризуя подобный опыт, отметим результаты деятельности Г.В. Кубарева (2005). В комплексном исследовании, посвященном результатам исследования погребальных памятников тюрков в Горном Алтае, предметом отдельного рассмотрения Г.В. Кубарева явились уздечные наборы и седла. Основой для реконструкций оголовий (Кубарев Г.В., 2005, с. 123,

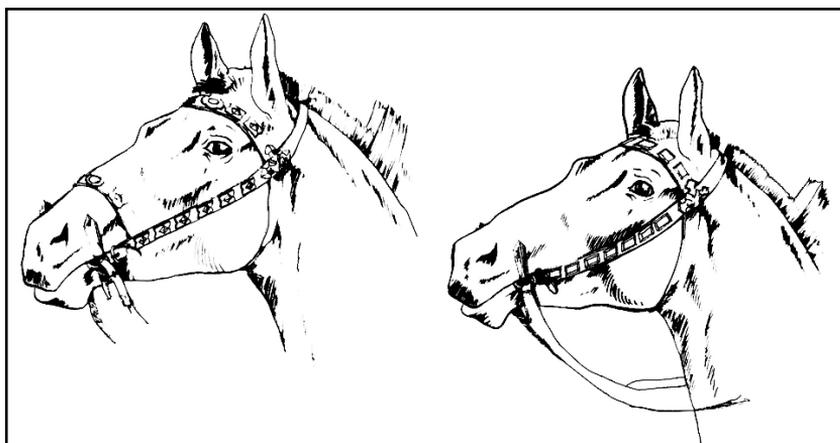

Рис. 9. Реконструкции уздечных наборов тюркской культуры по материалам памятников Горного Алтая (по: Кубарев Г.В., 2005, рис. 35)

рис. 35) послужили материалы из курганов №28 и 29 памятника Юстыд-ХII и курганов №11 и 15 памятника Балык-Соок-I (см. рис. 9).

Отдельно следует упомянуть богатый уздечный набор, воссозданный по сохранившимся металлическим украшениям с остатками ременных конструкций из кургана №29 Юстыда-ХII, датированного VIII–IX вв. (Кубарев Г.В., 2005, с. 122–124, рис. 35.-4; с. 213, табл. 31). Согласно описанию объекта, в кургане зафиксированы два костяка коней, на которых сохранились остатки деревянных седел. За седлом северного коня была найдена золотая четырехлепестковая бляха. Между черепом человека и тазовыми костями лошади сохранились обрывки широких ремней узды, прошитые сухожильными нитями с позолоченными лепестковыми бляхами и налобной подвеской с растительным орнаментом. Изделия выполнены из железа и обтянуты толстой золотой фольгой. На перекрестьях ремни продевались таким образом, что в одном из них делался разрез. Для дополнительного укрепления они прошивались. Лепестковые бляхи, выполняя свою основную декоративную функцию, служили и дополнительным креплением: их шпеньки продевали сквозь ремни и загибали с обратной стороны (Кубарев Г.В., 2005, с. 123, табл. 31). Ученый указывает на редкость и уникальность налобной бляхи, отмечая схожие изделия в находках из погребения у горы Увгунт в Монголии и кургана №6 Копенского чаатаса. По предлагаемой Г.В. Кубаревым реконструкции (2005, с. 123, рис. 35.-4), четыре большие лепестковые бляхи прикрывали перекрестья ремней, а пятая помещалась в центре наносного ремня. К налобному ремню бляха с растительным орнаментом крепилась при помощи петли, а сверху на это крепление накладывалась малая лепестковая бляха. Отметим, что в осуществлении данной реконструкции большое значение имели сохранившиеся сочленения ремней (например, фрагменты наносного и нащечного ремней с накладками), в том числе с украшениями.

Достаточной степенью достоверности отличается реконструкция узды, выполненная по материалам кургана №11 памятника Балык-Соок-I, датированного VIII–IX вв. (Кубарев Г.В., 2005, с. 123, рис. 35.-1). В погребении вместе со скелетом человека были зафиксированы костяки четырех лошадей. На дне могильной ямы лежали бляхи-накладки от узды (более 30 экз.), два распределителя ремней, наконечники, пряжка с железным язычком. Поскольку положение украшений напрямую не позволяет выявить конструкцию оголовья, то его реконструкция носит гипотетический характер. Наличие только двух распределителей позво-

лило Г.В. Кубареву (2005) предположить, что они располагались на перекрестьях налобного ремня с нащечными. В центре налобного и наносного ремней располагались овальные украшения с фигурными сторонами. Все ремни равномерно были украшены прямоугольными бляхами с ромбической выпуклой в центре (Кубарев Г.В., 2005, с. 123, рис. 35.-1).

Аналогичная система украшений представлена в оголовьях, реконструированных по материалам кургана №28 Юстыда-ХII и кургана №15 памятника Балык-Соок-I (Кубарев Г.В., 2005, с. 123, рис. 35.-3, 2). В первом из названных комплексов были найдены два распределителя, комплект накладок овальной формы с лепестковыми краями и нервюрой, проходящей в центре по длине украшений. Аналогичным образом оформлены наконечники ремней. Часть блях сохранилась на ремнях (Кубарев Г.В., 2005, с. 210, табл. 28).

В кургане №15 комплекса Балык-Соок-I были обнаружены распределитель ремней, наконечники, пряжка и комплект гладких накладок прямоугольной формы с ровными сторонами (Кубарев Г.В., 2005, с. 320, табл. 138). Вещи из двух рассматриваемых погребений послужили базой для реконструкций уздечных наборов без наносного ремня. Отметим, что в подтверждение своих реконструкций Г.В. Кубарев (2005, с. 125) приводит иконографические аналогии, представленные в росписях Пенджикента и Восточного Туркестана, а также близкие в культурно-хронологическом отношении материалы Южного Урала.

Укажем также, что Г.В. Кубарев (2005, с. 125–126) осуществил детальную характеристику исследованных в погребениях тюрок Горного Алтая остовов седел, накладок и кантов на них из памятников Юстыд-ХIV, Талдуаир-I, Уландрык-I и др., но реконструкции этой части конского снаряжения не приведены.

Особого внимания заслуживает опыт Ю.С. Худякова в реконструкции наборов конской амуниции средневековых кочевников различных культур. При исследовании тюркского погребения с конем на памятнике Ибыргыз-Кисте в Минусинской котловине Ю.С. Худяковым (1998, с. 33) были зафиксированы детали оголовья с сохранившимися фрагментами кожаных ремней, на которых располагались пряжки, бляхи, обоймы и султанчик.

Положение обрывков ремней на черепе коня позволило Ю.С. Худякову восстановить первоначальную конструкцию узды. От нее уцелели фрагменты нащечных, наносного, налобного и затылочного ремней. На отдельных участках оголовья сохранились двухслойные ремни. Автором раскопок был отмечен фрагмент соединения наносного и нащечного ремней, завязанных

узлом (Худяков Ю.С., 1998, с. 34, рис. 2). Было прослежено и расположение металлических украшений, в частности, место султанчика на наносном ремне конструкции. За черепом лошади обнаружен вместе с затылочным ремнем значительный фрагмент другого ремня с одной дуговидной бляшкой, который был гипотетически интерпретирован как налобный. На основании имеющихся фактов осуществлена реконструкция уздечного набора тюркского воина (Худяков Ю.С., 1998, с. 37, рис. 5).

Особенностью набора из Ибыргыз-кисте является присутствие наносного султанчика. И.Л. Кызласов (1983, с. 31) полагает, что возникновение султанских украшений в Южной Сибири связано с «древними хакасами», которые переняли подобную традицию в Средней Азии. По нашему мнению, среднеазиатская традиция украшения верховых коней султанчиками, зафиксированная в настенных росписях 2-й половины VII – VIII вв. Афрасиаба (Альбаум Л.И., 1975, с. 49, 50), была заимствована тюрками II Восточнотюркского каганата. Это подтверждается изображениями наносных султанчиков в тюркских петроглифах Монгольского Алтая (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, с. 165, рис. 3.-1) и вещественными находками изделий, в том числе в рассматриваемом погребении (Худяков Ю.С., 1998, с. 34, рис. 2.-4).

Реконструкция набора тюркской культуры на основе сохранившихся фрагментов кожаных конструкций и украшений была осуществлена Ю.С. Худяковым и В.А. Кочеевым (1998). Данные материалы происходят из захоронения тюркского времени в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Кош-Агачского района Республики Алтай. Авторы публикации (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1998, с. 31–32) сообщают о том, что детьми из названного села был найден череп коня с остатками кожаных ремней от узды и бронзовыми бляшками. В восточной же части могильной ямы обнаружен каменный ящик из вертикально установленных плит, внутри которого находилось погребение взрослой женщины.

От убранства сопроводительного захоронения коня сохранилась часть ремней узды с бронзовыми бляшками. Среди них имеются четыре больших фрагмента сыромятных ремней, хорошо сохранившихся благодаря большому количеству бронзовых бляшек, которые достаточно плотно распределялись по ним. Сохранилось несколько небольших фрагментов ремней с бляхами, отдельные бляшки, наконечники ремней, обрывки ремней без блях. Часть из них была скреплена между собой, прошита или связана (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1998, рис. 4).

В реконструированном виде, согласно описанию исследователей, узда представляла собой конструкцию из налобного, наносного, затылочного, подчелюстного и подгубного ремней, соединенных нащечными ремнями. Налобный и наносный ремни соединялись вертикальным дополнительным ремнем (срединным), от которого вверх и вниз шло по два наклонных декоративных ремешка. Ремни оголовья оказались очень плотно декорированы бляхами с интервалом в 1–2 см, а иногда почти вплотную. При этом пристранные концы крестовидных и прямоугольных бляшек были ориентированы чаще всего вниз по направлению ремня, реже вверх (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1998, с. 32–34, рис. 4). Исследователи отметили трудности в суждениях о местоположении узлов и обойм на ремнях и остается только пожалеть о том, что узда первой попала на глаза любопытным находчикам и не сохранила своего первоначального местоположения. Это значительно облегчило бы задачу ее реконструкции.

Характер оформления уздечных украшений из погребения Чатыр дал возможность Ю.С. Худякову и В.А. Кочееву (1998, с. 37–38) отметить их сходство с изделиями из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае. Наличие общих черт в погребальной обрядности и инвентаре позволило отнести рассматриваемое погребение в местности Чатыр у с. Жана-Аул к кудыргинскому времени. Согласимся с мнением исследователей о том, что набор из Жана-Аула указывает на то, что кудыргинские изделия не стоит рассматривать в качестве архаического или локального явления (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1998, с. 38).

Ю.С. Худяков совместно с К.Ш. Табалдиевым также предпринял реконструкцию конского убранства тюрок Центрального Тянь-Шаня. Основой для нее послужили находки деревянных остовов седел, обнаруженных в памятниках Беш-Таш-Короо-II, III, Бел-Саз-II, Сутгуу-Булак-I и др. (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 208, рис. 20.-3; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 50, 53, рис. 3). Авторы отметили, что, в отличие от седел, уздечные ремни в тюркских погребениях с лошадьми на Тянь-Шане встречаются редко. Были зафиксированы два частично сохранившиеся уздечные наборы в курганах №20 и 30 памятника Беш-Таш-Короо-II (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 56, рис. 5). В первом из названных курганов в женском погребении частично уцелели нащечные, наносный, подчелюстной и подшейный ремни от узды с декоративными подвесными ремешками, плотно украшенными бронзовыми бляхами. Методы соединения ремней узды меж-

ду собой разнообразны: они либо прошивались в местах соединения, либо продевались один сквозь другой, либо связывались узлами (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 54). Было прослежено, что к нащечному, подшейному и затылочному ремням крепились декоративные подвесные ремешки. С обеих сторон узды сохранилось по четыре таких ремешка. Исследователи обратили внимание на асимметричность в количестве украшений и системе соединения ремней с разных сторон узды и высказали предположение о том, что подобная ситуация могла быть связана с тем, что левая сторона оголовья, с которой осуществлялась посадка всадника в седло, считалась «парадной» (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 56).

Более простая по конструкции и оформлению узда была исследована на черепе лошади в кургане №30 памятника Беш-Таш-Короо-II. С обеих сторон от черепа коня фиксировались нащечные ремни с бляхами и налобный ремень. На нащечных ремнях сохранились сферические бляхи: 14 – на левом и восемь – на правом, на налобном ремне располагалось семь таких изделий. Исследователи указывают на необычность размещения блях внутри налобного ремня, сложенного повдоль вдвое (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 56, рис. 5.-3, 4). В итоге Ю.С. Худяков и К.Ш. Табалдиев (1999, с. 57, рис. 6) провели комплексную реконструкцию конского убранства тюрок Центрального Тянь-Шаня, включающего узду, седло с нагрудником и крупным ремнем (см. рис. 10), и обозначили аналогии для подобных наборов в материалах памятника Кудыргэ в Горном Алтае, могильника Озен-Ала-Белиг в Туве, а также на фресках Пенджикента VII–VIII вв. н.э. Исследователи сделали вывод о соотношении рассматриваемых наборов с Западнотюркским и Тюркешским каганатами, в состав которых долины Центрального Тянь-Шаня входили в VII–VIII вв. н.э. (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с. 58).

Ю.С. Худяковым (1982) были осуществлены реконструкции конского снаряжения кыргызской культуры. Анализируя комплекс материалов начала II тыс. н.э., происходящих из памятника Терен-хол, с погребениями по обряду трупосожжения, исследователь привел несколько реконструкций седел. Внимательное исследование сохранившихся фрагментов изделий позволило сделать вывод о том, что седла из Терен-хола имели деревянный остов, обтянутый кожаным покрытием, которое крепилось к деревянной основе с помощью металлических оковок. Чаще всего они представляли собой узкие железные пластины с заклепками (Худяков Ю.С., 1982, с. 125, рис. 81). Оковки набивались на высокую переднюю луку седла. Их внешняя поверхность была покрыта сетчатым орна-

ментом и, вероятно, инкрустировалась серебром (Худяков Ю.С., 1982, с. 127, рис. 84.-1, 2, 9). Особенности оформления оковок из разных курганов учитывались автором при реконструкции. Кроме того, Ю.С. Худяков (1982, с. 126–127, рис. 82, 84) предпринял попытку восстановить расположения седельных пряжек, которые были найдены в погребениях.

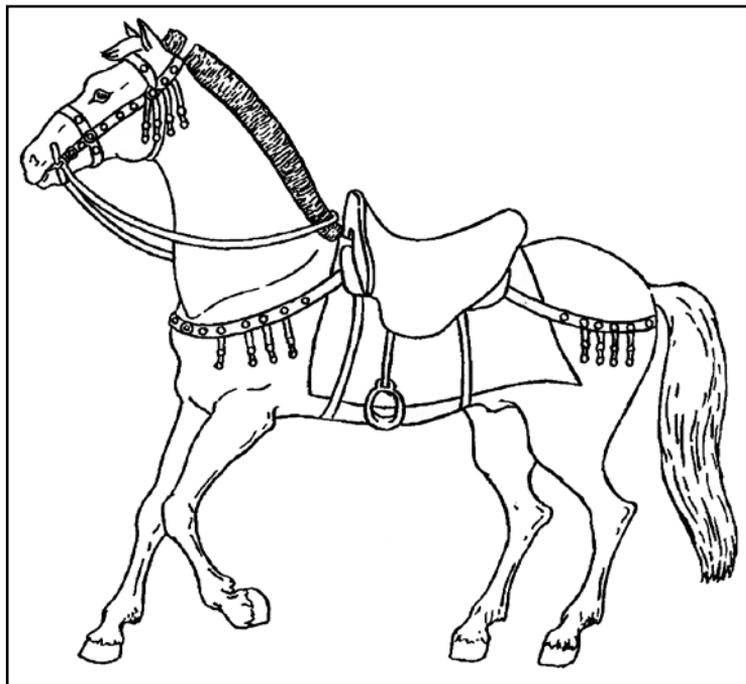

Рис. 10. Экипировка лошади по материалам памятника Беш-Таш-Короо-II. Реконструкция (по: Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, рис. 6)

В каждом кургане памятника Терен-хол были найдены металлические детали уздечных наборов (Худяков Ю.С., 1982, с. 128–129, рис. 85, 86). Ю.С. Худяков (1982, с. 129) отметил, что их количество и состав в инвентаре каждого отдельно взятого погребения носят случайный характер, что затрудняло реконструкцию. Тем не менее им было предложено несколько вариантов возможных уздечных наборов (Худяков Ю.С., 1982, с. 133, рис. 89). В составе наборов представлены распределители с сетчатым декором и инкрустацией, удлиненные железные накладки, султанчики с длинной, слегка изогнутой по форме морды лошади пластиной (Худяков Ю.С., 1982, с. 128–131, рис. 85–88).

Представленные Ю.С. Худяковым реконструкции демонстрируют достаточно стандартный набор украшений, выполненных в едином стиле. На перекрестьях налобного и наносного ремней с нащечными располагались кольчатые или цельные распределители, основные ремни узды украшались длинными или фигурными накладками. На двух из трех предложенных Ю.С. Худяковым (1982, рис. 89) реконструкциях продемонстрированы

наносные султанчики. Во всех случаях в центре налобного ремня закреплена вытянутая узкая инкрустированная пластина. Основанием для реконструкции служили некоторые находки, обнаруженные в сочленении (Худяков Ю.С., 1982, с. 132). Ю.С. Худяков (1982, с. 132) отметил, что подобная реконструированным оголовьям конструкция использовалась кыргызами и в конце I тыс. н.э. В начале II тыс. изменились декоративные особенности металлических украшений, новые изделия отличались плоским сечением и геометрическими мотивами орнаментации.

Основой для реконструкций стали материалы еще одного памятника кыргызов в Минусинской котловине – могильника Ортызы-оба, расположенного на склоне западного отрога горы Улуг-Биль. В исследованном кургане №7 вперемешку были встречены фрагменты жженных костей человека, лошади, железные оковки седла, бляхи от узды, пряжки, серебряная фольга. Обнаруженные находки позволили автору реконструировать седло и нагрудник (Худяков Ю.С., 1982, с. 151, 156; 157, рис. 102–103). Седло было декорировано арочными оковками с сетчатым орнаментом, инкрустированным серебром. Эти предметы позволили воссоздать седло с широкой передней лукой, обитой по дуге железной окантовкой (Худяков Ю.С., 1982, рис. 103). Нагрудник на основе обнаруженных металлических украшений был реконструирован Ю.С. Худяковым (1982, рис. 103, 104) следующим образом. В центре конструкции располагалось округлое украшение с ажурным краем и сетчатым орнаментом, от него в стороны расходятся три длинные накладки. Далее, чередуясь, располагались фигурные и сердцевидные бляхи, накладки с подвесными бляхами на шарнирах.

Следует отметить заслуживающий внимания опыт исследователей по реконструкции уздечных наборов из средневековых памятников Алтая на основании комплектов находок, обстоятельства обнаружения которых не позволяют точно установить детальное расположение украшений и конструктивные особенности кожаных ремней оголовья. В таком случае специалисты прибегают к уже имеющимся наработкам, выполненным на основе источников, зафиксированных «*in situ*». В этом контексте следует упомянуть реконструкцию А.С. Боровкова (2001, с. 3–8), основанную на коллекции уздечных находок, хранящихся в фондах Шипуновского районного музея (Алтайский край) и происходящей из погребения в одиночном кургане на Сурьей Сопке.

Располагая наконечником, бляхами-накладками, распределителем, налобной подвеской, пряжкой и тренчиком, А.С. Боровков осуществил

графическую реконструкцию (см. рис. 11), прибегая к двум аргументам. Во-первых, он обратил внимание на остатки кожаных ремней, сохранившихся на некоторых бляхах, что позволило установить их первоначальное взаиморасположение. Во-вторых, было учтено аналогичное по конструктивным особенностям оголовье со схожим набором украшений, которое было обнаружено «*in situ*» в погребении 2-й половины IX – 1-й половины X в. курганной группы Объездное-II того же Шипуновского района Алтайского края (Боровков А.С., 2001, с. 4, 8).

Воссозданный уздечный набор по своим конструктивным особенностям, а также набору украшений и специфике их декора свидетельствует о датировке в рамках 2-й половины IX – 1-й половины X в.

Следует отметить опыт реконструкций, осуществленных по материалам XIII–XIV вв. из памятника Телеутский Взвоз-I (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 83, табл. 3). Они выполнены только на основе имевшихся археологических находок, поэтому отчасти носят гипотетический характер, но тем не менее формируют общее представление о конском снаряжении, использовавшемся в монгольское время на территории Алтайской лесостепи. Согласно реконструкции, представленной при публикации материалов могильника, оголовье состоит из нащечных, налобного, наносного, заты-

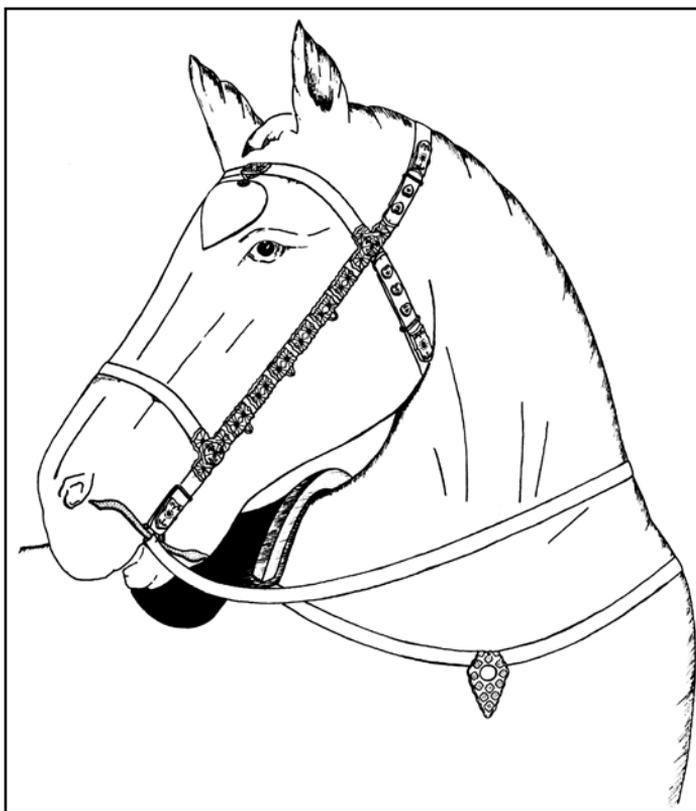

Рис. 11. Реконструкция парадной конской амуниции сротскинской культуры по материалам комплекса Сурья Сопка (по: Боровков А.С., 2001, рис. 7)

лочного, подбородочного и подгубного ремней. Налобный украшала круглая бляха, наносный – султанчик. На перекрестьях ремней располагались кольчатые железные распределители. Нащечные кожаные конструкции

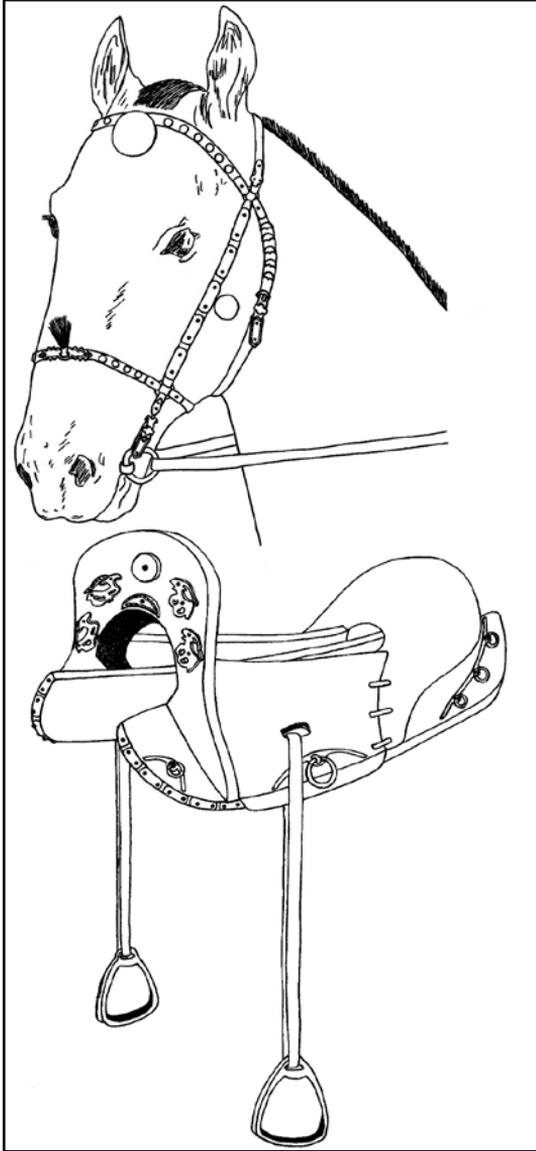

Рис. 12. Реконструкция конского снаряжения монгольского времени по материалам курганного могильника Телеутский Взвоз-I (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 3)

были украшены прямоугольными накладками, налобный и наносный – округлыми (см. рис. 12).

Приведенный обзор опыта некоторых исследователей при реконструкции конской амуниции демонстрирует необходимость точной, детальной фиксации археологических находок в месте их обнаружения. Зачастую даже при частичной сохранности предметов их местоположение и известные аналогии позволяют реконструировать уздечную или седельную конструкцию и имеющиеся на них украшения. Также отметим, что лишь немногие исследователи обращаются к таким источникам, как иконографические свидетельства, которые порой имеют ключевое значение для подтверждения гипотезы или получения сведений о принципиально новых конструкциях или комплектах амуниции, не известных по археологическим данным.

Методика достоверной реконструкции может быть реализована только при внимательном, скрупулезном анализе источниковой базы. Процедура реконструкции по данным археологических материалов начинается еще в про-

цессе проведения раскопок. Для того чтобы получить полноценную информацию, необходимо тщательно (графически, фотографически и описательно) зафиксировать расположение ременных конструкций (по остаткам сохранившихся ремней), а также положение и точное количество всех изделий, имеющих отношение к снаряжению коня. В случае если кожаные конструкции не сохранились вовсе, то необходимо внимательно проследить направление расположения украшений. Данная информация будет свидетельствовать о наличии того или иного ремня в конструкции.

Реконструкцию выполнить несложно, если все предметы зафиксированы при раскопках, т.е. в их изначальном положении (*«in situ»*). Такая ситуация является достаточным и прочным основанием для достоверного воссоздания. Если предметы смещены от своего первоначального положения, следует фиксировать их расположение относительно основного скопления, что поможет в дальнейшем восполнить недостающие элементы. Известны ситуации, когда ремни располагались на лошади, а украшения в силу различных причин (например, ограбление могилы) были смещены. В таком случае помогут следующие наблюдения. На ремнях всегда сохраняются отпечатавшиеся в коже контуры вещей, а также отверстия от шпеньков. Наложение предметов на ремни при совпадении контура и отверстий со шпеньками позволяет определить изначальное положение украшения.

В случае если сохранилась только часть конструкции (например, половина оголовья), то недостающая восстанавливается по принципу симметричного расположения. Известны ситуации, когда лошадь находилась в могиле на боку. В таком случае часть узды, лежавшая под головой животного и соприкасавшаяся с землей, может сохраняться лучше и служить ориентиром для реконструкции. Кроме того, в подобном случае часть украшений налобного и нащечного ремней с верхней стороны черепа коня может сместиться сквозь глазные впадины черепа и попасть под него. Таким образом, с нижней его стороны оказывается большее количество украшений, чем с верхней. Данное обстоятельство необходимо учитывать при реконструкции и осуществлять ее с учетом принципа симметрии. В связи с этим укажем, что аналогично нужно учитывать тот момент, что украшения с налобного или наносного ремня под действием определенных факторов также могут скатиться с черепа животного в сторону.

Возможны ситуации, когда исследователи располагают наборами украшений из разрушенных погребений, имеющих некоторые отличия. Напри-

мер, в изучаемом комплекте предметов имеются наконечники ремней и пряжки из серебра и бронзы. Можно предполагать, что серебряные изделия располагались на видимых частях узды (например, на подвесных ремешках). Бронзовые же наконечники и пряжки, вероятно, служили для застегивания подбородочного и подгубного ремней. Наконец, реконструкция может осуществляться по аналогии с уже известными наборами в соответствии с категориями украшений и их количеством.

Реконструкции нагрудников и накрупников снаряжения верховых коней осуществляются на аналогичных основаниях. Отличия состоят лишь в местоположении изделий в погребении. Украшения нагрудника обычно находятся под черепом и передней частью лошади, слева и справа от шеи коня. Декоративные элементы накрупника располагаются слева и справа на крупе животного и костях задних конечностей.

Исследовательская деятельность по реконструкции предполагает пристальное внимание к особенностям погребального обряда. При этом принципиальное значение имеет точность фиксации всех элементов конского снаряжения на памятнике в процессе раскопок. Отметим, что не только положение предметов и конструкций «*in situ*» может служить источником для реконструкции. Известны случаи, когда в частично потревоженных погребениях точные определения местоположения всех элементов (в том числе относительно костяка лошади и относительно друг друга) позволяют выявить особенности кожаных конструкций снаряжения верхового коня и расположения украшений на них.

Реконструируя уздечные наборы и седельные ременные конструкции, в ряде случаев (для уточнения или подтверждения результатов реконструкции) необходимо использовать не только археологические (вещественные) источники, но и иконографические (изобразительные). В силу специфики сохранности археологических материалов (например, неполный или нарушенный уздечный набор, происходящий из ограбленного погребения) иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают создать реконструкцию, максимально близкую к оригиналу.

ГЛАВА 2

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ РОЛЬ В РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Реконструкции, позволяющие воссоздать историко-культурную ситуацию прошлого, – важнейшее направление археологических исследований. Результаты их применения, как правило, наглядны, предметны и позволяют непосредственно увидеть элементы древней или средневековой материальной культуры.

В силу того, что декоративные детали снаряжения раннесредневековых кочевников являются археологическими материалами, то при реконструкции внешнего вида уздечных и седельных комплектов особое значение приобретают такие факторы, как целостность или фрагментарность обнаруженного набора. Важна также процедура фиксации (графической, фотографической, описательной) изделий в процессе раскопок.

Реконструируя средневековые уздечные наборы и седельные ременные конструкции, необходимо учитывать использование *иконографических (изобразительных) источников*. В силу специфики сохранности археологических материалов иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают создать реконструкцию, максимально близкую к существовавшему в прошлом вещественному оригиналу (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 91–104; Горбунова Т.Г., 2006а, с. 49–53).

Термин «иконография» в переводе с греческого означает «пищу изображение» и трактуется как система вариантов (канонов) изображения персонажа, лица, события. Иконография в искусстве – строго установлен-

ная система изображения каких-либо персонажей или сюжетных сцен. Иконографические системы были порождены возникшей в древности связью искусства с религиозным культом и ритуалом. Обязательность соблюдения правил иконографии устанавливалась с целью облегчить узнавание персонажа или сцены и согласовать принципы образно-наглядного изображения с господствующей мировоззренческой концепцией. На протяжении веков с обогащением искусства новым содержанием иконографические схемы постепенно менялись. Обмирщение искусства, развитие реализма и творческой деятельности мастеров обусловили как свободу истолкования старых иконографических схем, так и появление новых, менее строго регламентированных (Пластические искусства, 1994, с. 46).

В современном искусствознании иконография понимается как описание и систематизация типологических признаков и схем, принятых при изображении каких-либо объектов. Метод иконографии сложился в 1840-х гг. во Франции и Германии как средство изучения средневекового искусства, его источников, связей с религиозными и литературными явлениями путем истолкования символики, аллегорий, атрибутов и т.д. В конце XIX – начале XX в. русский историк искусства Н.П. Кондаков использовал метод иконографии для изучения византийских традиций в средневековом русском искусстве. Американский ученый Э. Панофский предложил рассматривать иконографию как основу так называемого иконологического метода исследования сюжетной стороны произведений искусства, чтобы определить их значение и смысл в контексте данной культуры, выявить отраженные в них черты мирозерцания (Богемская К.Г., 1972, с. 122).

Под иконографией также понимают совокупность изображений какого-либо лица или совокупность сюжетов, характерных для какой-либо эпохи, направления в искусстве и т.д. (Чежина Е.Ф., 1990, с. 80).

С.С. Ванеян (2008, с. 84) определяет иконографию как один из методов смыслового анализа изобразительного искусства. Он подчеркивает, что иконография сосредоточена на прямом смысле изображения, которое является визуальной репрезентацией некоего предмета, явления, лица, идеи, темы и т.д. Иконографии присущ описательный характер, ее главная задача – систематизация, классификация изобразительных черт и элементов. Иконографический анализ произведения должен выявить источник его содержания, поэтому иконографии свойственна и источниковедческая направленность. Истоки иконографии С.С. Ванеян (2008, с. 85–86) усматри-

вают в античном жанре экфрасиса – литературное описание произведений искусства (Плиний Старший, Филострат Старший, Павсаний).

В эпоху средневековья сложились определенные каноны изображения экипированных верховых лошадей или воинов на таких конях, которые отображали реалии своего времени. Они фиксируются в следующих категориях иконографических источников, отражающих несколько художественных канонов. В первую очередь следует назвать **погребальные скульптуры**. Скульптура (лат. *sculptura*, от *sculpo* – вырезаю, высекаю) – изваяние, пластика – разновидность изобразительного искусства, произведения которого имеют объемную форму и выполняются из твердых или пластических материалов. Различаются круглая скульптура (статуя, статуэтка, бюст), осматриваемая с разных сторон, и рельеф (изображение располагается на плоскости – барельеф и горельеф) (Барельеф, 2005, с. 43).

Значительная часть погребальных статуэток – фигурки лошадей – происходит из археологических памятников территории Китая. Собранный и проанализированный материал объединил более 20 таких источников, изображающих верховых коней или лошадей с всадниками (Гумилев Л.Н., 1949, с. 235, 246–247; Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112; с. 232, рис. 48а, 48б; Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41-в; Вень У, 1964, с. 7–33; 1981, с. 82–88; 1990, с. 44; Вайнштейн С.И., 1991, с. 225, рис. 100.-5; де Моран А., 1982, с. 67; Каогу, 1960, с. 37; 1983, с. 442–445; 1985, с. 459–465; 1992, с. 1008; Каогу Тунсинь, 1958; и др.). Фигурки, сделанные из терракоты, являлись миниатюрными моделями для замены людей и животных.

Среди указанных материалов лишь статуэткам из двух комплексов – Астана и Туяк-Мазар (см. рис. 13) – посвящены исследования на русском языке. Они представляют собой фигурки всадников на лошадях. Памятники Астана и Туяк-Мазар расположены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан), а рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640 г. – 80-ми гг. VIII в. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 108; 111, рис. 48а).

Л.Н. Гумилев (1949, с. 232–240) охарактеризовал этимологию названия памятника Туяк-Мазар. «Мазар» – общеизвестное название могилы, погребения. Слово «Туяк» – 1) запертый, огражденный; 2) целый, полный; 3) запруда, закрытое место – не дает путей для решения вопроса. Туяк-Мазар – крупное погребальное сооружение среди развалин западной части горловины ущелья. Центральная часть его состоит из камеры и двух рядов сводчатых комнат по

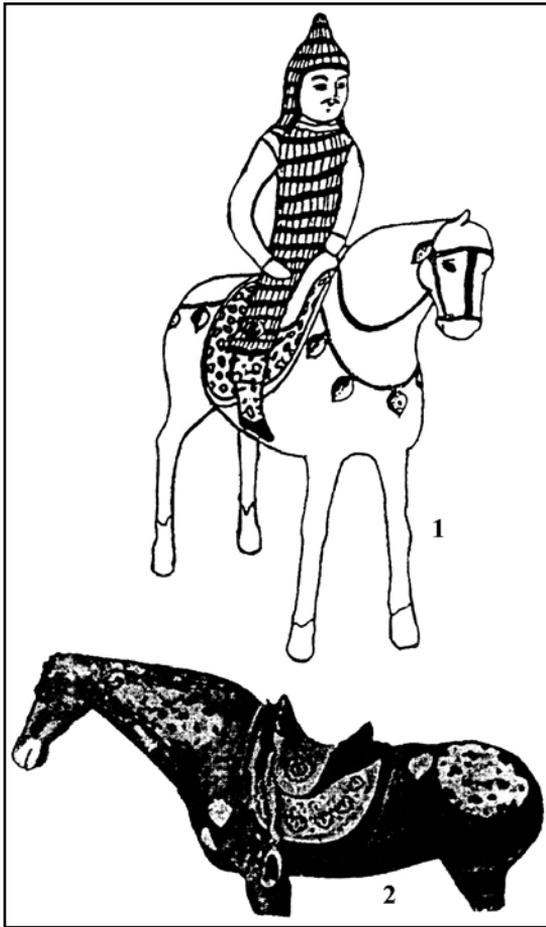

Рис. 13. Статуэтки конных всадников из Туюк-Мазара и Астаны (по: Гумилев Л.Н., 1949; Вайнштейн С.И., 1991, рис. 100.-5)

бокам. Комнаты эти примыкают к скале со склепами, в которых и были найдены статуэтки.

Л.Н. Гумилев (1949, с. 240–245) дает следующее описание этих статуэток. Лошади из Туюк-Мазара крупны, с широким крупом, тонконогие, короткошеие, с тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход. На скульптурках изображено широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, лежащее на двух черных потниках, причем нижний снабжен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно деревянное, снабжено круглыми стремянами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел, от нагрудника идет дополнительная шлея, через спину лошади, впереди седла. Вероятно, ее назначение – облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Снаряжение украшено бе-

лыми круглыми бляхами и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде. Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку; грива подстрижена. Все это создает впечатление хорошо натренированного и подготовленного коня, которого любят и на которого надеются в трудные минуты. Всадники сидят в седле, свесившись набок, что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни.

Схожие скульптурки лошадей были найдены в могильнике Астана. Комплекс расположен в Турфанском оазисе в 45 км к юго-востоку от Турфана и в 1–2 км к западу от деревни Астана. Памятник Астана находится на узловом

пункте Шелкового пути и датируется в пределах 273–779 гг. н.э. Могильник исследовался А. Стейном, экспедициями Д.Н. Клеменца, С.Ф. Ольденбурга, китайским археологом Хуаном Вэньби, экспедициями Института археологии АН КНР и Синцзян-Уйгурским музеем. Материалы раскопок последних публиковались в журнале «Вэнь У» («Материальная культура») (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 108).

Анализируя материалы памятника, Е.И. Лубо-Лесниченко (1984, с.113) указал, что документы, относящиеся к третьему периоду существования могильника Астана (640–680-е гг. VIII в.), свидетельствуют об усилении тюркоязычной прослойки среди населения Турфанского оазиса, в том числе о поселении в 734 г. в уезде Сичжоу целого тюркского племени. В связи с этим целесообразно привести мнение Л.Н. Гумилева (1949, с. 247, рис. 4–6), который полагал, что скульптуры из Астаны и Туюк-Мазара представляют собой изображения тюркских воинов, служивших в войсках Танского правительства Китая. Указанные замечания позволяют нам с достаточной уверенностью констатировать, что турфанские статуэтки конных воинов изображают тюрков.

Описывая статуэтки из Туюк-Мазара, Л.Н. Гумилев (1949, с. 245–253) ссылается на исследования Ауреля Стейна, который изучал в Турфане кладбище в деревне Астана. В погребениях Астаны Стейн обнаружил статуэтки точно такие же, как в Туюк-Мазаре. Они находятся в могилах китайского типа, мало или вовсе не потревоженных. Богатый погребальный инвентарь содержал шелковые одежды с набивными рисунками, деревянные тележки, деревянные фигуры мужчин с подвижными руками, глиняные изображения животных и чудовищ, а также множество глиняных фигурок всадников. Из снаряжения на них изображены узкие, остролюкие седла, с потниками из барсовых шкур, с белыми бляхами, с тороками, свешивающимися позади седел. Попоны с широкими кистями сходны с попоны на сасанидских рельефах.

Астанское погребение удалось датировать с полной несомненностью благодаря тому, что в VII–VIII вв. старые бумаги, так же как и в наше время, шли на обертку, упаковку, подкладку и т.п. Для астанских погребений также употреблялась исписанная бумага, которую Аурель Стейн старательно собрал, а Масперо перевел и датировал. Из восьми кусков пять датируются 705 г., а остальные – 690, 693 и 709 гг. На основании этого А. Стейн датирует погребение 1-й четвертью VIII в. Кроме бумаг, А. Стейн об-

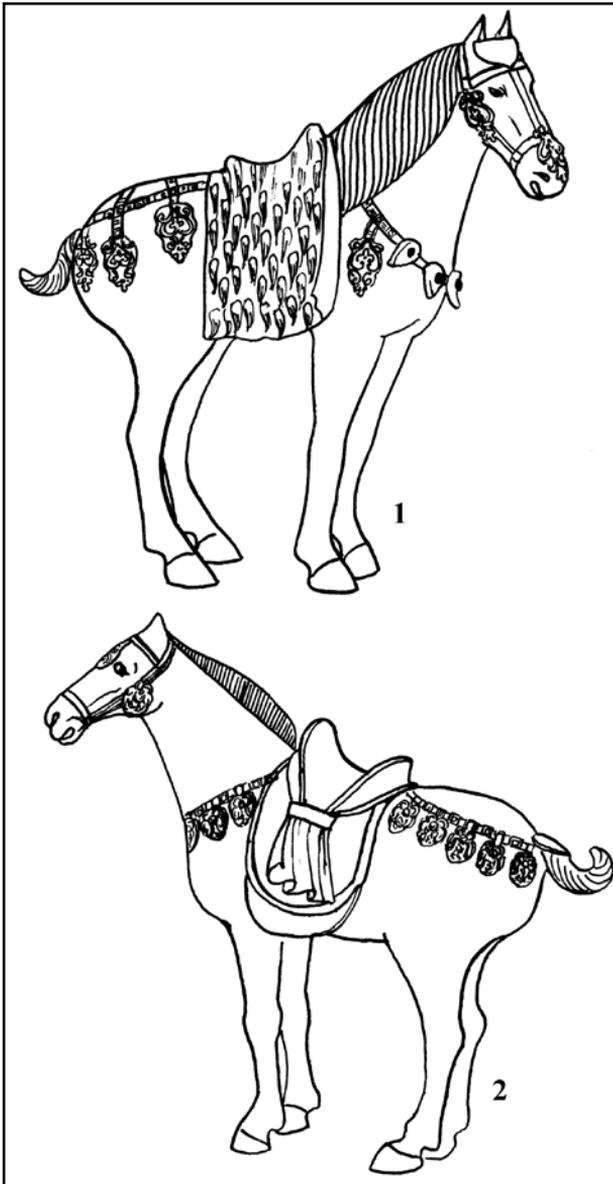

Рис. 14. Статуэтки лошадей эпохи Тан
(по: Каогу, 1985, №5, рис. 1, 3)

чении налобного и щечных ремней. Наиболее крупные из них и при этом близкие по форме к сибирским бляхам-подвескам изображены на статуэтке из танской могилы в селе Чжунбаоцзун западной окрестности

* Прорисовки статуэток из публикаций на китайском языке сделаны О.И. Чекрыжовой и публикуются автором впервые.

наружил несколько текстов на кирпичах, в могилах и около них. Они датируются 652, 667, 689 гг.

В качестве аналогий турфанским статуэткам Л.Н. Гумилев (1949, с. 250–253) указал изображения Сулекской писаницы, приведенные в публикации Аспелина 1911 г., а также бронзовые бляхи с изображениями конных всадников из Копенского чаатаса.

Целая группа статуэток, схожих с турфанскими, известна по публикациям на китайском языке, представленных в изданиях Каогу, Вень У, Каогу Тунсинь (см. рис. 14–18). Они демонстрируют материалы из погребений эпохи Тан на территории Китая. Данные скульптурные изображения отражают устойчивый иконографический канон*. Например, на некоторых лошадях четко фиксируется традиция расположения блях-подвесок на пересечении налобного и щечных ремней.

Сиана (Каогу, 1960, с. 37). На этой же статуэтке (см. рис. 17.-2) сердцевидные подвески украшают нагрудный (3 экз.) и на крупный (2 экз.) ремни в стиле, характерном для тюркской художественной традиции (Горбунова Т.Г., 2006а, с. 193–203).

Следует также отметить статуэтку из погребения эпохи Тан в провинции Хэнань (Каогу, 1985, с. 459–465). На ней бляхи-подвески располагаются посередине нащечных ремней, а не на уровне налобного, как во всех других случаях (см. рис. 14.-2). Именно такое расположение было характерно для уздечных наборов сросткинской археологической культуры Лесостепного Алтая (Шиготарова Т.Г., 2001б, с. 377, рис. 1.-9–11, 13).

Также заслуживают внимания статуэтки лошадей (Каогу, 1983, с. 442–445; Каогу Тунсинь, 1958; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41.-в), на которых изображены сердцевидные

бляхи-подвески с полусферическими выпуклинами в центре, украшающие узду, нагрудный и на крупный ремни снаряжения (см. рис. 16; 18.-1). Подобные изделия имели широкое бытование в материалах сросткинской археологической культуры (Шиготарова Т.Г., 2001а, с. 168–169, рис. 3–4). Среди них украшения из памятников Ивановка-III (Алехин Ю.П., 1996, с. 61, рис. 12), Шадринце-

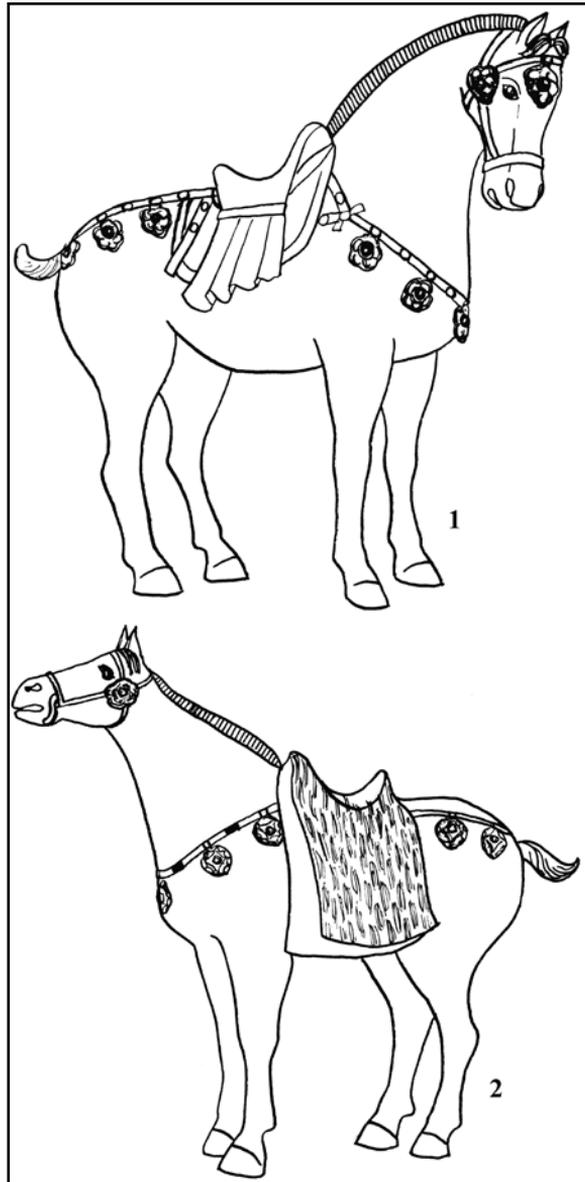

Рис. 15. Статуэтки лошадей эпохи Тан (по: Вэнь У, 1964, №1, рис. 3, 4)

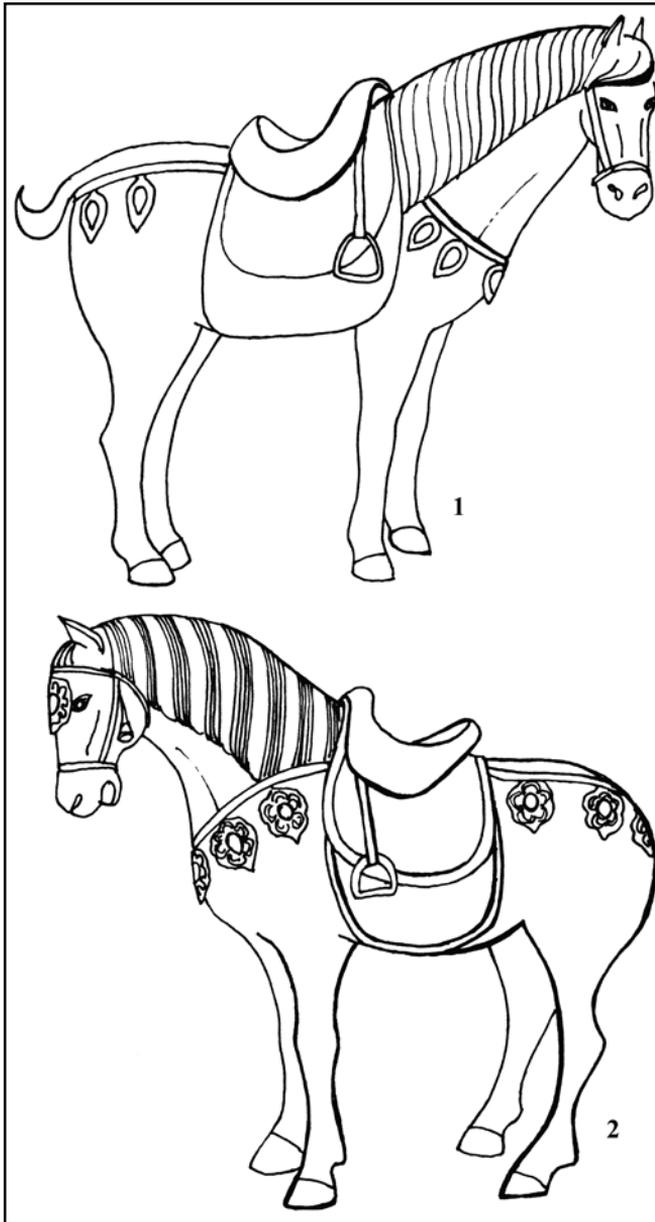

Рис. 16. Статуэтки лошадей эпохи Тан
(по: Каогу, 1983, №5, рис. 1, 2)

Отметим еще две иконографически схожие статуэтки лошадей эпохи Тан с территории Китая (Allgemeine Geschichte der Kunst, 1974, b. 247; Winogradowa N., Nikolajiwa N., 1980, s. 68). У изображенных лошадей

во-1 (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 185, рис. 6.-5, 6), Сростки-I (Неверов С.В., 1991, с. 125–128; коллекция М.Д. Копытова, 1925, БКМ им. В. Бианки, колл. 849), Филин-I (МАЭА АлтГУ, раскопки В.В. Горбунова, колл. №168), Кирилловка-I (АГКМ, раскопки В.А. Могильникова, 1983, колл. 15367). Также аналогичные подвески с личинами и растительным декором по контуру изделий входят в состав коллекции Н.С. Гуляева, хранящейся в фондах Национального музея Республики Алтай (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2009, фото 19, 20). Схожие по форме и декору подвески с выпуклой известны в материалах кыргызов (Евтюхова Л.А., 1948, с. 71, рис. 143, 144; Кызласов Л.Р., 1981, с. 144, рис. 33.-62; Король Г.Г., 2008, ил. 3.-2, 3).

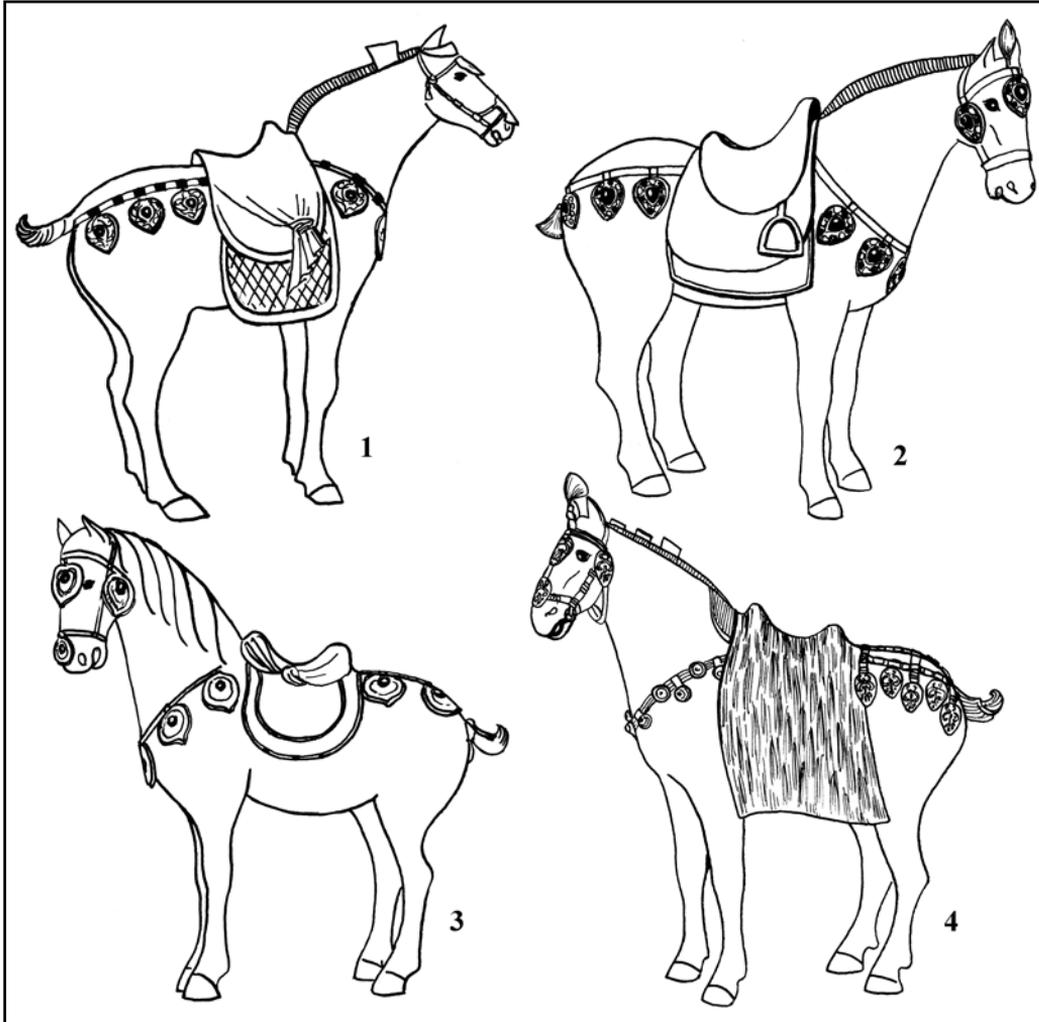

Рис. 17. Статуэтки лошадей эпохи Тан
(по: Каогу, 1983, №5, рис. 3; Каогу Тунсинь, 1958, №1, рис. 15, 17)

хвосты завязаны узлом. Помимо оголовья с налобным украшением, с достаточной степенью детальности и реалистичности продемонстрированы нагрудник и накрупник, украшенные подвесками. На одной из статуэток (Winogradowa N., Nikolajiwa N., 1980, s. 68) отчетливо видно, что накрупник состоит из подхвостного ремня и четырех декоративных перекидных ремней. На перекрестье каждого из них с основным ремнем на обеих сторонах закреплено подвесное украшение.

Иными словами, можно констатировать, что скульптурные фигурки лошадей фиксируют достаточно четкий иконографический канон,

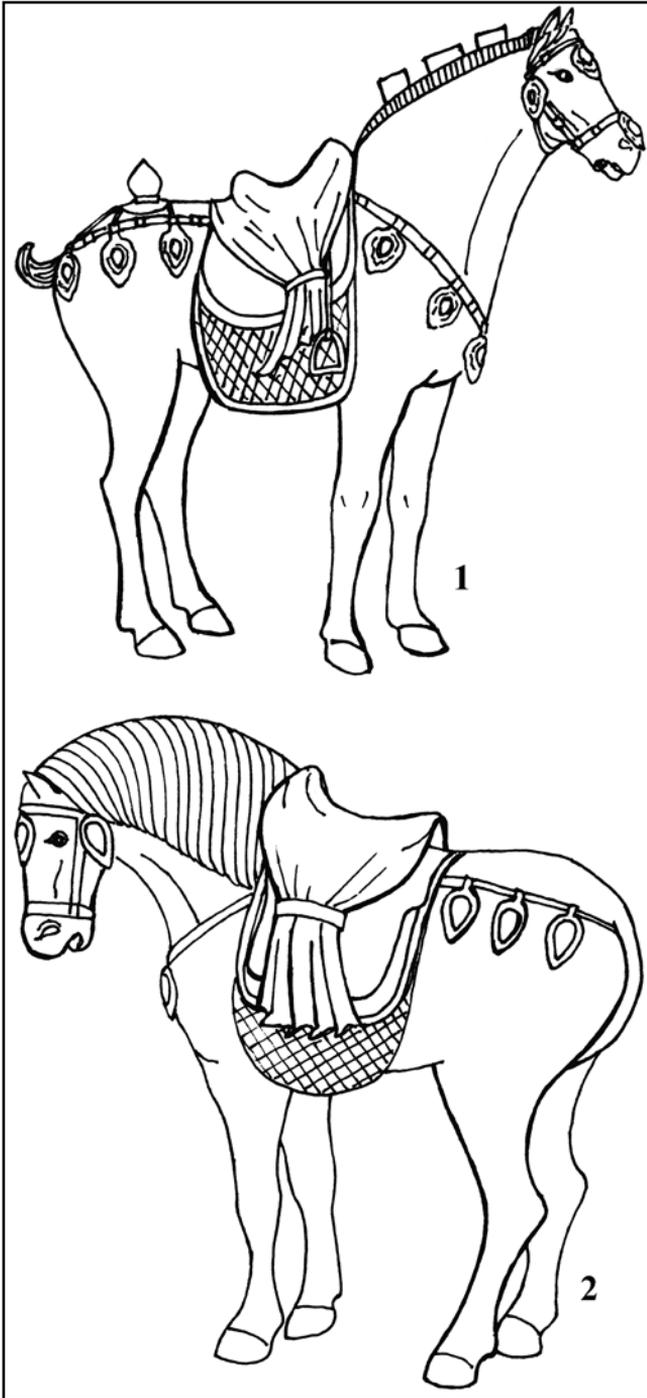

Рис. 18. Статуэтки лошадей эпохи Тан
(по: Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.,
1984, рис. 41.-в; Вэнь У, 1990, №7, с. 44)

связанный с изображением снаряжения и, по-видимому, отражающий бытовавшие реалии. На них всегда присутствуют ремни узды, нагрудника и накрупника. Уздечные конструкции вариабельны и соответствуют имеющимся археологическим аналогам: без налобного ремня, со всеми основными ремнями оголовья, с дополнительным срединным ремнем (параллелен нащечным и проходит посередине морды лошади). Набор изображаемых украшений достаточно стандартен: узда украшена налобной бляхой-подвеской, аналогичные изделия закреплены в районе перекрестья налобного и нащечных ремней слева и справа (на уровне глаз лошади). Нагрудник и накрупные ремни декорированы такими же украшениями, расположение и количество которых в некоторых случаях варьируется: три или пять на подперсье и четыре,

шесть или двенадцать. Декор на предметах во многих случаях воспроизводится достаточно детально: обозначены не только контуры бляхи, но и растительный орнамент, выпуклина в центре и т.д.

Еще одна категория иконографических источников – *барельефы*. Барельеф (фр. *bas-relief* – низкий рельеф) – вид скульптуры, в котором выпуклое изображение выступает над плоскостью фона, как правило, не более чем на половину объема (Большая российская энциклопедия, 2005, с. 43). Примером может служить барельеф, представленный изображением галопирующей лошади, из гробницы китайского императора Тайцзуна (умер в 649 г.; источник хранится в Музее Филадельфийского университета) (Winogradowa N., Nikolaewa N., 1980, s. 69). Гробница императора Тайцзуна Чжаолин находится на горе Цзюцзуншань в 23 км к северо-востоку от уездного города Лицюаня провинции Шэнси и в 80 км от Сианя. Среди сохранившихся достопримечательностей здесь имеется знаменитый барельеф, изображающий шесть коней (четыре таких изображения хранятся в Шэньсицском музее).

На рассматриваемом барельефе есть силуэт верховой лошади со свидетельствами наличия уздечной конструкции, а также нагрудника и накрупника от снаряжения коня. Отметим, что оголовье на рассматриваемом изображении имеет срединный ремень и дополнительные декоративные ремешки, расположенные ниже глаз лошади и соединяющие срединный ремень с нащечными.

Следующая группа изобразительных источников – *росписи* – орнаментальные и сюжетные композиции, создаваемые на различных частях архитектурных сооружений и на изделиях декоративно-прикладного искусства. Стенные и потолочные росписи представляют собой разновидность монументального изобразительного искусства, которая выполняется преимущественно средствами фрески, темперы, восковой живописи, масляной живописи и др. (Роспись..., 1975, с. 208).

Данная категория источников представлена на нескольких средневековых памятниках. Один из них – пещера №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датируемого не ранее конца VI – начала VII в. В ней исследовано панно, на котором изображена сцена осады Кушинагары, традиционная для восточно-туркестанского искусства V–VI вв. (Дьяконова Н.В., 1984, с. 100; 216, рис. 12). Шикшинские лошади, как отметила Н.В. Дьяконова (1984, с. 102), изображены мастерски, каллиграфически четкими росчерками кисти, с маленькой головой на короткой плотной

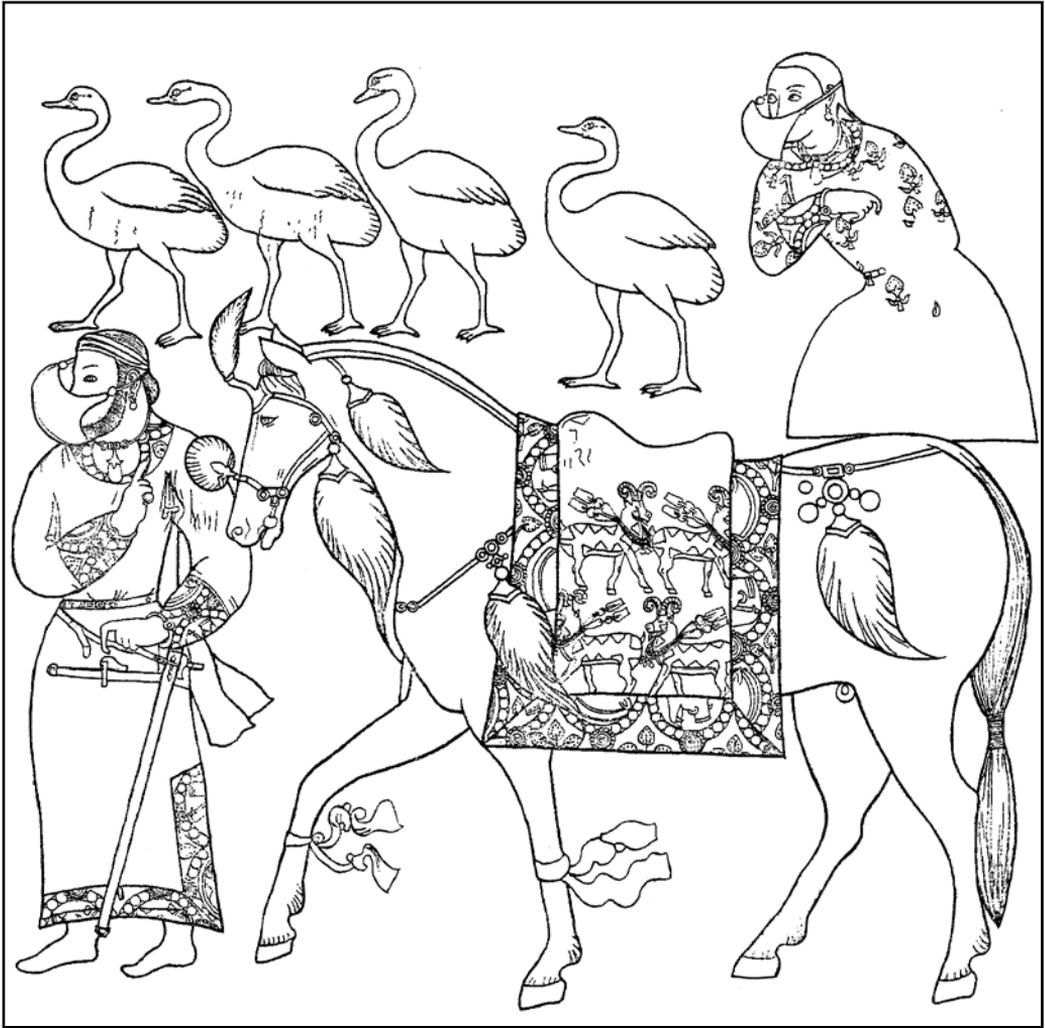

Рис. 19. Фрагмент росписи на южной стене Афрасиаба.
Реконструкция (по: Альбаум Л.И., 1975, рис. 12)

шее, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На лошадях прорисована узда без налобного ремня, декорированная подвесными украшениями слева и справа на уровне глаз лошади.

Кроме того, следует упомянуть росписи 2-й половины VII в. – 1-й половины VIII в. во дворце Афрасиаб в Средней Азии. Стены Афрасиаба украшены высокохудожественной росписью, выполненной клеевыми красками по глиняной штукатурке. В одном из помещений обнаружены своеобразные жанровые картины, которые располагаются на стенах в три яруса. «Сасанидские» художники живыми красками изобразили величественное

шествие мужчин и женщин, одетых в праздничные нарядные костюмы и несущих богатые дары. В шествии участвуют реальные и фантастические животные. Отличаясь яркостью красок, эти жанровые картины свидетельствуют о высоком мастерстве своих творцов, дают богатейший материал для изучения истории культуры Средней Азии до исламского завоевания. На территории холмистой местности Афрасиаба располагалась столица Согда – Самарканд. Исследование и реставрация росписей Афрасиаба проводились в 1960-е гг. под руководством В.И. Шишкина и при активном участии Л.И. Альбаума (1975, с. 4).

На южной стене данного памятника изображены семь лошадей. По мнению Л.И. Альбаума (1975, с. 48–50), в данном случае представлена сцена прибытия в Самарканд посольства из Чаганиана (см. рис. 19–21). Названные фрагменты росписей весьма информативны. Они содержат изображения всех кожаных конструкций конской амуниции, а также декоративных элементов, среди которых подвесные кисти, бляхи-накладки, султанчики. Наиболее ценными в этом отношении являются данные из Афрасиаба, демонстрирующие семь лошадей с наносными и налобными султанчиками, а также с накладками и подвесными кистями на нагрудном, на крупном ремнях, а также на затылочном и подбородочном ремнях узды (Альбаум Л.И., 1975, с. 47–50).

Начинает процессию многоплановая группа, в центре которой изображены богато украшенная серая лошадь (см. рис. 19) и четыре белых птицы над ней. Лошадь стройная с небольшой головой и высокой холкой, грива коротко пострижена. Лоб лошади украшен пышным начельником на металлическом золотом штифте. Под шеей изображена пышная развивающаяся белая кисть. Аналогичные кисти расположены около гривы, на нагруднике и на крупном ремне. Передние ноги украшены развивающимися лентами (Альбаум Л.И., 1975, с. 46–47). На наносном ремне закреплен султанчик.

В центре кавалькады представлен глава посольства – мужчина, сидящий на большой желтой лошади (см. рис. 20). Его изображение в два раза крупнее по сравнению с остальными фигурами. Лошадь украшена аналогично. Дополнительными деталями являются ленты на задних ногах и подвесные украшения на нащечном ремне (Альбаум Л.И., 1975, с. 48–49). Завершают кортеж пять всадников – двое впереди и трое позади (Альбаум Л.И., 1975, с. 49–50). Их кони снаряжены в аналогичном выше описанным лошадям стиле. У некоторых у затылка есть дополнительные кисти, у других их нет. У центральной лошади в последнем ряду у пересечения налобного ремня с

Рис. 20. Глава посольства на лошади. Южная стена дворца Афрасиаб.
Реконструкция (по: Альбаум Л.И., 1975, рис. 13)

нащечным изображены два подвесных ремешка, имеющие округлые украшения. У двух крайних лошадей, шагающих в последнем ряду, на нагруднике есть дополнительные подвесные украшения не крупных пропорций (см. рис. 21).

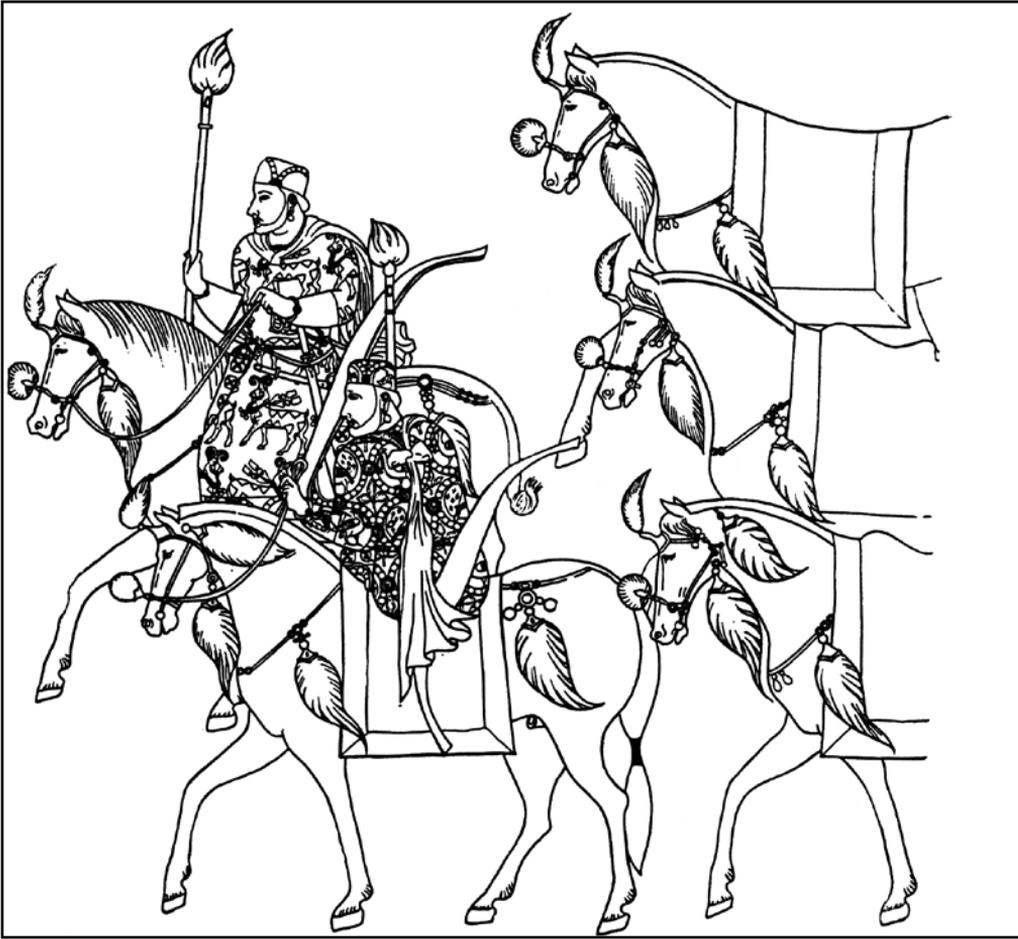

Рис. 21. Фрагмент росписи на южной стене Афрасиаба.
Реконструкция (по: Альбаум Л.И., 1975, рис. 14)

С точки зрения информативности при изучении средневекового конского снаряжения заслуживают внимания росписи Пенджикента. Пенджикент возник в V – начале VI в. н.э. и, как продемонстрировали археологические исследования, прекратил существование в VIII в. в связи с арабским завоеванием Средней Азии. Многие росписи пострадали от пожаров и сохранились лишь в виде пятен краски. Только в отдельных случаях прослеживается контурный рисунок отдельных фигур. Цветные изображения и их прорисовки были опубликованы А.М. Беленицким (1973). Пенджикентская живопись выполнена клеевыми минеральными красками на гипсовой подгрунтовке. Особый интерес представляют росписи западной и северной стен в помещении VI/41 (Беленицкий А.М.,

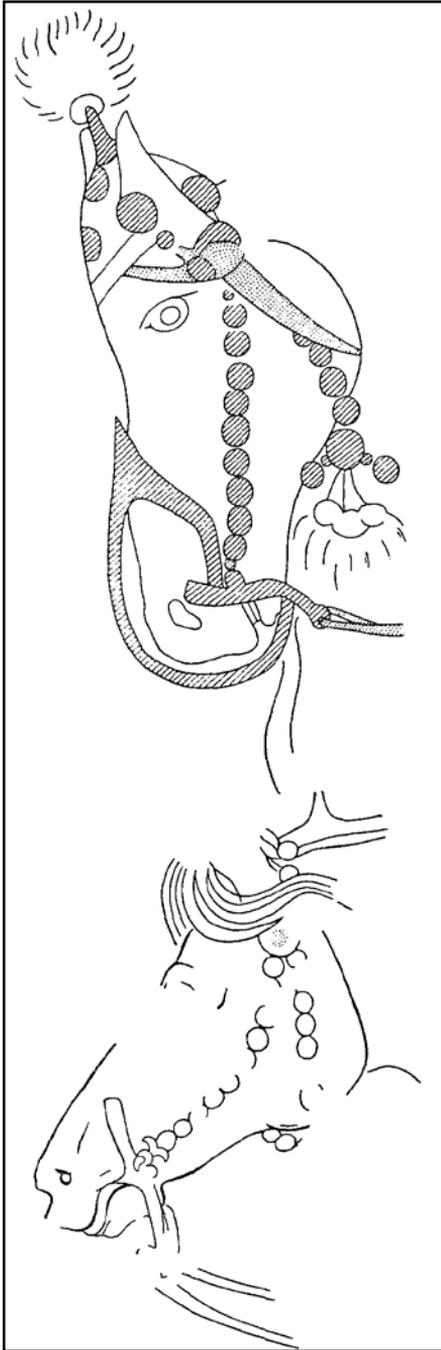

Рис. 22. Изображения лошадей в росписях Пенджикента. Реконструкция (по: Распопова В.И., 1980, рис. 71)

1973, ил. 7, с. 23–25). На них представлено несколько эпизодов с изображениями всадников на лошадях. Часть лошадей украшены шейными кистями и начельными султанскими украшениями (Беленицкий А.М., 1973, ил. 10, 11). На одной из них изображен нагрудник и накрупник с подвесками ромбической формы (см. рис. 22).

Анализируя предметы конского снаряжения и их изображения из Пенджикента, В.И. Распопова (1980, с. 102) отметила, что в рассматриваемых материалах лошади богато украшались бляхами разной формы – сердцевидными, лунницами, в виде трилистника. Сам ремень был орнаментирован мелкими бляхами, обычно округлой формы, сгруппированными, как правило, по три.

В.И. Распопова (1980, с. 102), анализируя материалы Пенджикента в качестве вещественных аналогий, приводит находки из памятника Тоньюкуку (1-я треть VIII в.), где был найден клад из 18 золотых блях двух форм. Одни из них – сердцевидные, со сложным растительным орнаментом, с фестончатым краем и петлей для подвешивания. Другие – продолговатые с заостренными концами, с фестончатым краем, со сложным растительным орнаментом и, вероятно, с гнездом для камня в середине. Эти украшения прикреплялись на ремни снаряжения. В некоторых случаях бляхи на пенджикентской росписи имели вставки из цветных камней или их имитаций.

Также В.И. Распопова (1980, с. 102) указала, что в росписях Пенджикента на груди лошади часто изображен бубенчик.

Бронзовые бляхи, на которых запечатлены всадники на лошадях, составляют отдельную категорию иконографических материалов. А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков (2001, с. 102) отмечают, что литые бронзовые подвески с изображением профильных фигур всадников в течение многих десятилетий и даже столетий привлекают внимание исследователей средневековых культур Южной Сибири. Авторы приводят изделия, впервые исследованные и зарисованные еще в XVIII–XIX столетиях (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 104, рис. 1.-1–5). По ним можно проследить особенности кожаных конструкций на верховых лошадях: узду с налобным ремнем и без него, повод, ремни нагрудника и накрупника.

Следуя подходу Г.Г. Король (2008, с. 123–126), бляхи с рисунками всадников можно разделить на динамичные (скачущие) изображения и статичные. Ссылаясь на мнение Б.А. Литвинского, Г.Г. Король (2008, с. 124) указала, что на таких предметах воспроизводились картины обычной жизни, что также могло сочетаться с эпичностью, поскольку реальные и мифологические сюжеты взаимодополнялись и пересекались в сознании людей. Отметим, что эпичность могла отразиться в иконографическом сюжете, а вещественные детали (в том числе украшения узды) носили достоверный характер и вряд ли могли являться результатом вымысла.

Статичные изображения происходят из памятников Алтая, таких как Сростки-I, Гилево-XII (Горбунов В.В., 2003, с. 149, рис. 36.-1, 2, 4, 7, 8), комплексов Верхнего Прииртышья, например, Кондратьевка-IV (Алехин Ю.П., 2003, рис. 1.-1–2), Аблай-кит (Король Г.Г., 2008, с. 271, табл. 13.-17) и др. Во всех случаях прослеживается уздечная конструкция с налобным, нащечными, наносным, подбородочным ремнями и поводом, в одном случае фиксируется подгубный ремень. Лишь на одной из блях из комплекса Гилево-XII (Горбунов В.В., 2003, с. 149, рис. 36.-4), кроме узды, присутствуют нагрудник и накрупник с подвесным украшением, что также имеет подтверждение в археологических материалах средневековых погребений из Алтайской лесостепи (Горбунова Т.Г., 2004в, с. 248, рис. 1).

Примером динамичных изображений являются бронзовые бляхи с силуэтами всадников на лошадях, которые происходят из кыргызского комплекса VIII – середины IX в. Копенский Чаатас (курган №6, тайники) в Минусинской котловине (см. рис. 23). Памятник расположен на левом берегу

Енисея, у с. Копёны. Рассматриваемые украшения считаются наборными и служили для украшения луки седла. Каждый набор отражает такой сюжет охоты: всадники «летят» между облаками в противоположные стороны, а вокруг них нарисованы животные.

Данные изделия содержат изображение всех основных ремней снаряжения, при этом седельные украшены подвесками (кистями) (Евтюхова Л.А., 1948, с. 47, рис. 80; Король Г.Г., 2008, с. 125, с. 271, табл. 13.-2). Судя по расположению подвесных украшений на бляхах, они размещены симметрично: три на нагрудном ремне и четыре на крупном (по две слева и справа).

Также к динамичным изображениям относятся бляхи с изображением лошадей из музея г. Дуньхуан. Лошади показаны идущими, одна из передних ног у них согнута в коленном суставе. Узды и повод, седло, чепрак и седельные ремни обозначены довольно детально, в отличие от бляшек с всадниками. А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков (2001, рис. 1.-5) полагают, что они относятся к кыргызской культуре, и датируют изделия IX–X вв.

Еще одна группа материалов – *гравированные изображения на предметах*. Гравирование – один из древних способов художественной обработки металлов и других материалов. Сущность данной технологии заключается в нанесении рельефа с помощью резца. В технологии гравёрного мастерства различают плоскостное (двухмерное, при кото-

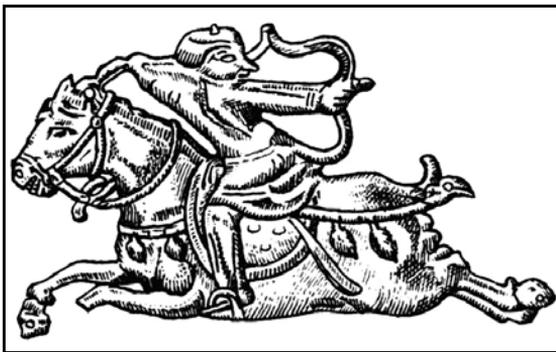

Рис. 23. Бронзовая бляха с изображением всадника на лошади из кыргызского комплекса Копенский Чаатас (курган №6, тайники) (по: Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 31)

ром обрабатывается только поверхность предмета) и оброчное (трехмерное) гравирование (Флеров А.В., 1981, с. 140; Лямин И.В., 1988, с. 50).

Б.Б. Овчинникова (2003, с. 267) отметила, что при гравировании поверхность процарапывается заостренным предметом и натирается сухой краской (охрой). Затем краску стирают с гладкой поверхности, чтобы она осталась только в процарапанных углублениях, четко выявляя

рисунок. Плоскостная сюжетная гравировка представлена на накладках на луки седла из могильника тюркской культуры Кудыргэ, датируемого 2-й половиной VI в. – 1-й половиной VII в. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV.-12). На данных изображениях представлены два типа уздечной конструкции с налобным ремнем и без него. Предметы были обнаружены в могиле 9 на спине коня, ниже лопаток (Гаврилова А.А., 1965, с. 24). На них изображены сцены охоты.

Также следует охарактеризовать и такую значимую категорию источников, как *петроглифы* – изображения на каменной основе, выполненные в технике граффити (прочерчивания мелкими и тонкими линиями) или контурной выбивки. Среди массы средневековых петроглифов Горного Алтая и Монголии информативными для реконструкции конской амуниции и ее декоративных элементов являются изображения из бассейна р. Чаганки на комплексе Кара-Оюк в Горном Алтае (Черемисин Д.В., 2001, рис. 3; Горбунов В.В., 2003, рис. 35.-7; Советова О.С., Мухарева А.Н., 2005, рис. III.-1, 2). В верховьях реки (правый приток Чаган-Узуна) и в 10–12 км вверх от с. Бельтыр находятся выбитые изображения животных, людей, сцены охоты, а также большое число гравировок. Они располагаются на отдельных останцах скальных пород правого берега Чаганки. У двух изображенных лошадей показаны начельные султанчики и подшейные кисти, а у одного из животных имеются подвесные украшения на нагрудном и на крупном ремнях.

Также лошади в снаряжении представлены на рисунках Сулекской писаницы в Минусинской котловине (Евтюхова Л.А., 1948, с. 105, рис. 187, 191; Советова О.С., Мухарева А.Н., 2005, рис. II.-8,9). Там представлены лошади с гривой, подстриженной тремя зубцами. С определенной долей условности можно говорить, что их узды украшены наносными султанчиками. На крупнике и нагруднике одной из лошадей – по три подвески ромбической формы.

Имеется также изображение из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемое 716–739 гг. (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214). С точки зрения реконструкции конского снаряжения данный рисунок имеет особое значение. На темной скальной поверхности он выделялся светло-серым пятном. Наибольшая высота рисунка 1,2 см, наибольшая ширина – 1,2 см. Изображение всадника на лошади, обращенное вправо, выполнено в реальной манере. Его левая рука согнута вниз и держит повод. Голова лошади,

относительно туловища, маленькая и короткая. Задняя часть туловища расширена*. Всадники на камнях-валунах Кочкорской долины изображены рядом с руническими надписями «мужа-воина Адыка». Левой рукой всадник держит поводья, на правой – сидит на привязи птица с длинным и широким хвостом. Круп лошади покрыт попоной, поверх попоны – ремень подхвостника со свисающими решмами листовидной формы. Седло отсутствует, всадник сидит, свесив ноги, вплотную к шее коня.

По мнению С.Г. Кляшторного (2001, с. 214–215), аналогией данному изображению являются материалы, исследованные близ г. Тайюань (провинция Шаньси) в саркофаге, покрытом нефритовой плитой. Изображения и сцены, вырезанные на плите, повторяют сцены, характерные для сасанидского и согдийского искусства. Из поминальной надписи было выяснено, что гробница воздвигнута для захоронения Юй Хуна, который при жизни был участником посольств в Персию и Согд, а умер он в 592 г. Интересным в данном случае является то обстоятельство, что убор коня, включая листовидные решмы на ремне подхвостника, совершенно идентичен тому, что изображен на кочкорском граффити.

При реконструкции конского снаряжения также большое значение имеют петроглифы, изученные в Монголии: изображения на памятнике Цагаан-Салаа-IV (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 3.-1) и рисунок из урочища Хар-Хад. Э.А. Новгородова и М.В. Горелик (1980, рис. 6, с. 112) датировали изображения Хар-Хада VI–VII вв. и указали на их тюркскую принадлежность. На петроглифах в технике граффити узда показана прямыми прочерченными линиями (не всегда доведенными до конца). На некоторых петроглифах, кроме кожаных конструкций амуниции, изображены украшения: подвесные бляхи или кисти, число которых различно (семь или пять на нагрудном ремне; шесть, четыре или десять – на крупном), налобные и наносные султанские украшения и подшейные кисти, а также гривы лошадей, подстриженные в виде трех зубцов.

Таким образом, иконографические источники являются достаточно информативными, предоставляющими разнородные, а порой уникальные сведения об амуниции верховых коней. Сравнительно-описательный анализ этих данных и вещественных археологических материалов позво-

* Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // <http://yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd7/sbd-7-10.pdf> [Электронный ресурс]. Дата обращения – 15.03. 2010 г.

ляет составить достаточно полное представление о конструкции оголовий и седельных ремней конского снаряжения, о наборах украшений и расположении их на амуниции лошади. На наш взгляд, декорированное конское снаряжение, представленное в иконографии, отражает определенные стандартизированные наборы украшений, использовавшиеся кочевниками в раннем средневековье в сочетании с конкретными ремennыми конструкциями. Их определенная универсальность могла быть обусловлена наличием этнокультурных (торгово-экономический, религиозных, культурно-политических) контактов как одного из средств коммуникации.

ГЛАВА 3

РЕКОНСТРУКЦИИ УЗДЕЧНЫХ И СЕДЕЛЬНЫХ НАБОРОВ

(по материалам средневековых памятников Алтая)

Реконструкция практически всегда представляет собой комплексное исследование, поскольку предполагает привлечение всех доступных материалов, методов и способов их интерпретации (Черносвитов П.Ю., 1991, с. 7). Современное состояние источниковой базы по декорированному конскому снаряжению (украшенному предметами торевтики) раннего средневековья позволяет применить различные методы их воссоздания.

Основой для реконструкции комплектов конского снаряжения раннего средневековья Алтая явились металлические украшения и сохранившиеся фрагменты кожаных конструкций, на которых они закреплялись. Среди таких изделий можно обозначить следующие категории: бляхи-накладки, бляхи-подвески, распределители ремней, султанчики, наконечники ремней. Каждая из категорий украшений имела свое определенное назначение и особенности месторасположения на ремнях амуниции, которые определялись традициями в оформлении данной группы кочевнического снаряжения.

Наиболее многочисленными являются наконечники ремней и бляхи. *Наконечники ремней* – декоративные и функциональные детали конского снаряжения, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня и предохраняли его от быстрого изнашивания. Следующая категория украшений – *бляхи* – фигурные пластины, изготовленные из цветного металла или железа. Такие изделия располагались как на основных (функциональных), так и на декоративных ремешках амуниции верховых лошадей. Бляхи представляют собой самую многочисленную и

разнообразную категорию конских украшений. Исходя из отличий изделий данной категории по форме, назначению, использованию и размещению на ремнях, их можно разделить на три подкатегории: бляхи-накладки (могли располагаться на любых ремнях амуниции); налобные бляхи-подвески (крепилась к налобному ремню); бляхи-подвески на нащечные ремни узды, нагрудник (подперсье) и накрупник (пахвы) конского снаряжения.

Реже встречаются в археологических материалах Алтая распределители ремней и султанчики. **Распределители ремней** – украшения и функциональные детали конской амуниции, образованные центральной частью и лопастями. Они служили для сочленения ремней и указывали их направление. **Султанчики** представляют собой украшения конского снаряжения, состоящие из втулки и пластины и служащие для закрепления волосяного или перьевого султана на ремне. Известны султанчики, которые закреплялись на наносном или налобном ремне оголовья, а также начельные (устроенные между налобным и затылочным ремнями) или накрупные (закреплялись на накрупном ремне снаряжения коня). Рассматриваемые декоративные изделия состояли из втулки и пластины. Султанная втулка – это полая трубка, зафиксированная в пластине перпендикулярно ей или непосредственно на ремне. Пластина – основание султанчика, служащее для установления втулки и закрепления изделия на ремне оголовья или накрупника. Обязательным элементом рассматриваемых украшений был волосяной султан – прядь конских волос (перьев), ради которой и устраивалась вышеописанная конструкция.

Пряжки и тренчики, входящие в состав зафиксированных археологически уздечных наборов, являлись функциональными деталями снаряжения: первые служили для застегивания ремней, а вторые – для дополнительной фиксации свободного конца ремня. Иногда эти изделия также орнаментировались (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003, с. 57–63; 2004, с. 47–63).

Основные направления морфологической эволюции различных украшений конской амуниции из раннесредневековых памятников Алтая продемонстрированы в соответствующих схемах (см. рис. 24–28), позволивших уточнить хронологию памятников, в которых обнаружены украшения, и выявить художественные традиции и особенности различных предметов, применявшихся для украшения верховых лошадей.

Основные эволюционные изменения блях-накладок были связаны с украшениями лепестковой и прямоугольной форм (см. рис. 24). Лепестковые бляхи с трапециевидным выступом эпохи I Тюркского каганата, на наш

взгляд, явились прототипами изделий 2-й половины VII в. – 1-й половины X в. Четырехлепестковые накладки сохранялись в тюркской культуре Горного Алтая до 2-й половины IX в. – начала X в. С влиянием тюрков можно связывать появление лепестковых накладок в середине VIII в. в Алтайской лесостепи. Бляхи с петельчатым выступом могли выполнять двойную декоративную функцию: являться собственно украшениями ремней и служить для закрепления кистей или лент (с помощью петли).

Следует заметить, что изначально (с середины VI в. до середины VII в.) такие изделия использовались в качестве украшений колчанов или в составе поясной гарнитуры (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXIV.-5, XIX.-2). С середины же VII в. такими бляхами стали декорировать и ремни конской амуниции. Лепестковые накладки с петельчатым выступом послужили основой для появления пятилепестковых украшений и уже в 1-й половине IX в. – прямоугольных блях с петельчатым выступом. Последние из названных изделий способствовали формированию прямоугольных накладок меньших пропорций с петельчатым выступом и без него. Прямоугольная форма накладок не является новой, так как известна в тюркских материалах со 2-й половины VI в. Бляхи-накладки прямоугольной формы наиболее характерны для грязновского этапа сротскинской культуры (2-я половина IX в. – 1-я половина X в.), на протяжении которого наблюдается тенденция к некоторому уменьшению их пропорций и преобразованию петли в сплошной выступ, имеющий только декоративное назначение. Эти бляхи относятся ко 2–3-й четвертям X в. (см. рис. 24.-10–26).

В сротскинских материалах 2-й половины IX в. – 1-й половины XI в. известны и прямоугольные накладки без выступов: с богатым растительным декором во 2-й половине IX в. – начале X в. и с растительно-геометрическим орнаментом в середине – 2-й половине X в. В развитии этих украшений не менее отчетливо прослеживается тенденция к уменьшению пропорций: от наиболее крупных во 2-й половине IX в. – начале X в. до наиболее мелких в середине X в. – 1-й половине XI в. (см. рис. 24.-24, 25). Богатый растительный орнамент на наиболее ранних сротскинских прямоугольных накладках, на наш взгляд, мог являться следствием кыргызского влияния. Аналогии таким украшениям встречаются в одновременных кыргызских материалах (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 130). Что касается растительно-геометрического декора, сменившего первый в начале X в., то он представляет собой характерный элемент сротскинских украшений конского снаряжения.

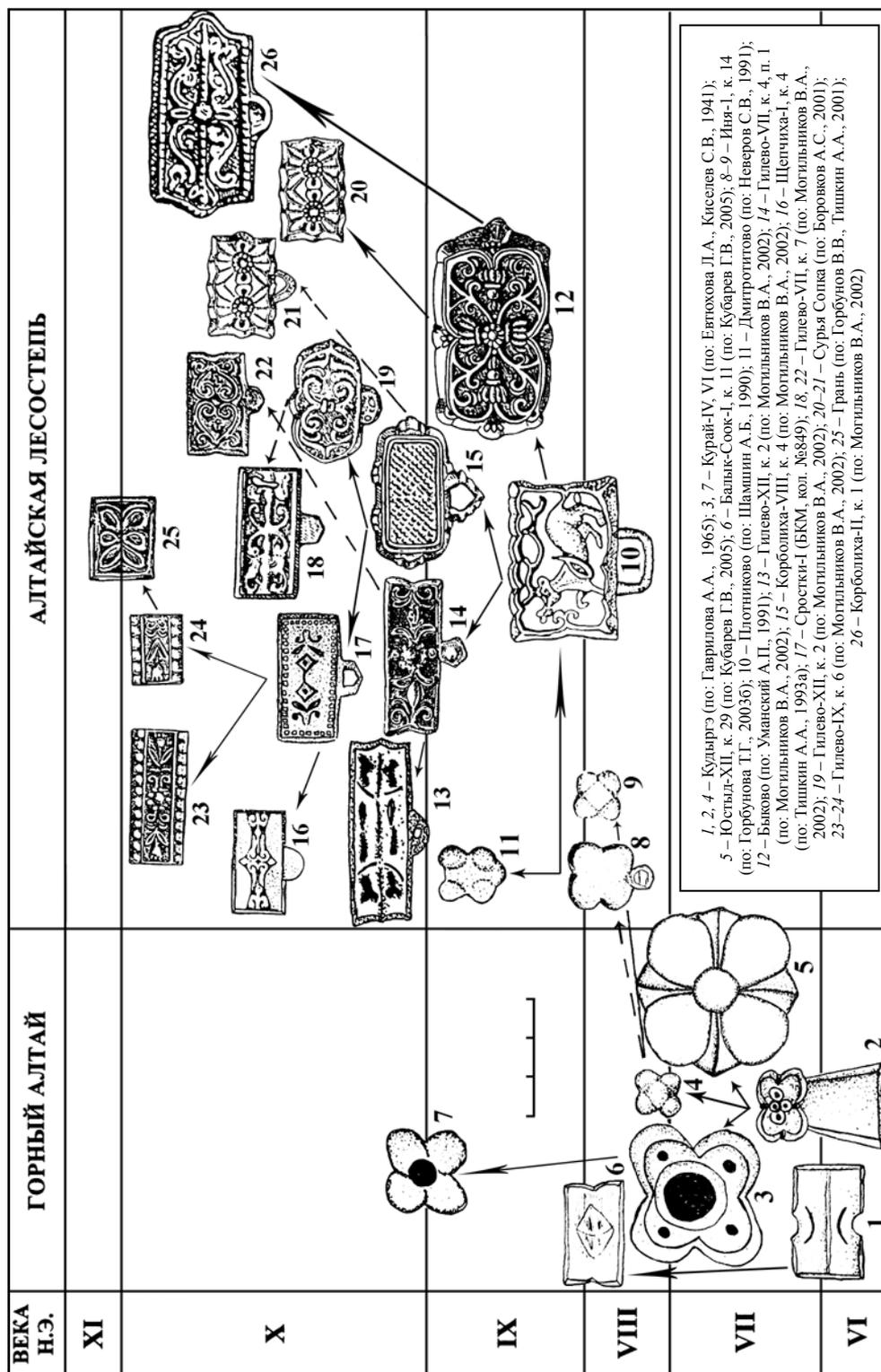

Рис. 24. Схема типологического развития блях-накладок из раннесредневековых памятников Алтая

Налобные бляхи также имели свою эволюционную линию (см. рис. 25). Самые ранние украшения этой категории происходят из тюркских памятников Горного Алтая 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. (см. рис. 25.-1, 2). К этому периоду относятся железные изделия различной формы (в том числе с позолотой). С середины VIII в. распространяются налобные подвески сердцевидной формы, гладкие, без орнамента. На их основе в рамках сrostкинскогo материального комплекса оформляются налобные подвески крупных пропорций, которые изготавливались из цветных металлов, а с середины XI в. для этих целей применяется железо.

Эволюция наносных султанчиков из раннесредневековых памятников Алтая протекала по трем основным направлениям (см. рис. 26). Первое связано с постепенным изменением конструкции изделия, второе – с изменением формы втулки, а третье – с изменением декора и формы султанной пластины. Наиболее ранние султанчики (1-я половина X в.) представляли собой цельнолитые изделия с короткой втулкой конической формы. Со временем втулку и пластину стали изготавливать отдельно, а затем соединяли путем продевания втулки в отверстие пластины и расклепывания ее краев. Сама втулка постепенно приобретала удлиненную цилиндрическую форму. Начиная с середины XI в., как и в случае с налобными бляхами, появляются железные султанские украшения.

На рубеже XI–XII вв. распространяются султанчики с раструбной втулкой (Горбунова Т.Г., 2007, с. 163–166). Следует отметить, что султанские украшения с раструбными втулками также известны в кыргызских комплексах XIII–XIV вв. на территории Минусинской котловины (Кызласов И.Л., 1983, таб. VII.-1, 7, 10, 11, 15).

Отдельно отметим направления эволюции формы и декора наконечников ремней (см. рис. 27). На территории Алтая они встречаются начиная со 2-й половины VI в. – 1-й половины VII в. и происходят из тюркских комплексов Горного Алтая. В период со 2-й половины VII в. по 1-ю половину IX в. наборы украшений конского снаряжения тюрков Горного Алтая включают овально-прямоугольные короткие наконечники. В середине VIII в. аналогичные наконечники появляются в материалах раннего этапа сrostкинскогo культуры. Часть из них также, как и собственно тюркские изделия, украшена геометрическим декором: нервюра в центре или прорезные элементы (дуги). На основе таких предметов в рамках сrostкинскогo культуры фор-

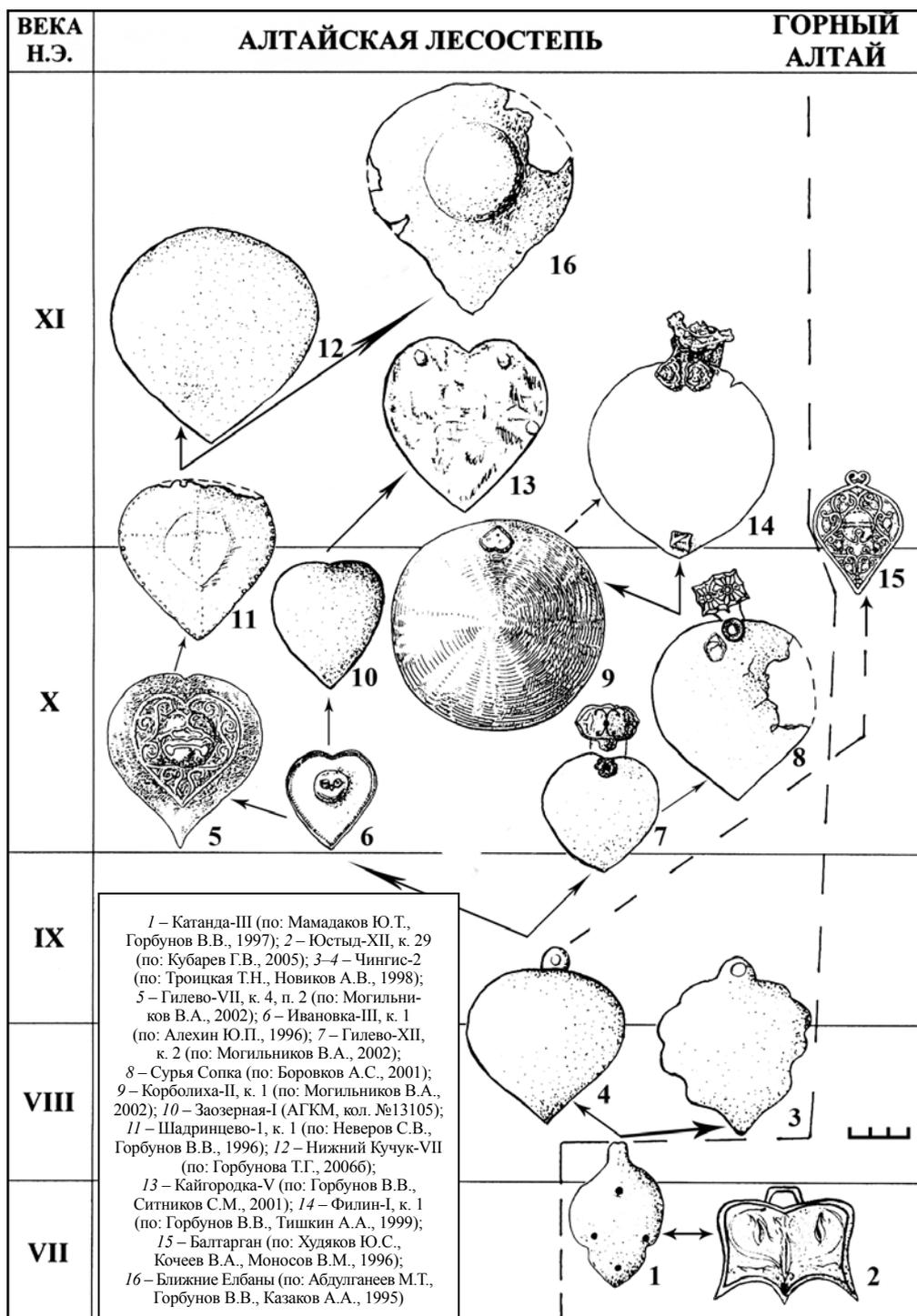

Рис. 25. Схема типологического развития налобных блях-подвесок из раннесредневековых памятников Алтая

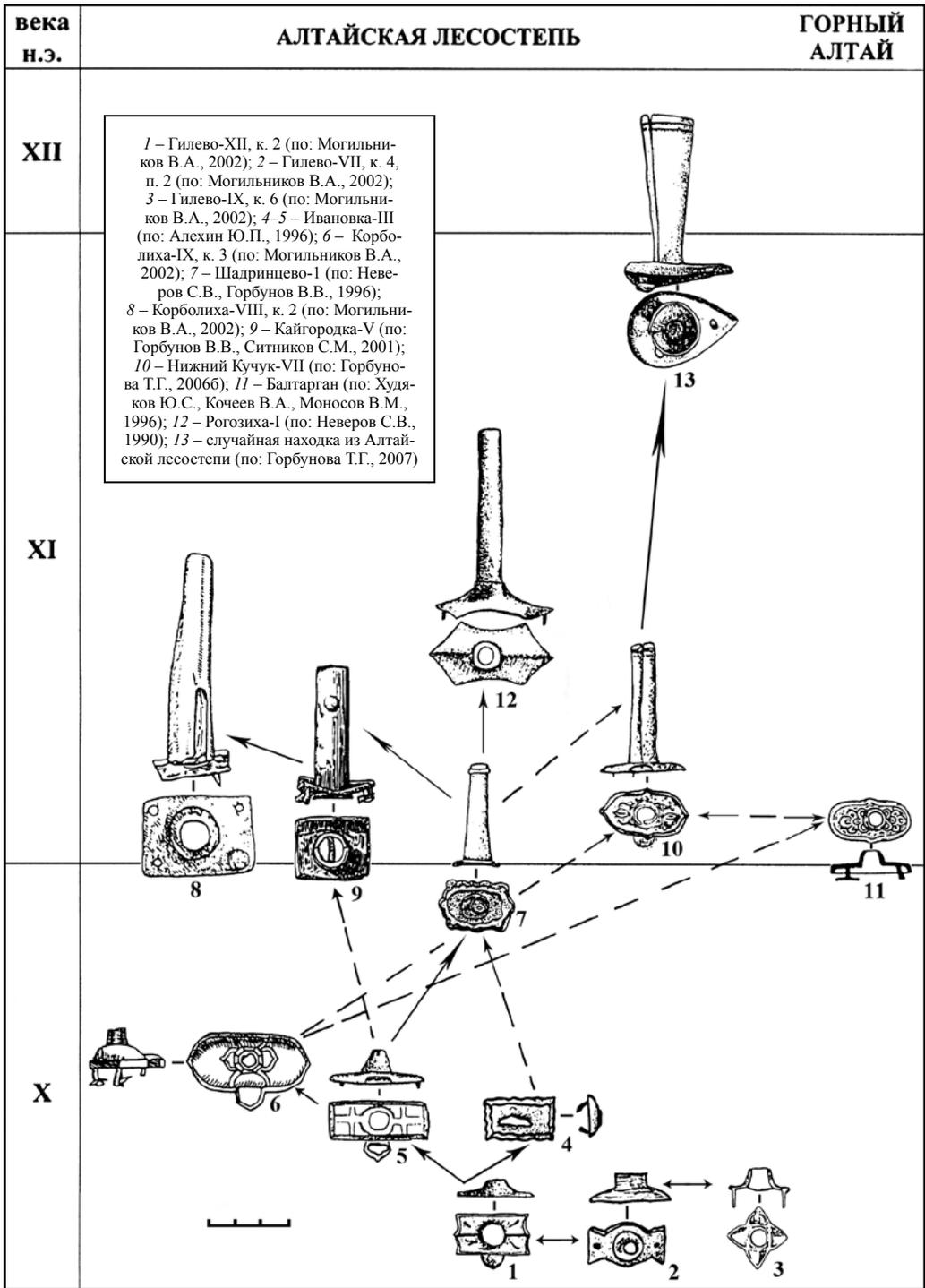

Рис. 26. Схема типологического развития наносных султанчиков из раннесредневековых памятников Алтая

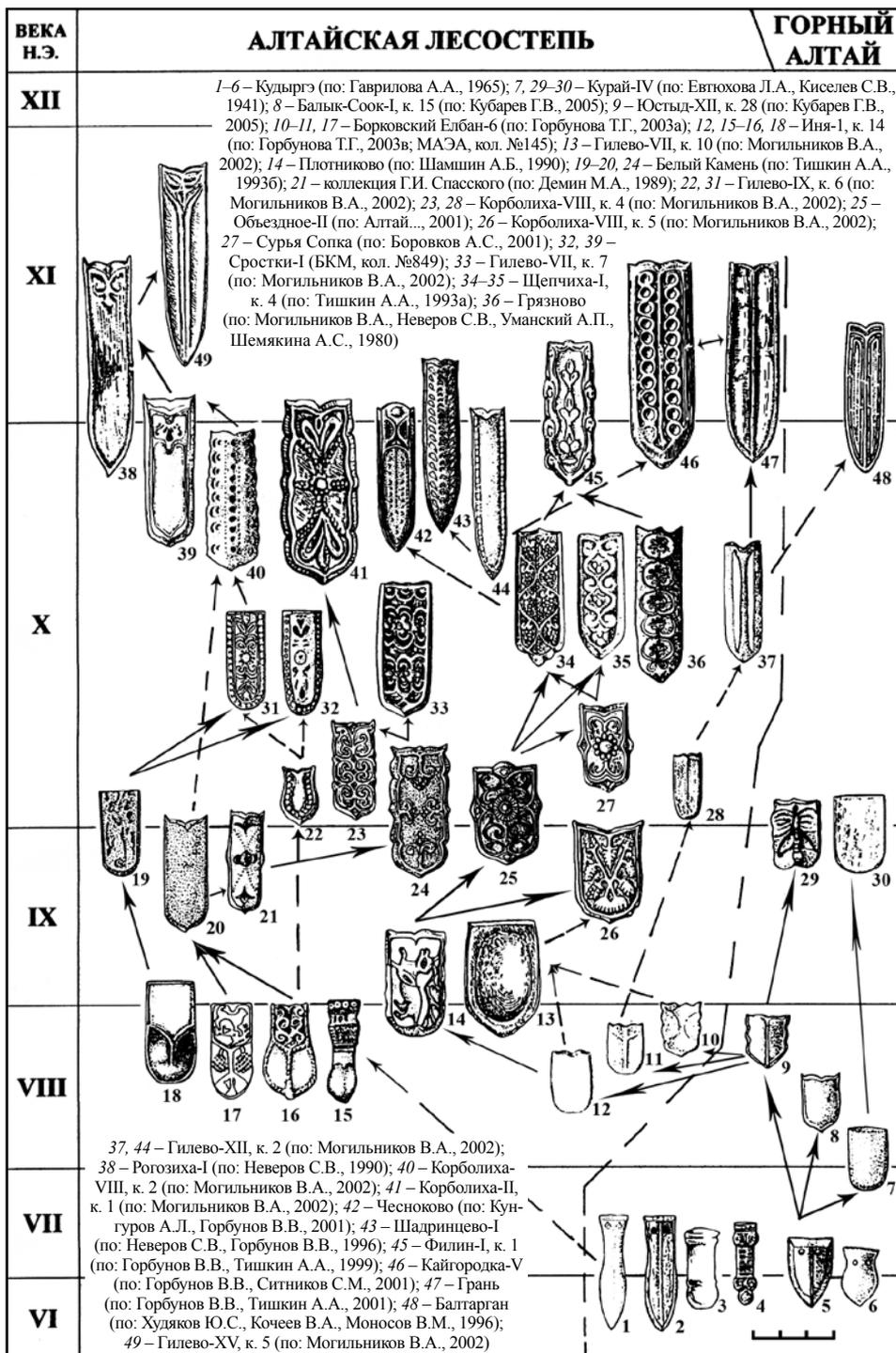

Рис. 27. Схема типологического развития наконечников ремней из раннесредневековых памятников Алтая

мируются овально-прямоугольные наконечники с волнистыми бортиками, полуовальным носиком и обратнофигурно-скобчатым основанием, которые имеют зооморфный орнамент.

Особенностью инского этапа сrostкинской культуры (2-я половина VIII в. – 1-я половина IX в.) является наличие так называемых язычковидных наконечников. Они, на наш взгляд, ведут свое происхождение от тюркских украшений аналогичной формы. Большинство наконечников обозначенного этапа культуры отличается делением лицевой части на три сегмента посредством V-образной нервюры или специальных изгибов на язычковой части предмета. Другая отличительная черта данных украшений – концентрация орнаментальных деталей в верхнем сегменте. Отметим, что наконечники без орнамента или с геометрическим декором тяготеют к вещам «тюркской» традиции. Наконечники же с растительным или зооморфным декором обнаруживают связи с местной (лесостепной) линией развития.

Дальнейшая эволюция наконечников ремней в рамках сrostкинской культуры представляется нам таковой: на основе коротких овально-прямоугольных изделий появляются украшения аналогичной формы, но с более сложным оформлением (фигурно-скобчатые бортики и основание, растительный декор). В это же время бытовали наконечники ремней овально-прямоугольной формы, с ровными или фигурно-скобчатыми бортиками и фигурно- или обратнофигурно-скобчатыми основаниями.

В 1-й половине X в. распространены овально-прямоугольные наконечники с растительно-геометрическим орнаментом. На рубеже грязновского и шадринцевского этапов сrostкинской культуры (2-я – 3-я четверти X в.) появляются килевидные наконечники. Своим происхождением они связаны с изделиями середины X в. Килевидные наконечники становятся отличительной чертой уздечных наборов шадринцевского этапа сrostкинской культуры. На некоторых из них наблюдается возрождение тюркского декора с помощью нервюр, проходящих по длине изделия. Число таких элементов возрастает. Отметим, что под влиянием носителей сrostкинской культуры аналогичные предметы встречаются в комплексах конца X в. – 1-й половины XI в. в Горном Алтае. Во 2-й четверти XI в. обычны также килевидные и овально-прямоугольные железные наконечники ремней конского снаряжения.

Наконец, рассматривая распределители ремней, отметим, что самые ранние их экземпляры на рассматриваемой территории происходят из

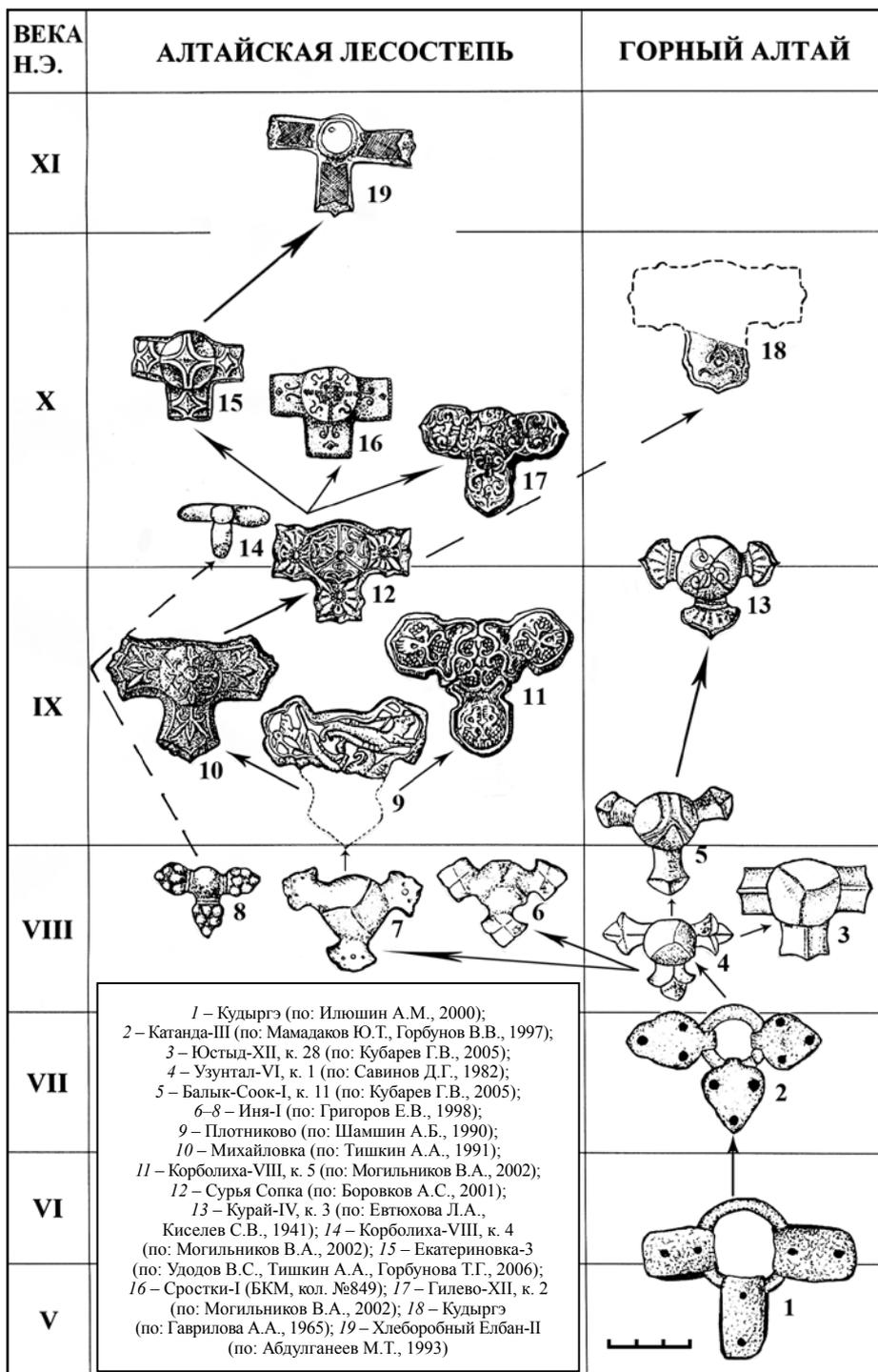

Рис. 28. Схема типологического развития распределителей ремней из раннесредневековых памятников Алтая

тюркских памятников (см. рис. 28). Это железные составные изделия 2-й половины V в. – 1-й половины VI в. Во 2-й половине VII в. – 1-й половине VIII в. у тюрков Горного Алтая бытуют распределители, отличающиеся от вышеописанных подтреугольной формой лопастей с лепестковыми окончаниями (Кубарев Г.В., 2005, с. 320, табл. 138.-4).

В период II Восточно-тюркского каганата, а точнее в 1-й половине VIII в., у тюрков появляются распределители из цветных металлов, с полусферическим центром, оформленным трехдольным делением, и подтреугольными лопастями. Такие украшения продолжают использоваться на протяжении 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. Особенностью данных типов изделий является наличие «перехватов» (зауженные места при переходе лопастей в центральную часть).

В середине VIII в. на территории Алтайской лесостепи появляются схожие с тюркскими распределители. При этом у них возникают новые детали оформления – лепестковые окончания лопастей. Аналогичные изделия, но более крупных пропорций и снабженные зооморфным орнаментом, сохраняются до конца IX в. В материалах 2-й половины VIII в. – 1-й половины IX в. сросткинской культуры известны распределители, используемые в качестве украшений повода. Они имеют меньшие размеры и лопасти, оформленные в виде гроздей винограда.

Дальнейший эволюционный процесс распределителей отражают изделия со слабо выраженными «перехватами», которые постепенно вовсе нивелируются. В результате ширина лопасти увеличивается, а угол между смежными лопастями становится близким к прямому. Лопасти окончательно утрачивают треугольную форму, а угол между смежными лопастями становится прямым. Данные украшения представлены несколькими вариантами.

Часть распределителей с середины IX в. украшается растительно-геометрическим орнаментом. Хотя используются и распределители с насыщенной растительной орнаментацией, что находит аналогии, например, в материалах из Тюхтятского клада и в случайных находках с территории Минусинской котловины (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 132, 139; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 37).

К шадринцевскому и началу змеевского этапа сросткинской культуры (2-я половина X – XI в.) относится несколько типов распределителей. Некоторые из них имеют прямоугольные лопасти с фигурно-скобчатыми

окончаниями. Кроме того, у них присутствуют принципиально новые черты: плоская круглая центральная часть и сетчатый декор на лопастях, позволяющий говорить о кыргызском влиянии. Подобный орнамент встречается на кыргызских распределителях и на других конских украшениях начиная с XI в. (Худяков Ю.С., 1982, рис. 85.-4; Кызласов И.Л., 1983, табл. VIII.-4, 5). Но они, в отличие от экземпляров нашей серии, изготавливались из железа и инкрустировались серебром, а сетка наносилась на все изделие полностью.

На рубеже X–XI вв. появляются железные распределители: однолучевые с кольчатым центром и одной подвижной лопастью. Кроме того, в предмонгольское время в качестве своеобразных реминисценций сохраняются и цельные трехлучевые распределители из бронзы (единичные находки), в том числе в комплексах Горного Алтая (Гаврилова А.А., 1965, рис. 13.-15).

Узкие датировки археологических памятников, приводимые в настоящем исследовании, явились результатом типологического анализа всех категорий украшений конского снаряжения (см. рис. 24–28) и их взаимной корреляции внутри комплектов для каждого памятника в отдельности (Горбунова Т.Г., 2003б; 2004а; 2005а; др.). При этом также учитывались особенности другого инвентаря рассматриваемых памятников. Сведения о хронологии и особенностях оформления украшений конского снаряжения и их комплектов позволили перейти к реконструкции внешнего вида наборов украшений и ременных конструкций.

С учетом обозначенных методических установок были реконструированы наборы конского снаряжения тюркской и сроткинской культур Алтая, а также проанализированы эволюционные закономерности в их развитии.

В период с середины V по XI в. в рамках тюркской культуры Горного Алтая формируется и развивается специфический материальный комплекс. Одна из многочисленных и показательных его составляющих – украшения конского снаряжения, фиксируемые в погребениях по обряду ингумации в сопровождении коня и в поминальных оградках (Гаврилова А.А., 1965; Древние..., 1998; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 2000; Кубарев Г.В., 2005; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Савинов Д.Г., 1982; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996). Аналогии комплексам конского снаряжения Алтая фиксируются в материалах погребальных памятников тюрков Тувы (Вайнштейн С.И., 1966), Минусинской котловины (Худяков Ю.С., 1998), Монголии (Евтюхова Л.А., 1957), Тянь-Шаня (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999).

Первая группа реконструируемых оголовий относится ко 2-й половине VI в. – 1-й половине VII в. Данные наборы воссозданы по материалам могильника Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, с. 60–61). Значительной степенью достоверности отличаются реконструкции, выполненные по материалам могил 1, 4, 8–10.

В могиле 1 при скелете лошади были найдены железные удила с псалиями. На переносице лежали шесть полусферических блях-накладок, а на широкой части нижней челюсти – четыре фигурных наконечника, что четко продемонстрировано на плане погребения, приведенном в работе А.А. Гавриловой (1965, с. 22; табл. VII-А). Прослеженное в ходе раскопок расположение изделий позволяет реконструировать уздечный набор следующим образом. Оголовье состояло из нащечных, затылочного, подбородочного и наносного ремней. Последний был украшен округлыми сферическими накладками. Налобный ремень, вероятно, отсутствовал, а на уровне глаз лошади к нащечным ремням крепились подвесные парные ремешки с фигурными наконечниками. Сохранившиеся псалии свидетельствуют о том, что нащечные ремни для крепления к ним раздваивались (см. рис. 29).

В могиле 4 памятника Кудыргэ был обнаружен скелет женщины. У восточной стенки погребения найдены удила, а у северной – многочисленные серебряные украшения: наконечники и фигурные накладки различных форм (Гаврилова А.А., 1965, с. 23). Поскольку расположение украшений до конца не ясно, реконструкция является достаточно гипотетической (см. рис. 30). Учитывая размеры украшений и их количество, можно предположить, что узда имела все основные ремни, а также дополнительный – срединный. Все ремни были симметрично украшены. Лепестковая накладка с трапециевидным выступом располагалась в центре налобного ремня в месте его соединения со срединным. Аналогичные накладки были на перекрестьях основных ремней узды в местах крепления парных подвесных ремешков с наконечниками.

Дополнительным свидетельством в пользу того, что узды из Кудыргэ могли иметь дополнительный срединный ремень является упоминание С. Руденко и А. Глухова (1927, с. 46) того факта, что «...на лбу от лобной перемычки между глаз спускались ременные полоски с набитыми на них металлическими украшениями». Подобная конструкция в культуре тюрков встречается только во 2-й половине VI – 1-й половине VII в., т.е. соотносится со временем существования Великого Тюркского каганата (552–603 гг.) и Первого Восточно-тюркского каганата (604–650 гг.) (Горбунова Т.Г., 2002, рис. 1).

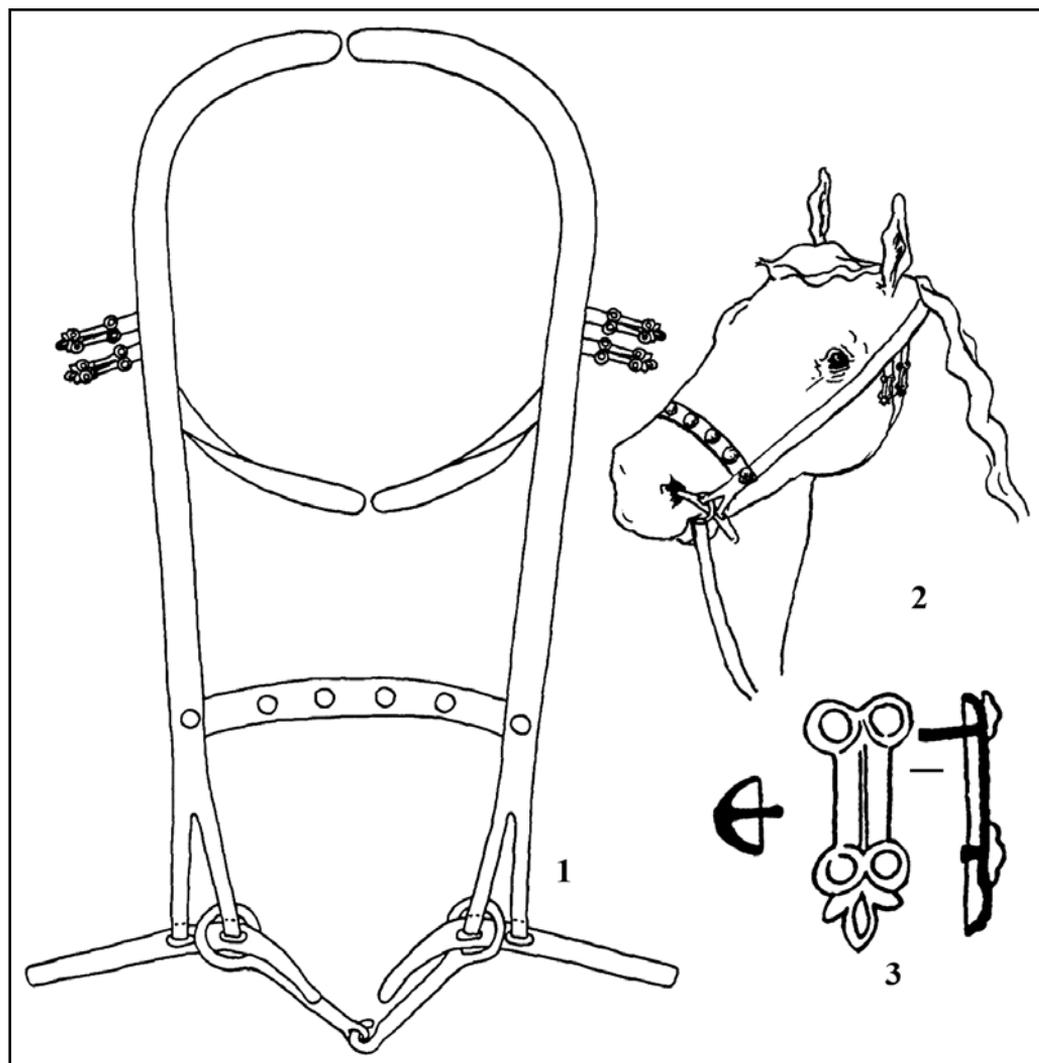

Рис. 29. Реконструкция оголовья по материалам могилы 1 памятника Кудыргэ*

В могиле 8 на голове коня располагалось 106 полусферических блях-накладок (часть из которых сохранилась на ремнях) и четыре наконечника, закрепленных на парных ремешках, свисающих на его щеки (Гаврилова А.А., 1965, с. 23). Количество украшений и сохранившиеся фрагменты ремней с ними позволили осуществить реконструкцию узды. Оголовье состояло из нащечных, затылочного, подбородочного, налобного и наносного ремней. На уровне налобного ремня узда была украшена пар-

* Все графические рисунки реконструкций, приводимые далее под №1, выполнены В.В. Горбуновым, а уздечные наборы на головах лошадей – М.В. Давыденко.

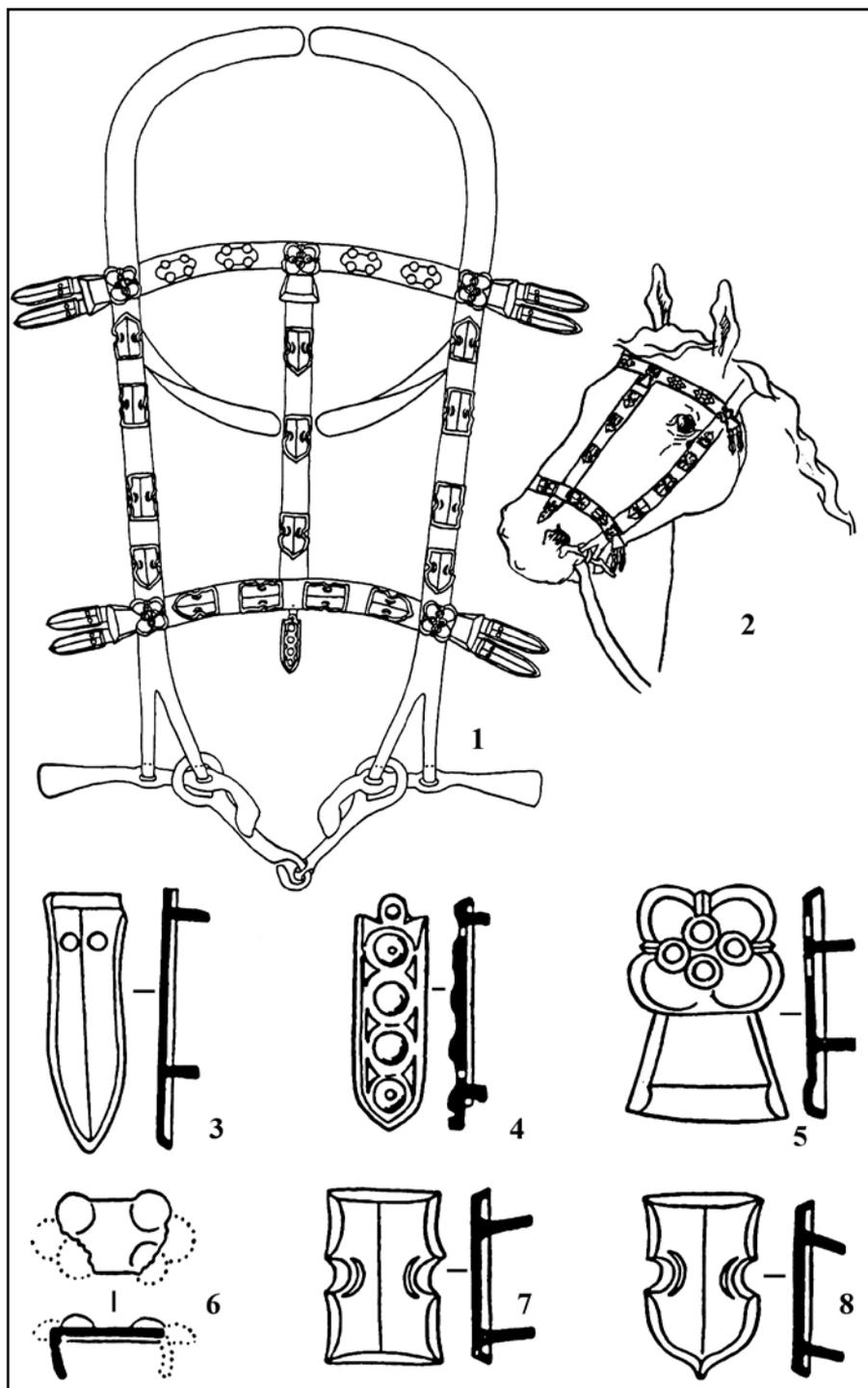

Рис. 30. Реконструкция оголовья по материалам могилы 4 памятника Кудыргэ

ными декоративными ремешками, на каждом из которых располагалось по четыре полусферических накладки и по одному наконечнику с полусферическим округлым носиком (см. рис. 31).

В могиле 9 комплекса Кудыргэ были обнаружены скелеты мужчин и коня. От узды сохранились удила, незначительные остатки ремней и серебряные украшения: наконечники ремней, круглые плоские накладки, фигурные изделия с отверстиями. На спине конского скелета лежала роговая накладка на переднюю луку седла с орнаментом. Согласно плану погребения (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV), на лбу лошади украшений зафиксировано не было, поэтому в приводимой реконструкции (см. рис. 32) налобный ремень отсутствует. Наносный ремень был украшен крупными круглыми

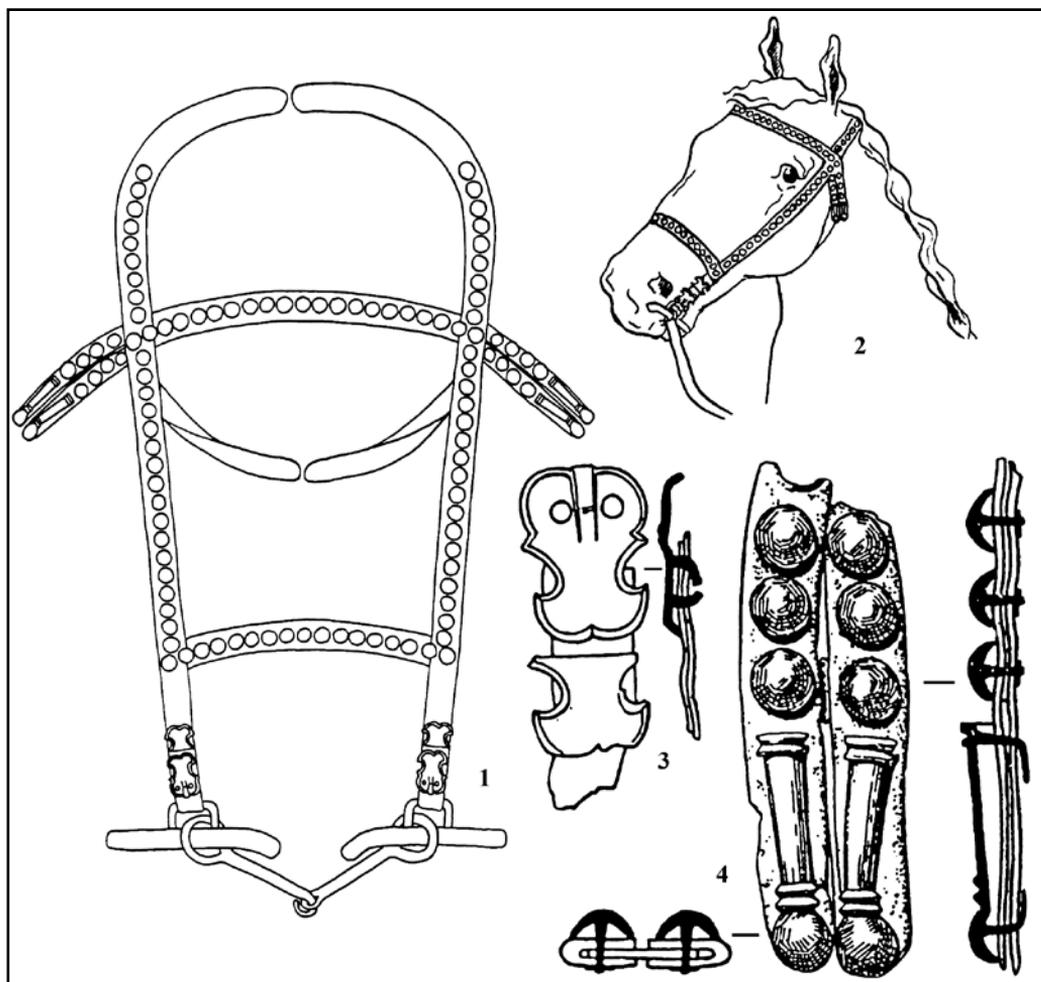

Рис. 31. Реконструкция оголовья по материалам могилы 8 памятника Кудыргэ

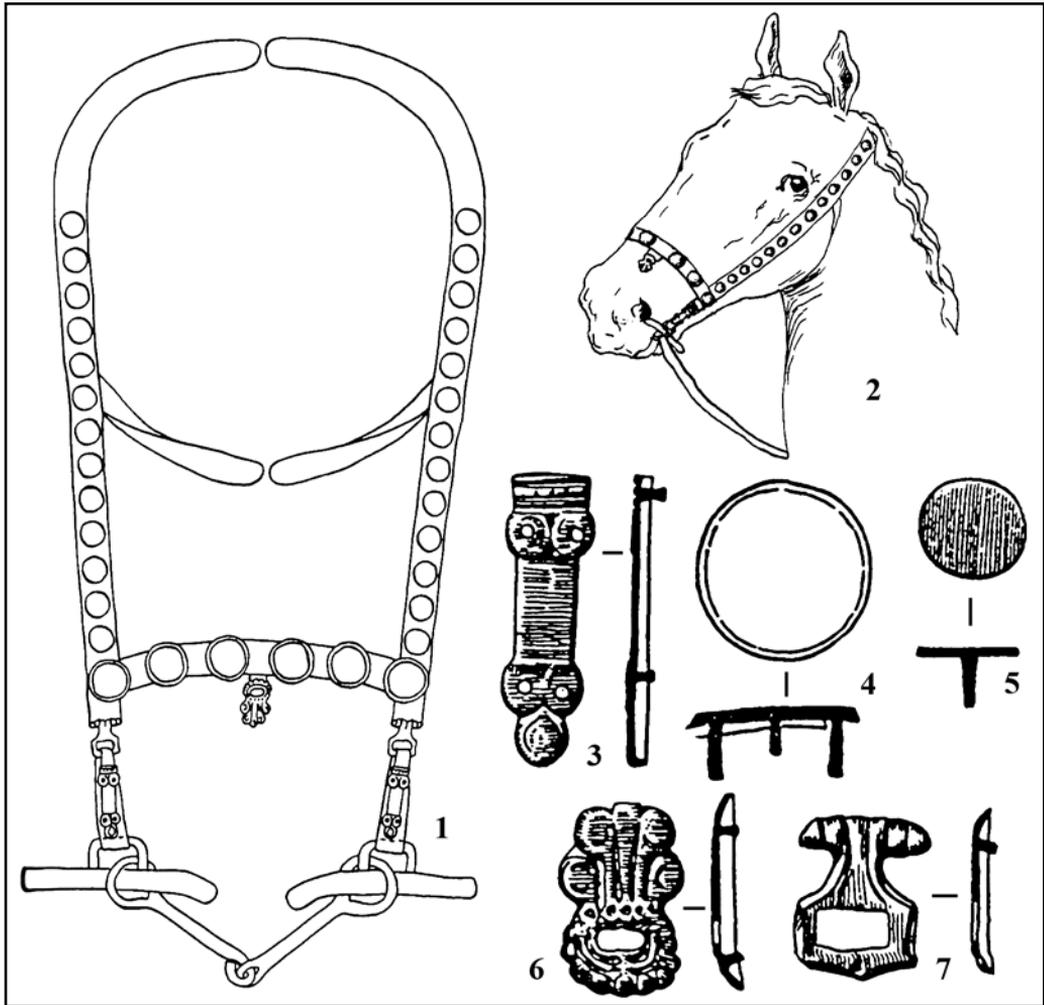

Рис. 32. Реконструкция оголовья по материалам могилы 9 памятника Кудыргэ

накладками, нащечные – накладками аналогичной формы, но меньшего диаметра. Пара фигурных накладок с отверстиями и одним шпеньком, вероятно, могла служить в качестве своеобразных пряжек, использовавшихся при креплении нащечных ремней к скобам псалиев.

В могиле 10 на памятнике Кудыргэ было исследовано погребение человека в сопровождении коня, на черепе которого сохранились фрагменты уздечных ремней и серебряные украшения: язычковидные (вытянутые с вогнутыми сторонами) наконечники, фигурные накладки с различным оформлением. Приводимый А.А. Гавриловой (1965, табл. XVIII.-А) план погребения и количественный состав украшений свидетельствуют о том,

что оголовье состояло из всех основных ремней (в том числе присутствовал срединный), которые были симметрично украшены фигурными накладками с отверстиями. Самая крупная удлиненная бляха, вероятно, располагалась на налобном ремне узды, о чем свидетельствует ее изогнутый профиль. На уровне глаз лошади могло быть по две пары подвесных ремешков с разными наконечниками. По одной паре таких декоративных ремешков находилось на уровне наносного ремня. Данное оголовье является наиболее сложным по конструкции и достаточно насыщенным по декору среди всех наборов из памятника Кудыргэ (см. рис. 33).

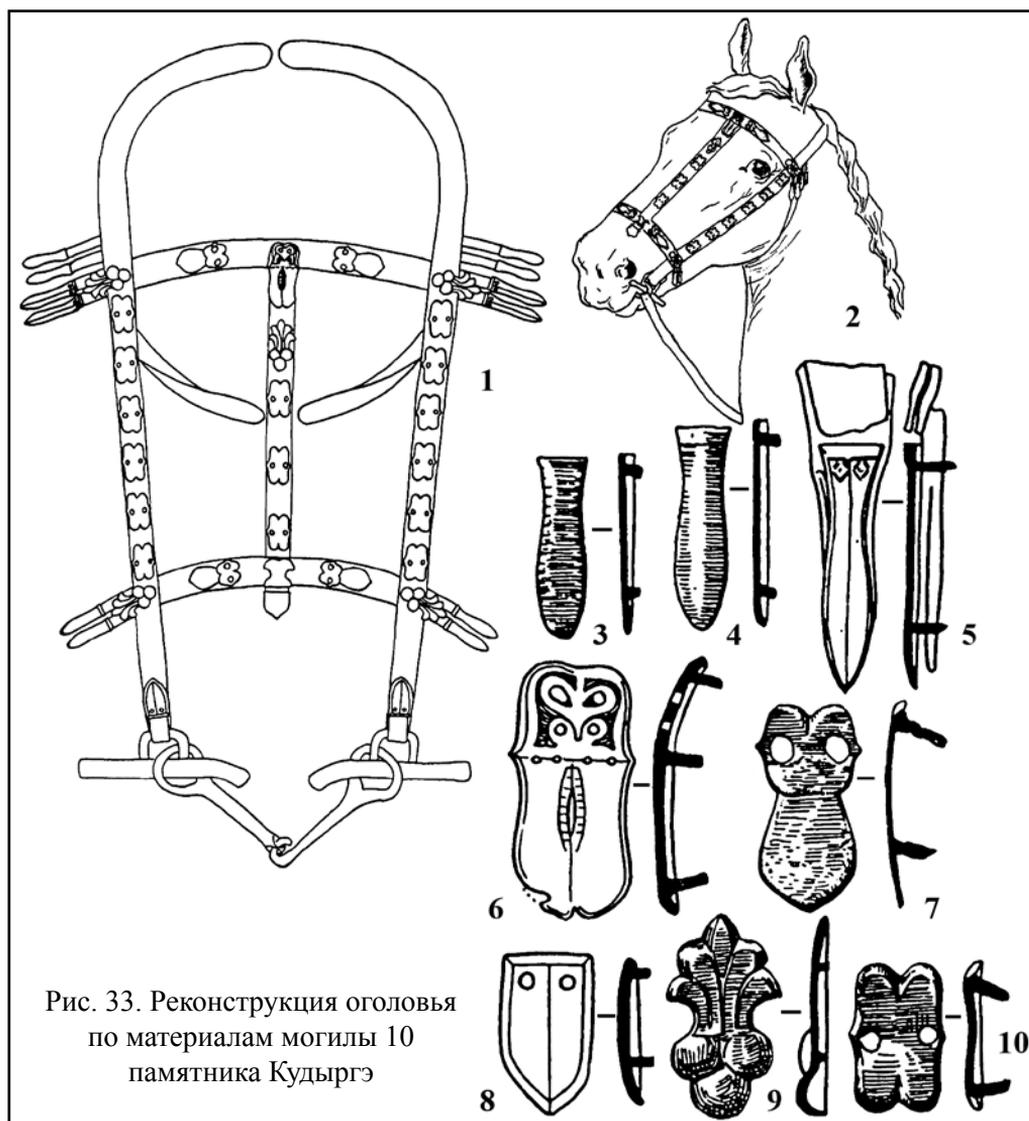

Рис. 33. Реконструкция оголовья по материалам могилы 10 памятника Кудыргэ

Достаточно достоверной является реконструкция набора из Жана-Аула (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1998, с. 36–38), также относящегося ко 2-й половине VI в. – 1-й половине VII в. Хотя не все части оголовья сохранились, наличие крупных фрагментов и учет симметрии позволили авторам публикации реконструировать ее устройство. Предлагаемая в настоящей работе реконструкция (см. рис. 34) несколько отличается от разработанной Ю.С. Худяковым и В.А. Кочеевым, что выражается в расположении дополнительных декоративных ремешков. Наличие же в конструкции из Жана-Аула срединного ремня несомненно.

Учитывая опыт реконструкции оголовья из Жана-Аула, суголовья из могил 4 и 10 памятника Кудыргэ восстанавливаются как конструкции, снабженные срединным ремнем (Руденко С., Глухов А., 1927, с. 46), автор реконструировал, основываясь на этих данных, а также с учетом количества украшений и их расположения на планах могил. Специфика таких уздечных наборов состоит в большом количестве декоративных ремешков, в том числе подвесных. Они располагались по два слева и справа на

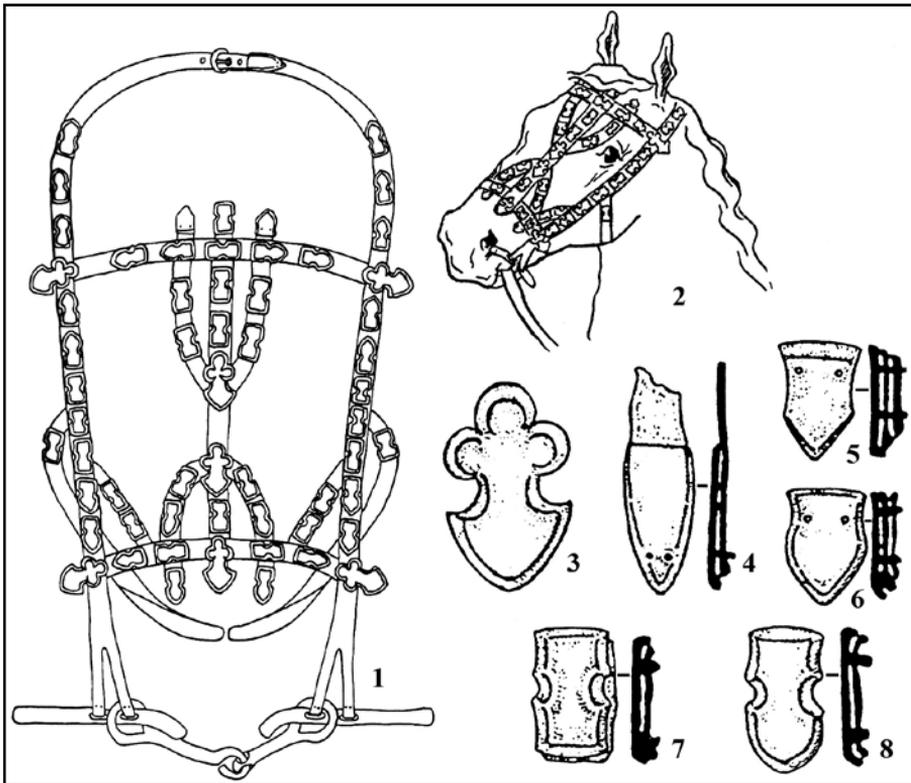

Рис. 34. Реконструкция оголовья по материалам памятника Жана-Аул

уровне наносного и по два или по четыре на уровне налобного ремня. Подобный способ украшения узды встречает аналогии в одновременных тюркских комплексах Центрального Тянь-Шаня (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, рис. 5.-1, 2).

Оголовья эпохи Первого Тюркского каганата очень разнообразны как по конструктивным особенностям, так и по декоративному оформлению. Часть суголовий не имеет налобного ремня, некоторые из них отличаются наличием четырех декоративных ремешков, расположенных на уровне глаз лошади слева и справа на щечных ремнях. Отметим, что подобное разнообразие фиксируется и по иконографическим данным. Так, узда без на-

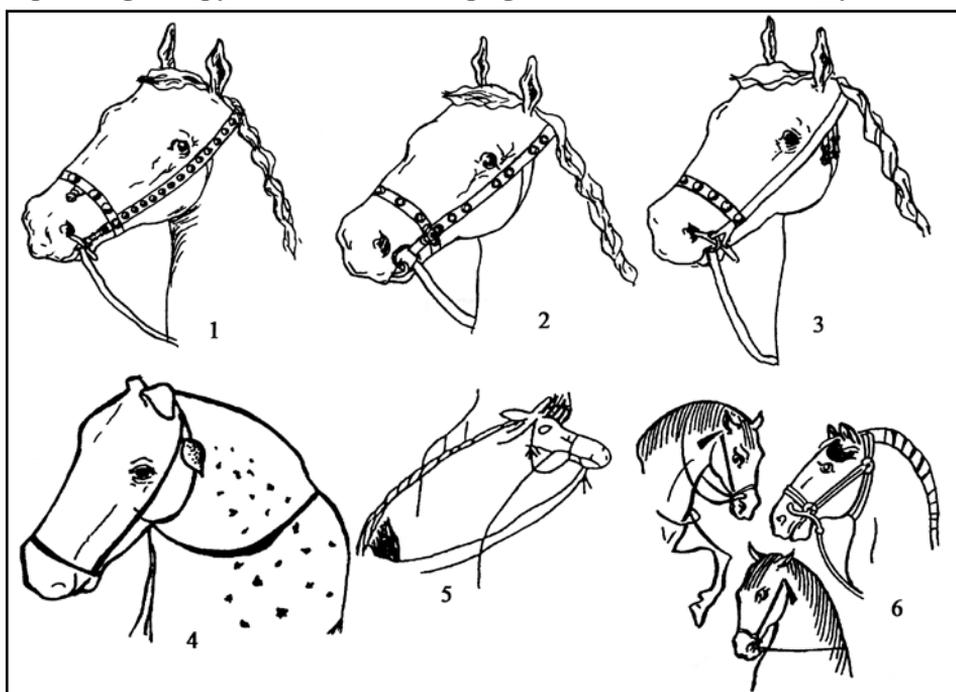

Рис. 35. Уздечные наборы тюркской культуры без налобного ремня в иконографических и археологических источниках:

1 – оголовье из могилы-9 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (реконструкция автора); 2 – оголовье из кургана №1 памятника Курай-VI в Горном Алтае (2-я половина VII в.) (реконструкция автора); 3 – оголовье из кургана №1 памятника Курай-IV в Горном Алтае (2-я половина IX в. – 1-я половина X в.) (реконструкция автора); 4 – фрагмент статуэтки лошади из памятника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.); 5 – фрагмент петроглифа из бассейна р. Чаганки в Горном Алтае (по: Черемисин Д.В., 2001); 6 – фрагменты изображений коней в пещере Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.) (по: Дьяконова Н.В., 1984)

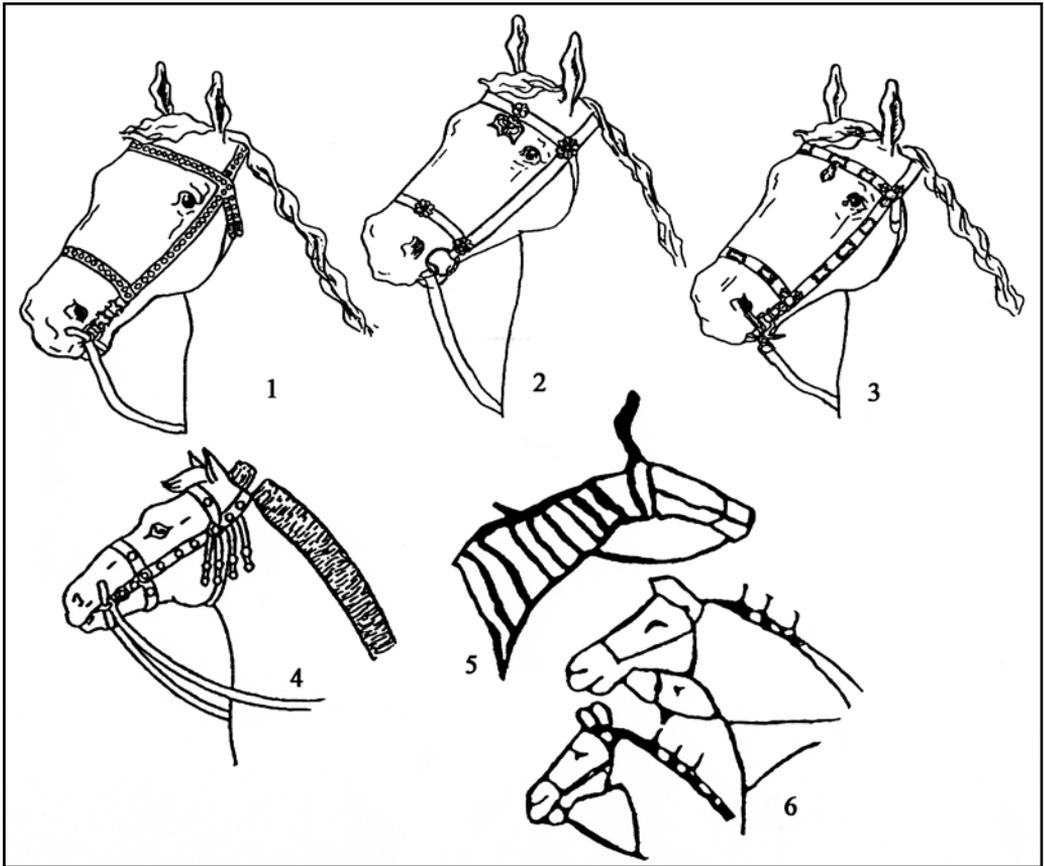

Рис. 36. Уздечные наборы тюркской культуры с налобным ремнем в иконографических и археологических сведениях: 1 – оголовье из могилы-8 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (реконструкция автора); 2 – оголовье из кургана №29 памятника Юстыд-ХII в Горном Алтае (VII в.) (реконструкция автора); 3 – оголовье из кургана №1 памятника Узунтал-VI в Горном Алтае (2-я половина VIII в. – 1-я половина IX в.) (реконструкция автора); 4 – оголовье из кургана №20 памятника Беш-Таш-Короо-II на Тянь-Шане (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (по: Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, рис. 6); 5 – фрагмент петроглифа из урочища Хар-Хад в Монголии (VI–VII вв.) (по: Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980); 6 – фрагменты изображений коней в пещере Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.) (по: Дьяконова Н.В., 1984, рис. 12, 13)

лобного ремня известна по следующим источникам (см. рис. 35). Одно из изображений сохранилось на луке седла из Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. 15.-12). Известен также петроглиф, изображающий тюркского всадника, из бассейна р. Чаганки на территории Горного Алтая (Черемисин Д.В.,

2001, с. 480–484). Оголовье лошади на данном рисунке не имеет налобного ремня. При этом наносный ремень смещен несколько выше своего «стандартного» положения и находится посередине морды лошади. Следующее иконографическое свидетельство узды без налобного ремня представлено на статуэтках всадников из могильников Астана и Туяк-Мазар. Рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640 г. – 680-ми гг. VIII в. Еще одним изобразительным подтверждением использования тюрками оголовья без налобного ремня являются рисунки всадников на лошадях из пещеры №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датируемом VII–VIII вв.

Уздечная конструкция без налобного ремня применялась тюрками Горного Алтая достаточно долго – вплоть до конца IX в. – начала X в. (Горбунова Т.Г., 2002, рис. 3).

Наборы с налобным ремнем также прослеживаются по данным иконографии (см. рис. 36): одно из изображений на луке седла из Кудыргэ (Могильников В.А., 1981, рис. 22.-7), статуэтка из Астаны (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, рис. 48б) и петроглиф Хар-Хада (Nowgorodowa E., 1980). Рисунки Хар-Хада датируются VI–VII вв. и интерпретируются как тюркские (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, с. 101–107). Конструкция с налобным и наносным ремнями оказалась наиболее жизнеспособной и использовалась на Алтае – носителями тюркской и сросткинской культур на протяжении всего времени их существования.

Узда со срединным ремнем тоже представлена в иконографических материалах (см. рис. 37): изображение лошади в пещере Шикшин (Дьяконова Н.В., 1984, рис. 3), барельеф из гробницы императора Тайцзуна (Winogradowa N., Nikolayewa N., 1980). Такая узда применялась тюрками Горного Алтая только во 2-й половине VI – 1-й половине VII в.

Ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. следует отнести наборы из памятников Юстыд-ХII, курган №29 (Кубарев Г.В., 2005, с. 213, табл. 31) и Курай-VI, курган №1 (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100–101), которые наследуют от оголовий предыдущего периода разнообразие конструкций. Первый из обозначенных комплектов (см. рис. 38) имеет классическую конструкцию со всеми основными ремнями. Не ясно только, присутствовал ли подгубный ремень? Соглашаясь с реконструкцией Г.В. Кубарева (2005, с. 123, рис. 35), отметим, что налобный ремень был украшен бляхой-подвеской оригинальной гребневидной формы. Это украшение имеет аналог в кыргызских материалах 2-й половины VIII в. – 1-й половины IX в. Но в приведен-

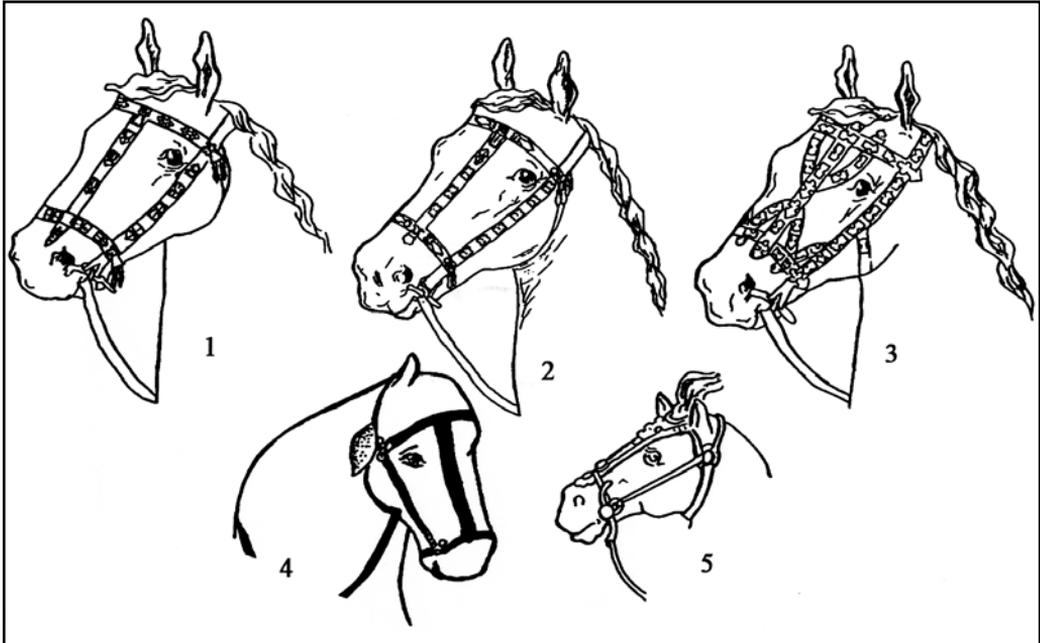

Рис. 37. Уздечные наборы тюркской культуры со срединным ремнем в иконографических и археологических источниках: 1 – оголовье из могилы-4 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (реконструкция автора); 2 – оголовье из могилы-10 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (реконструкция автора); 3 – оголовье из погребения в местности Жана-Аул в Горном Алтае (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) (реконструкция автора); 4 – фрагмент статуэтки из могильника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.); 5 – изображение коня из пещеры Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.) (по: Дьяконова Н.В., 1984, рис. 12)

ном случае такие изделия служили украшениями нагрудника и накрупника (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, с. 39, рис. 36). Налобная бляха в наборе из Юстыда-ХII крепилась при помощи шпеньков изогнутой округлой восьмилепестковой бляхи. Все изделия комплекта были изготовлены из железа и обтянуты золотом (Кубарев Г.В., 2005, с. 213).

Иные конструктивные и декоративные особенности присущи уздечному набору из кургана №1 Курая-VI (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100). Комплект был обнаружен в женском погребении, в котором кости человека и лошади разделяло сильно истлевшее березовое бревно. При лошади были обнаружены железные двусоставные удила. Около каждого их кольца находилось по одной серебряной четырехлепестковой бляхе. Между

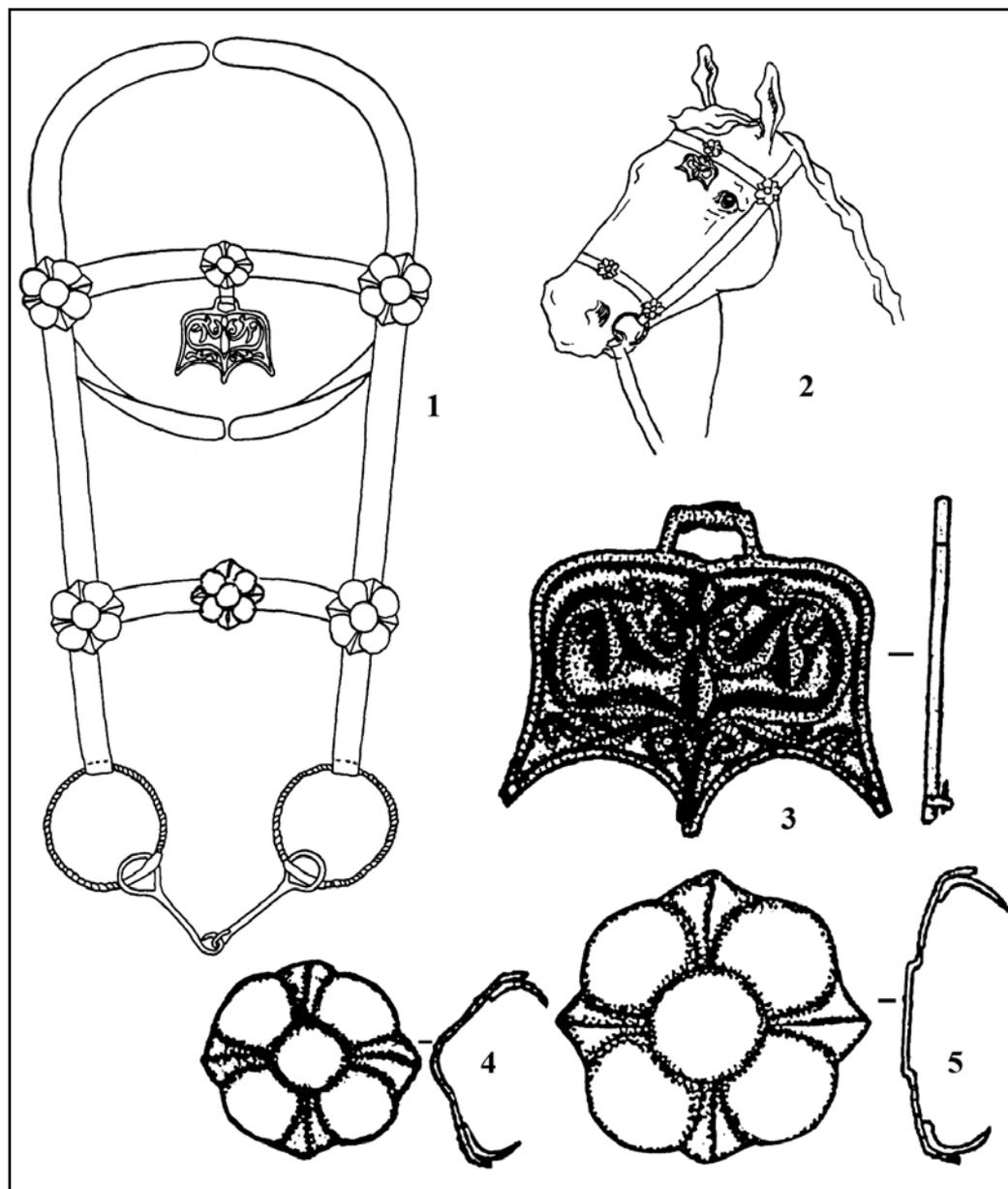

Рис. 38. Реконструкция узды по материалам кургана №29 памятника Юстыд-ХII

ними, согласно описанию Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева (1941, с. 100), поверх носа лошади шел ряд из трех круглых серебряных бляшек. От удила под морду шел ряд из восьми, вдоль правой щеки – из пяти таких же блях (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 99, рис. 25; с. 101).

Приведенные исследователями данные позволили восстановить вероятный первоначальный вид узды (см. рис. 39). Скорее всего, она не имела налобного ремня, на перекрестьях наносного и нащечных ремней располагались четырехлепестковые крупные накладки. На нащечных и наносном ремнях равномерно закреплялись круглые накладки, украшенные ромбическим декором.

Также 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. датируется комплект из кургана №1 памятника Узунтал-VI (Савинов Д.Г., 1982, с. 121–122). На дне могильной ямы у северо-западной стенки находился скелет женщины, лежавшей на спине головой на север-северо-восток. Рядом с че-

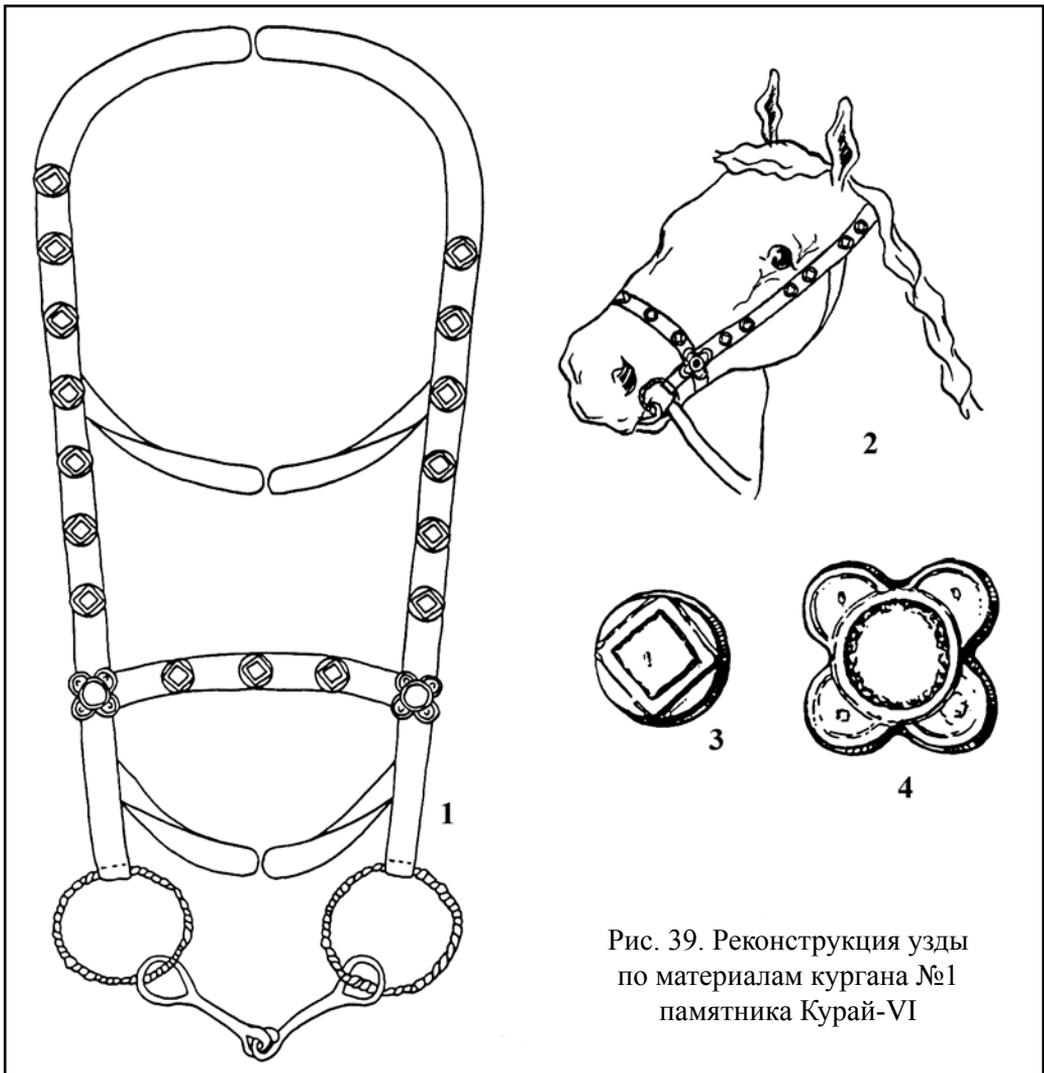

Рис. 39. Реконструкция узды по материалам кургана №1 памятника Курай-VI

ловеком в том же направлении располагался остов коня с подогнутыми ногами, головой на север-северо-восток. На черепе, по бокам и на крупе были найдены многочисленные серебряные украшения (Савинов Д.Г., 1982, с. 110–111, рис. 13). На основе имеющейся информации было реконструировано оголовье, состоящее из всех основных ремней (см. рис. 40), включая налобный и наносный. На перекрестьях основных ремней уздечной конструкции располагались распределители. Все ремни симметрично украшали удлиненные четырехлепестковые накладки. А на перекрестьях налобного ремня с нащечными закреплялись подвесные декоративные ремешки с короткими наконечниками. В центре налобного ремня могло располагаться подвесное украшение с петлей. Количество распределителей и

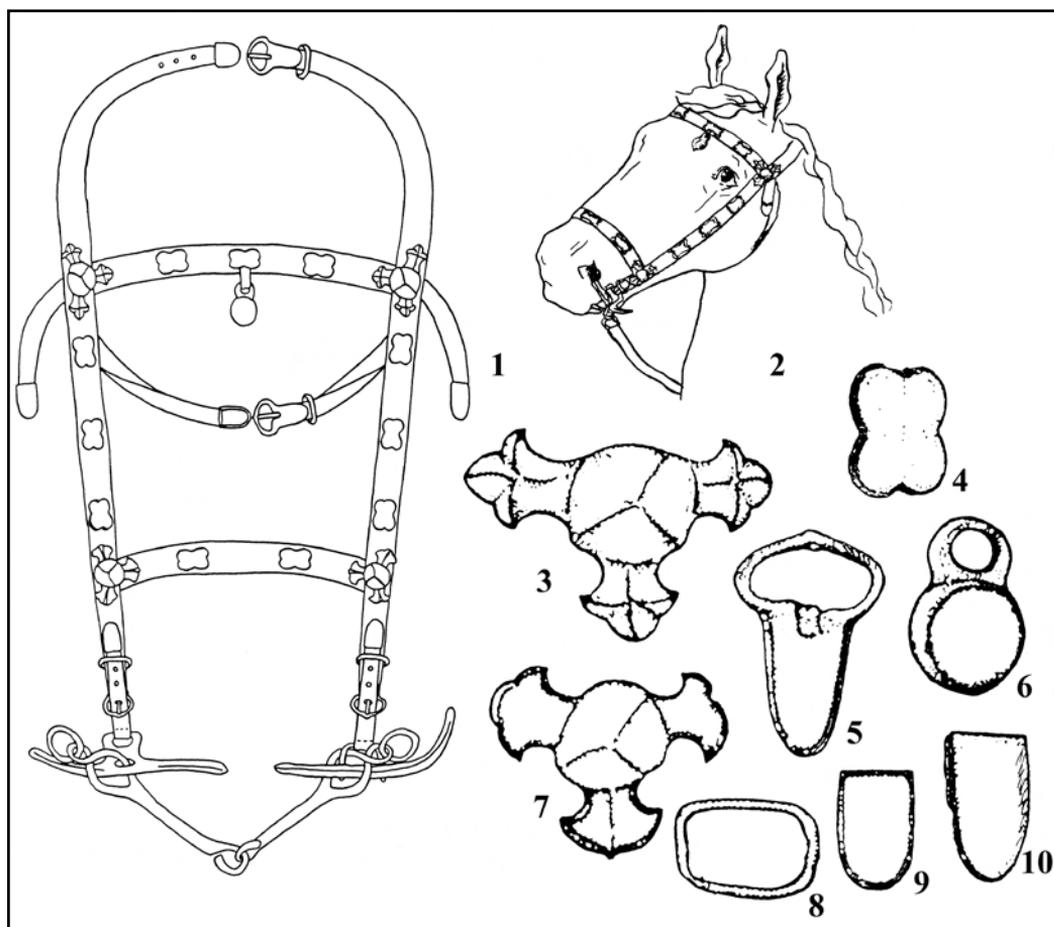

Рис. 40. Реконструкция узды по материалам кургана №1 памятника Узунтал-VI

других украшений также дает возможность реконструировать нагрудник лошади из кургана №1 памятника Узунтал-VI и представить общий вид снаряжения (см. рис. 41).

Со 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. соотносятся реконструированные Г.В. Кубаревым (2005, с. 123, рис. 35.-1, 2, 3) комплекты узды из курганов №11 и 15 памятника Балык-Соок-I и кургана №28 памятника Юстыд-XII.

Этим же периодом датируется уздечный набор, реконструируемый в настоящем издании по материалам кургана №2 памятника Джаргаланты в Монголии (см. рис. 42). Курганная группа Джаргаланты была исследована в 1948–1949 гг. Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР (экспедиция под руководством С.В. Киселева). Все материалы из могильника Джаргаланты, как указала Л.А. Евтюхова (1957, с. 209), были переданы в Центральный государственный краеведческий музей Монгольской народной республики в г. Улан-Баторе.

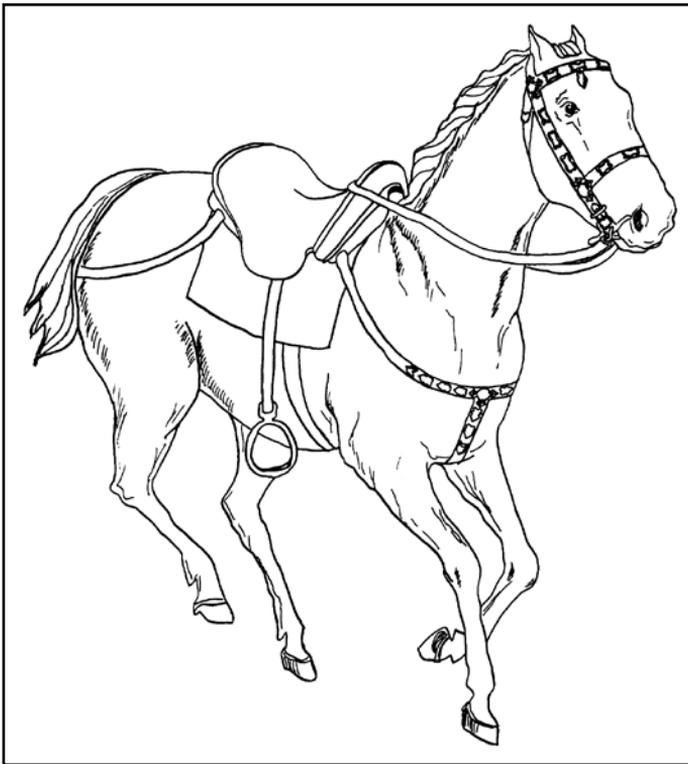

Рис. 41. Реконструкция конского снаряжения по материалам кургана №1 памятника Узунтал-VI

В кургане №2 этого комплекса была похоронена пожилая женщина с несколькими конскими скелетами (Евтюхова Л.А., 1957, с. 207, рис. 2). От седла северной лошади сохранились куски кожи от чепрака, украшенного большим куском плотной шелковой ткани. К украшениям этой лошади относится 29 предметов: крупные листовидные подвески, овальные накладки с лепестковыми краями и нервюрой в центре, короткие наконечники и пряжки (Евтюхо-

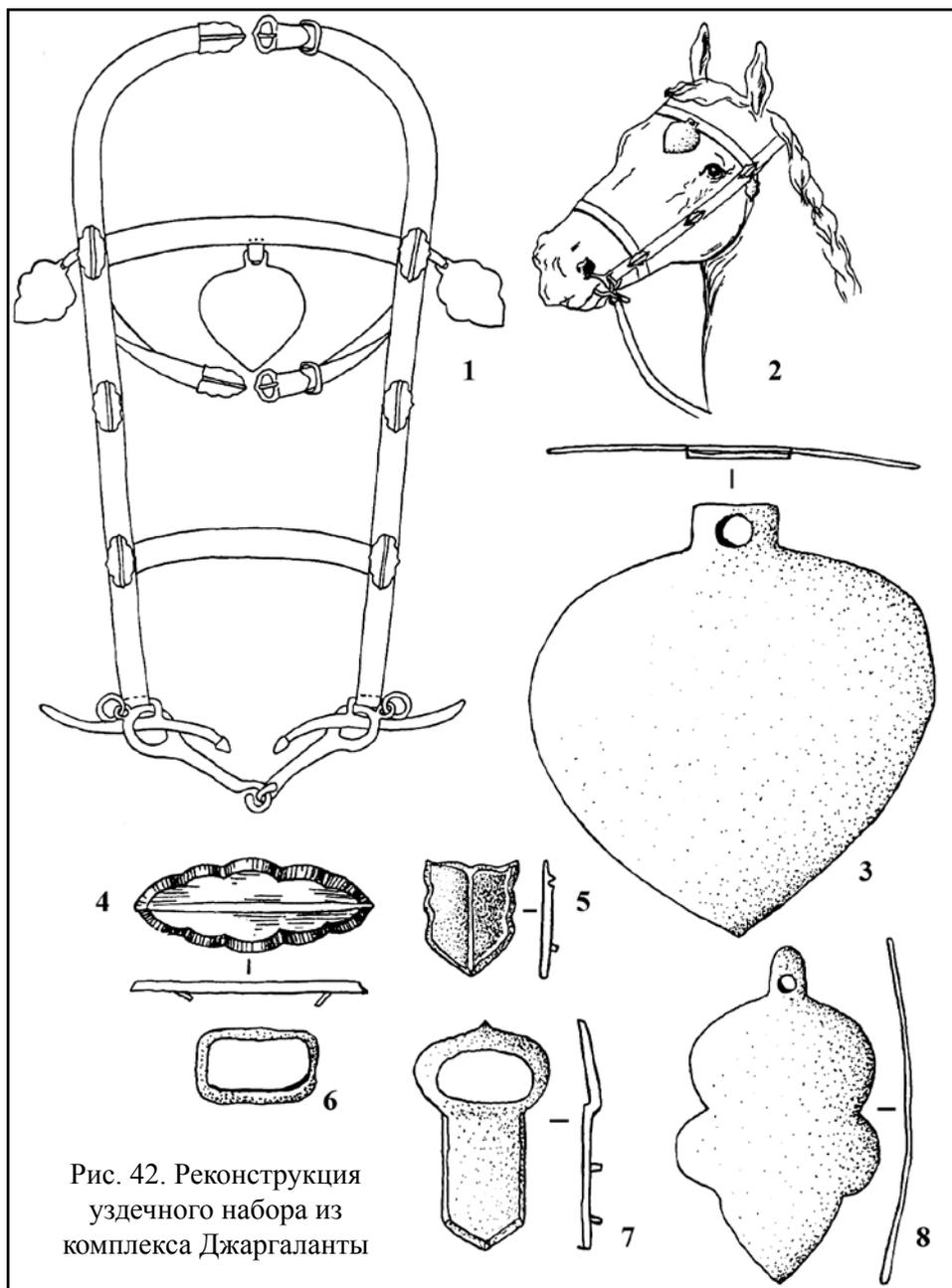

Рис. 42. Реконструкция уздечного набора из комплекса Джаргаланты

ва Л.А., 1957, с. 209, рис. 5.-1-7, 9-10). Все они бронзовые, за исключением налобной бляхи, изготовленной из серебра.

Расположение украшений на голове лошади и возле него позволило осуществить реконструкцию узды. Она состояла из нащечных, налобного, затылочного, подбородочного и наносного ремней. В центре налобного ремня нахо-

дилась крупная сердцевидная подвеска без орнамента. На уровне глаз лошади располагались подвески на дополнительных ремешках, крепившихся на основных кожаных конструкциях при помощи овальных накладок с нервюрами.

Отметим, что такое расположение украшений зафиксировано «*in situ*», но также оно прослеживается по данным иконографических источников. В этом отношении показательны статуэтки тюркских всадников 2-й половины VII – VIII в. из Астаны, Туяк-Мазара и китайское скульптурное изображение лошади, датирующееся VIII в. (см. рис. 13). На этих изделиях оголовье украшено двумя подвесками. Они располагались по одной слева и справа на уровне глаз лошади (или по краям налобного ремня, если он присутствовал). Аналогичное расположение подвесок на узде прослеживается и на других скульптурных изображениях из погребальных комплексов эпохи Тан в Китае.

Состояние источниковой базы пока не позволяет нам реконструировать накрупки верховых коней тюркской культуры. Что касается нагрудников, то они представлены несколькими экземплярами. В настоящем издании приводится реконструкция нагрудника из кургана №3 памятника Курай-IV, относящегося ко 2-й половине IX в. – началу X в. (см. рис. 43). В ногах у погребенного был обнаружен склад вещей, среди которых зафик-

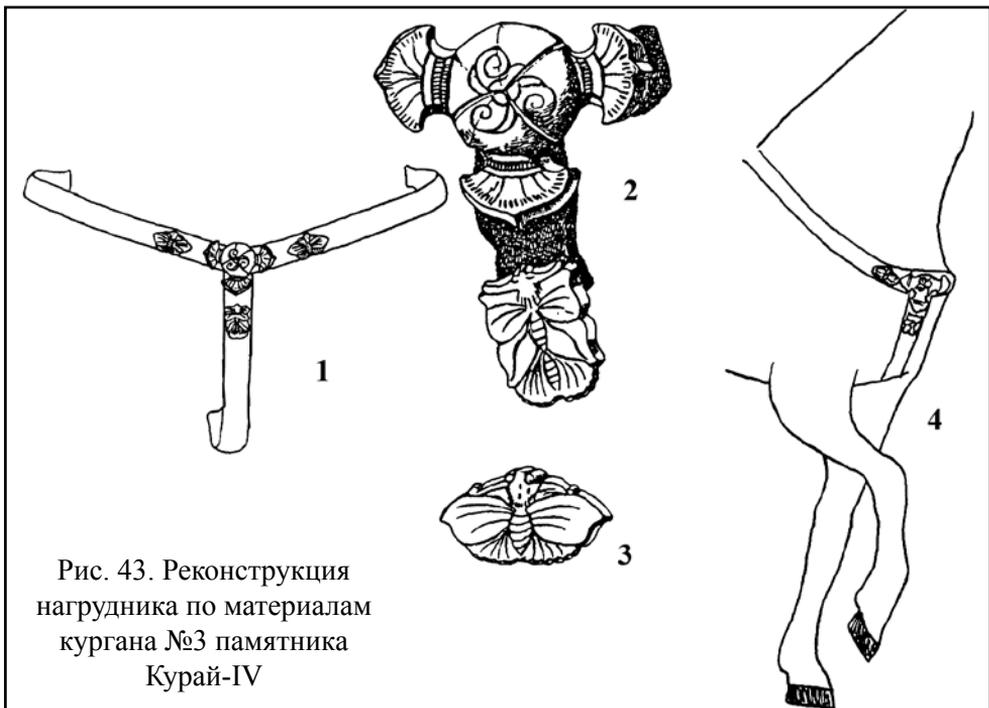

Рис. 43. Реконструкция нагрудника по материалам кургана №3 памятника Курай-IV

сированы стремена, удила, серебряные украшения узды с растительным орнаментом и изображениями пчелы (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 112–113, рис. 60–61). Судя по расположению накладки с пчелой и наколочника на сохранившемся Т-образном сочленении ремней, обнаруженные в данном погребении украшения, вероятно, являются не только деталями узды, но и нагрудника, который состоял из двух ремней, украшенных в месте пересечения распределителем.

Иной по конструкции нагрудник тюркской культуры известен в комплексе 2-й половины VIII в. – 1-й половины IX в. Джаргаланты из Монголии. Ссылаясь на аналогии из кургана №6 в Копенском чаатасе и рельефную фигурку всадника из того же комплекса, Л.А. Евтюхова (1957, с. 215) указала, что распределение блях на скелете лошади указывает на тот факт, что они украшали нагрудный ремень и чепрак. По сохранившемуся на левой стороне чепрака северной лошади куску сыромятного ремня можно установить местонахождение и соотношение овальных блях-накладок с крупными подвесками. Накладка закреплялась на основном ремне снаряжения, а подвеска при помощи тонкого ремешка подвешивалась к ней. Причем этот ремешок был проткнут одним из шпеньков овальной бляхи-накладки.

Комплекс обнаруженных в кургане №2 памятника Джаргаланты находок и монеты позволил Л.А. Евтюховой (1957, с. 215) датировать его VIII–IX вв. Опираясь на все приведенные сведения о расположении украшений и их количественном и видовом составе, мы представляем реконструкцию нагрудника IX в. из памятника Джаргаланты в Монголии (см. рис. 44). Вероятнее всего, он состоял из одного рем-

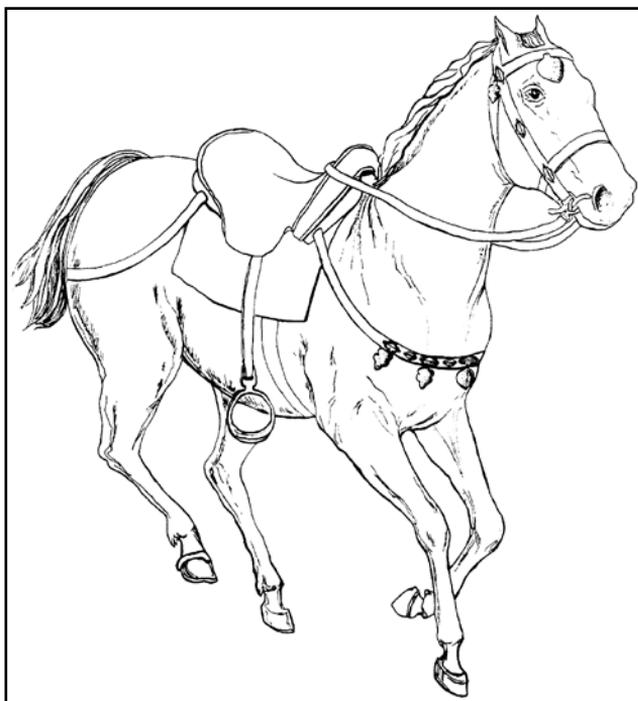

Рис. 44. Реконструкция конского снаряжения из памятника Джаргаланты

ня, плотно украшенного овальными накладками с волнистым краем и продольной нервюрой в центре. Каждая вторая такая накладка служила для закрепления гладкой бляхи-подвески с петлей. Такое их расположение может быть объяснено количеством, параметрами украшений, а также сохранившимся фрагментом ремня с часто расположенными парными отверстиями.

Следует отметить, что особенности украшения нагрудников и накрупников подвесками представлены и в иконографических материалах, выступающих косвенными источниками для реконструкций. Примером могут служить статуэтки тюркских всадников 2-й половины VII – VIII в. из Астаны, Туюк-Мазара и китайское скульптурное изображение лошади, датирующееся VIII в. (см. рис. 45). На данных изделиях конские нагрудники украшены пятью подвесками сердцевидной формы, а накрупники – шестью аналогичными декоративными предметами. Кроме того, двумя такими подвесками снабжено оголовье. Они располагались по одной слева и справа на уровне глаз лошади (или по краям налобного ремня, если он присутствовал). Таким образом, весь набор украшений, находившихся на коне, предполагал 13 подвесок. В случае же, если узда включала налобный ремень с налобной подвеской, то таких изделий в наборе было 14. Имело место и отклонение от комплекта из тринадцати блях, когда на нагруднике вместо пяти располагалось три подвески. На накрупнике же вместо шести их могло быть четыре, как на одной из конных статуэток Астаны, либо десять, как на петроглифе из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемом 716–739 гг. (см. рис. 45).

Необходимо сказать, что могли иметь место ситуации, когда украшались оголовье и ремень нагрудника или суголовье и ремень накрупника, т.е. одна из кожаных конструкций седла не снабжалась декоративными изделиями. Заметим, что идея подобного украшения различных частей конской амуниции могла быть заимствована тюрками в Китае в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), когда имели место военные и торговые контакты, а также посольские отношения между двумя соседствующими государствами. Известны китайские иконографические источники (скульптурные изображения верховых лошадей VI–VII вв.), на которых фиксируется декорирование нагрудника тремя или пятью, а накрупника шестью подвесными украшениями. Вероятно, что тюрки восприняли эту особенность, но сами украшения (гладкие бляхи сердцевидной формы) являлись уже собственно тюркской новацией, поскольку китайские подвески имели совершенно иные формы и декоративное оформление.

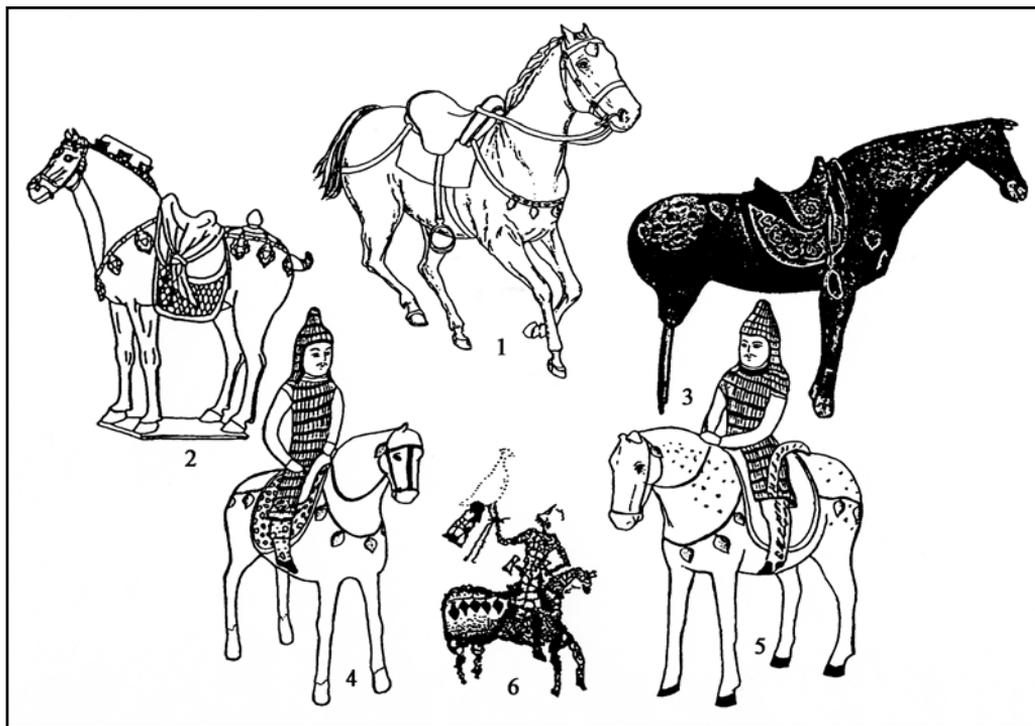

Рис. 45. Расположение подвесок на конском снаряжении тюркской культуры по данным иконографических и археологических источников:

1 – амуниция верхового коня из кургана №2 памятника Джаргаланты в Монголии (VIII в.) (реконструкция автора); 2 – статуэтка коня из Китая (VIII в.) (по: Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984); 3–5 – конные статуэтки из памятника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.); 6 – петроглиф из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане (716–739 гг.) (по: Кляшторный С.Г., 2001)

Таким образом, тюрки явились создателями яркого и самобытного материального комплекса, одной из наиболее показательных и интересных составляющих которого стали уздечные и нагрудные наборы конского снаряжения.

Падение Второго Восточнотюркского каганата повлекло миграции тюрков на новые территории (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). Этот процесс демонстрируют уздечные наборы «тюркской» традиции в комплексах 2-й половины VIII в. – 1-й половины IX в. Алтайской лесостепи (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, рис. 2; Григоров Е.В., 1998, рис. 1.-1–4) и Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 32.-13–15; 33.-1; 35.-15, 17–22,

32–35, 38, 41–42; 38.-1, 10, 17, 34; 51.-17, 19, 32, 33, 40–42; Илюшин А.М., 1997, рис. 17.-13, 20, 21; Васютин А.С., 1997, рис. 9). Тюркское влияние проявилось и в уздечных наборах из кыпчакских памятников конца VIII – IX вв. на Южном Урале и в Барабе (Мажитов Н.А., 1981, рис. 36.-3–17; Бараба..., 1988, рис. 15.-14, 15). Н.А. Мажитов (1981, с. 130) называет подобные конские украшения в памятниках Южного Урала «...ярким элементом тюркского кочевого мира степей». Уздечные наборы тюркского облика встречаются и в кыргызских материалах конца VIII в. – 1-й половины IX в. (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 92–94).

Примерами реконструируемых наборов конского снаряжения сrostкинской культуры Лесостепного Алтая 2-й половины VIII в. – 1-й половины IX в. (инской этап) являются комплекты из кургана №14 памятника Иня-1 (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, с. 47–51, рис. 22) и памятника Борковский Елбан-6 (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, рис. 2; Горбунова Т.Г., 2003, рис. 2).

Курган №14 на памятнике Иня-1 исследован С.В. Неверовым (Панюков В.И., 1990, с. 45–47), а материалы из него хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (колл. №145). Особенностью узды из Иня-1 является отсутствие подгубного ремня и наличие только двух подвесных ремешков, располагавшихся на уровне налобного ремня (см. рис. 46). На перекрестьях основных ремней располагались распределители, украшенные нервюрами, разделяющими центральную часть изделия на три сектора. Основные ремни были равномерно украшены четырехлепестковыми накладками с петлей, служившей, вероятно всего, для подвешивания декоративных кистей. К скобам псалиев нащечные ремни присоединялись при помощи пряжек с тренчиками и наконечниками, аналогичным образом закреплялся затылочный ремень. Следует подчеркнуть, что конский убор в рассматриваемом погребении был обнаружен в положении «*in situ*», поэтому он может служить своеобразным образцом для реконструкций одновременных комплектов.

Кроме самого оголовья в погребении был зафиксирован декорированный металлическими украшениями меньших пропорций поводной ремень (см. рис. 47). Повод крепился к кольцам удила при помощи миниатюрных пряжек, наконечников и тренчиков и был украшен распределителями с гладкой центральной частью и гроздевидными лопастями, язычковидными наконечниками и четырехлепестковыми накладками. На данном элементе

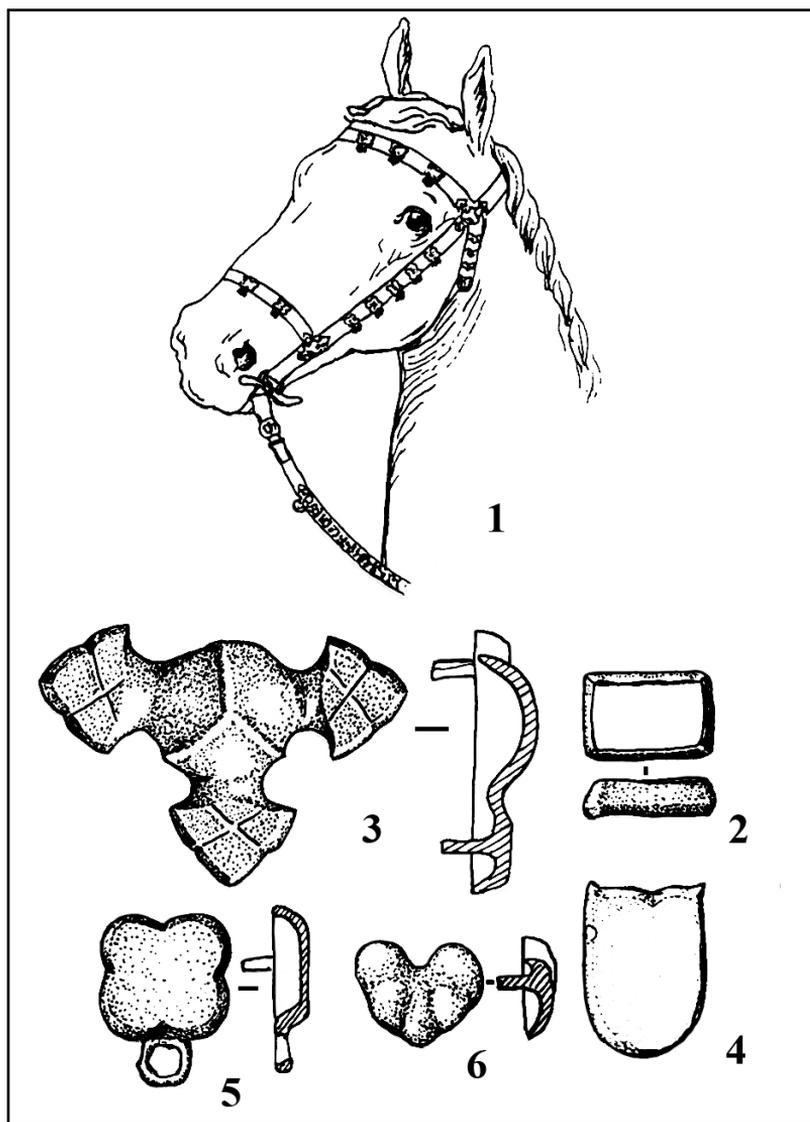

Рис. 46. Реконструкция узды по материалам кургана №14 памятника Иня-1

снаряжения коня распределители выполняли только декоративную функцию, симметрично обрамляя ряды четырехлепестковых блях слева и справа на поводном ремне. Использувавшиеся для его украшения наконечники также несли исключительно декоративную нагрузку.

В кургане №14 памятника Иня-1 были зафиксированы декорированные нагрудник и накрупник. Первый состоял из двух ремней, на пересечении которых крепился крупный распределитель. Он оформлен трех-

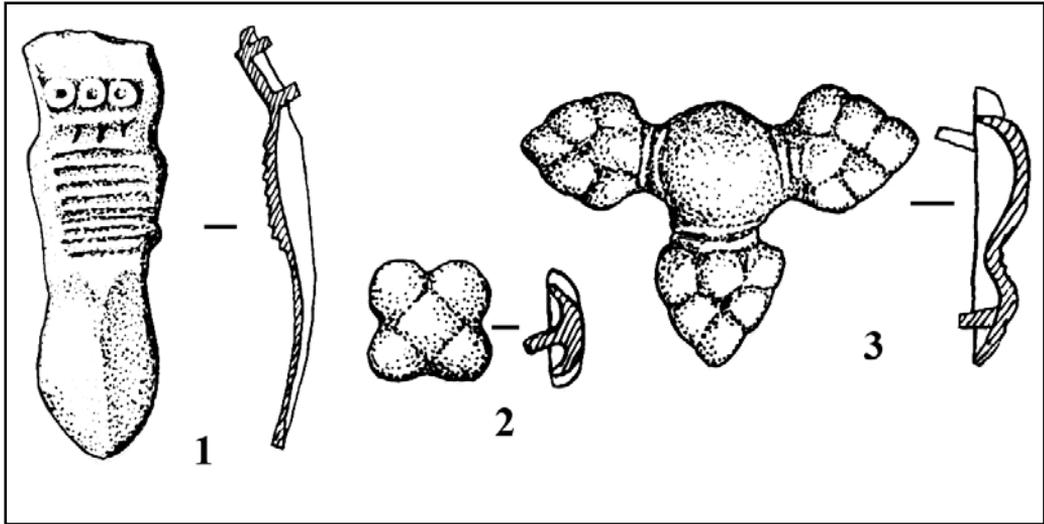

Рис. 47. Детали повода из кургана №14 памятника Иня-1

дольным делением центральной части при помощи такого декоративного элемента, как нервюра. На лопастях этого изделия имеются отверстия. Сами ремни были украшены гладкими сердцевидными накладками, аналогичными тем, которые находились на подвесных ремешках узды, и наконечниками (см. рис. 48).

Накрупник из кургана №14 памятника Иня-1, вероятнее всего, включал подхвостный и перекидной ремни, на перекрестьях которых крепились распределители. Их центральные части оформлены нервюрами, а на каждой из лопастей представлен прочерченный крестообразный декор. Подфейный ремень был украшен четырехлепестковыми накладками с петлями, которые могли служить для подвешивания небольших декоративных кистей (см. рис. 49).

На основе всех рассмотренных конструктивных элементов удалось воссоздать полный декорированный комплект конского снаряжения 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. (см. рис. 50). Облик всего набора близок комплектам тюркской археологической культуры, воссозданным по материалам памятников Горного Алтая. Среди его отличительных особенностей можно отметить оформление некоторых украшений, например, гроздевидные лопасти распределителей, накладки с небольшими петлями для крепления кистей. Следует указать, что по материалам Горного Алтая пока не удастся проследить поводную конструкцию.

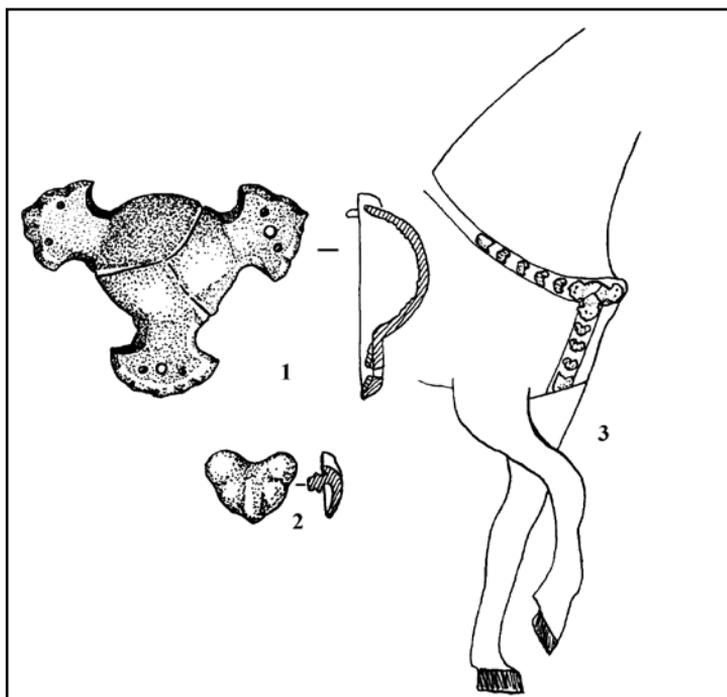

Рис. 48. Реконструкция нагрудника по материалам кургана №14 памятника Иня-1

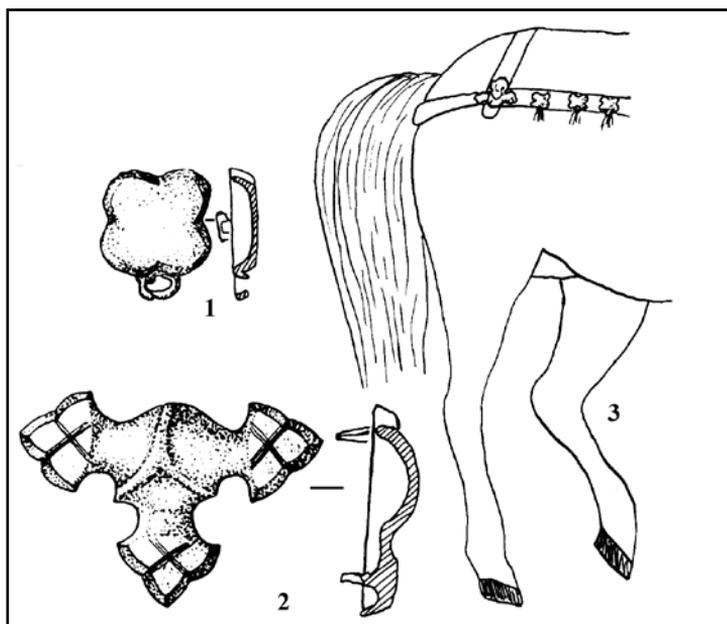

Рис. 49. Реконструкция повода по материалам кургана №14 памятника Иня-1

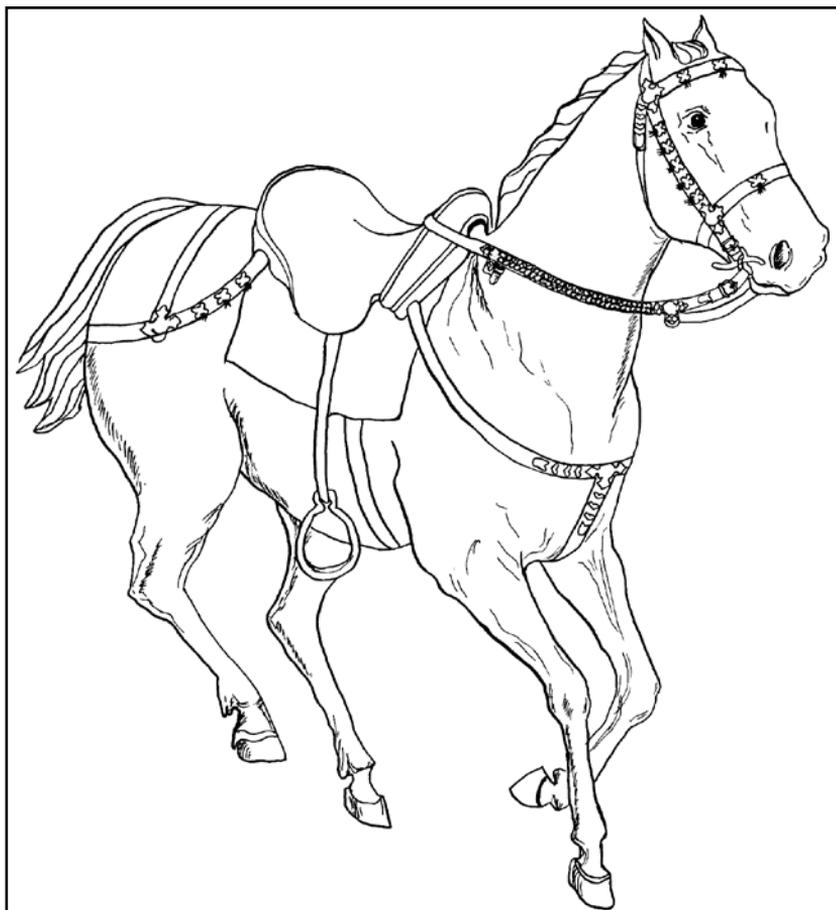

Рис. 50. Реконструкция конского снаряжения по материалам кургана №14 памятника Иня-1

В связи с этим, повод из Ини-1 является на настоящий момент единственной достоверной находкой этой части снаряжения верхового коня раннего средневековья.

По аналогии с уздой из Ини-1 и на основании отдельных находок украшений были предприняты реконструкции еще двух оголовий. Один из наборов был восстановлен по материалам, обнаруженным на памятнике Борковский Елбан-6 (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, рис. 2; Горбунова Т.Г., 2003а, рис. 2) (см. рис. 51). Состав и внешний облик украшений данного набора полностью идентичны находкам из Ини-1.

Другой набор раннего этапа сrostкинской культуры согласно типологии отдельных категорий вещей (Горбунова Т.Г., 2003б, рис. 6.-9; 2004а, рис. 2.-10) может быть отнесен к 1-й половине IX в. Он происходит из

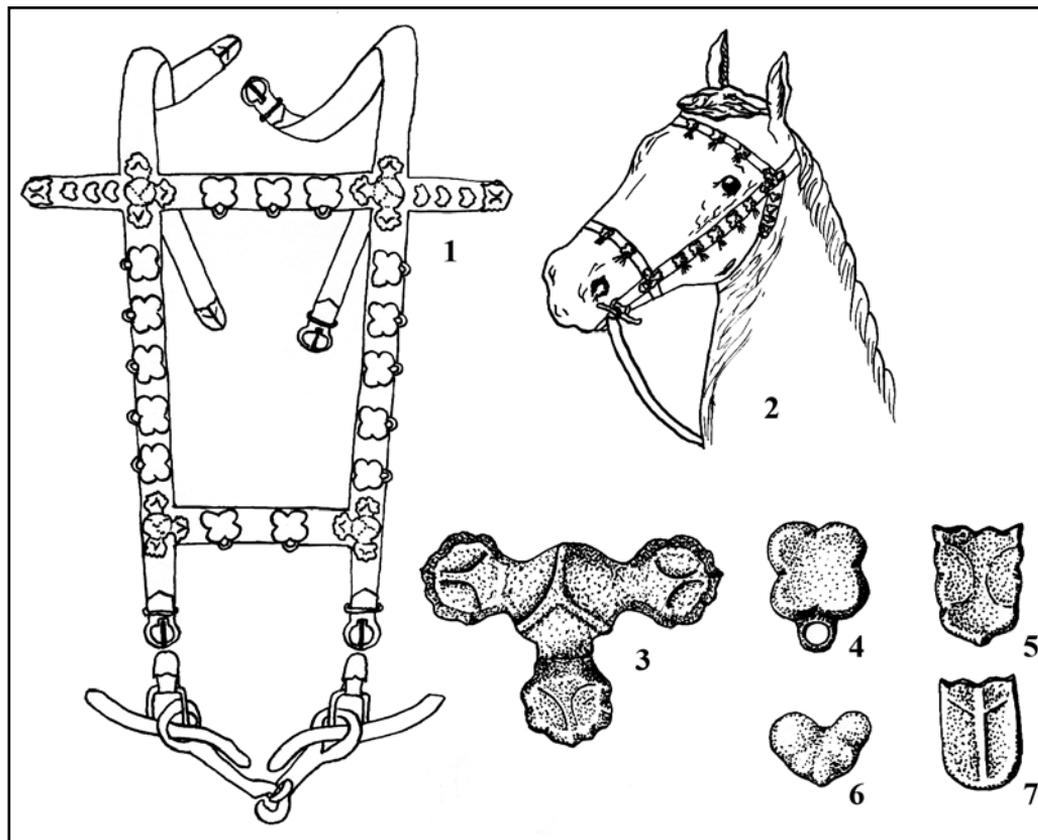

Рис. 51. Реконструкция узды по материалам памятника Борковский Елбан-6

местонахождения Плотниково (Шамшин А.Б., 1990, с. 55). Поскольку обстоятельства находок недостаточно ясны, то реконструкция выполнялась по аналогии с набором из Ини-1 и представляется достаточно гипотетической (см. рис. 52). Оголовье из Плотниково украшалось крупными распределителями с зооморфным декором, прямоугольными накладками с петлями для кистей и наконечниками. Все изделия позолочены и декорированы зооморфными изображениями.

К концу IX – 1-й половине X в. можно отнести еще несколько реконструированных наборов конской амуниции. Один из этих комплектов был исследован в кургане №2 памятника Гилево-ХII, в котором находилось коллективное погребение трех мужчин и ребенка в сопровождении коня (Могильников В.А., 2002, с. 31). Согласно публикационному описанию, полевой документации и составу коллекции (АГКМ, оф. №13810; колл. №14559) к узде относились бронзовый позолоченный султанчик, две пря-

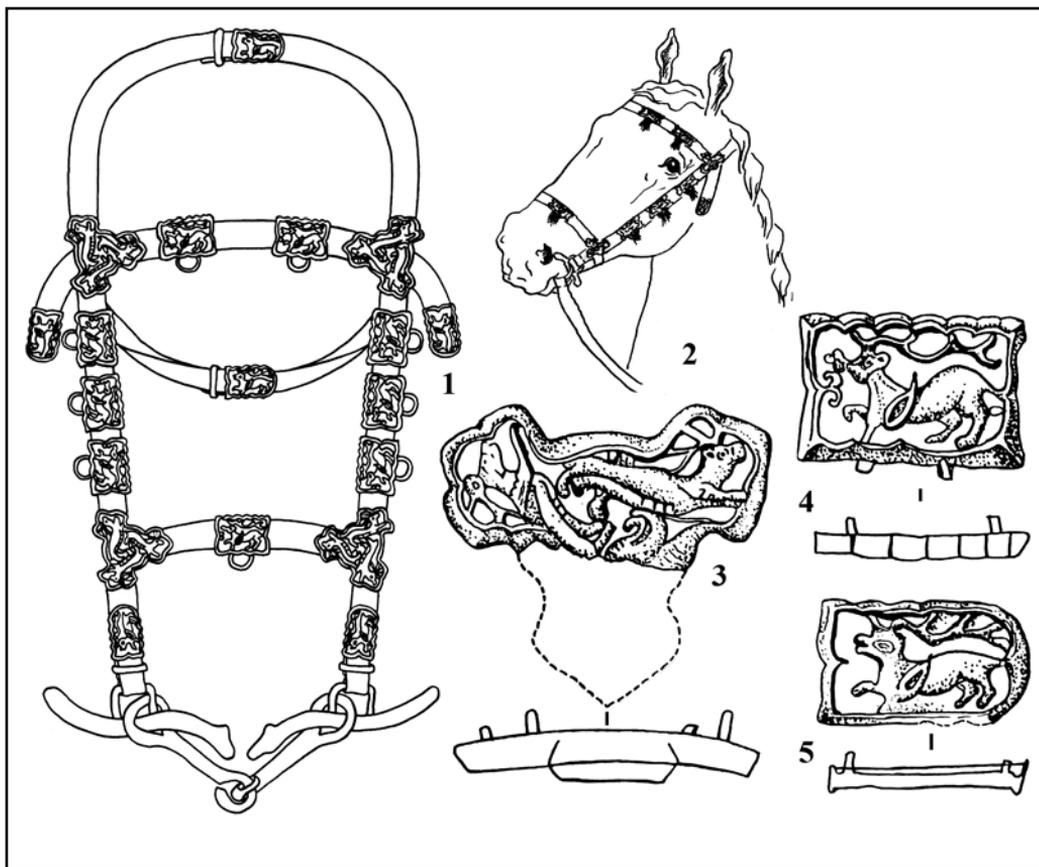

Рис. 52. Реконструкция узды по материалам местонахождения Плотниково

моугольных бляхи с выступом, пара наконечников ремней и, видимо, пряжка с обоймой. Эти вещи оказались в разных местах в результате перекапывания местоположения головы коня при ограблении. Тем не менее В.А. Могильников (2002, с. 31) сумел выявить и отметить некоторые важные детали. Например, то, что вырезанная из позолоченного медного листа налобная бляха прикреплялась к налобному ремню с помощью накладки розетковидной формы со штифтом.

В реконструированном виде узды из кургана №2 памятника Гилево-ХII имела следующий вид (см. рис. 53). Она состояла из всех основных ремней. В центре налобного ремня находилась подвеска, которая крепилась при помощи бляхи-накладки с выступом. Нащечные ремни украшались длинными прямоугольными накладками с геометрическим орнаментом и выступом. На наносном ремне располагался цельнолитой султанчик, также декорированный фигурным выступом. На перекрестьях налобного и наносного рем-

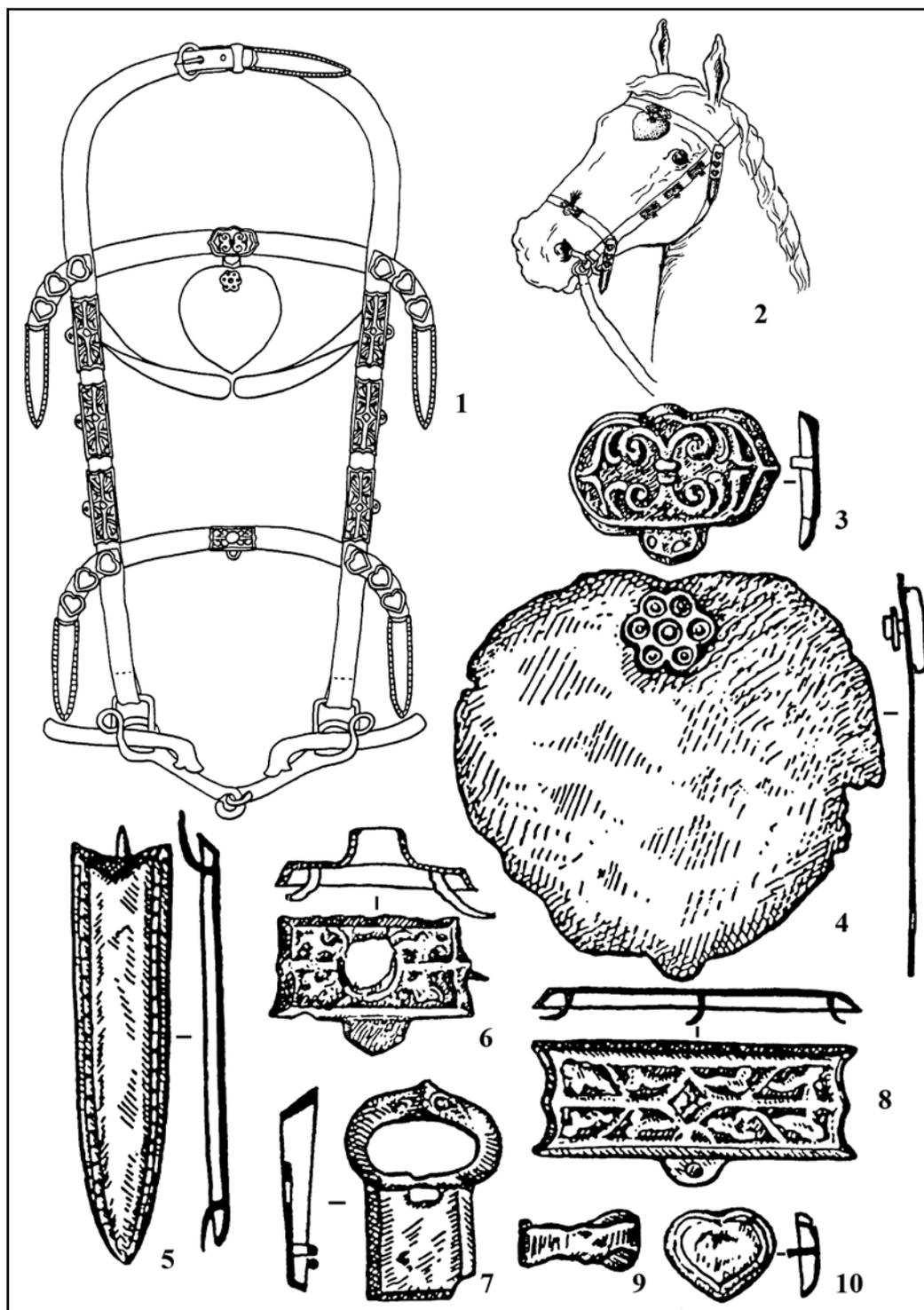

Рис. 53. Реконструкция узды по материалам кургана №2 памятника Гилево-ХII

ней с нащечными закреплялись подвесные ремешки, каждый из которых был украшен тремя сердцевидными накладками и вытянутым наконечником, декорированным по краю имитацией зерни.

На основе плана расположения украшений (Могильников В.А., 2002, с. 31) реконструируется и накрупник из кургана №2 памятника Гилево-ХII. Он был украшен сердцевидными подвесками, декорированными выпуклиной с отверстием в центре и имитацией зерни по периметру. Также слева и справа на подхвостном ремне располагалось по три гладких сердцевидные накладки (см. рис. 54).

Следует сказать, что в иконографических материалах имеются различные свидетельства об использовании султанских украшений в конском снаряжении. Предшественниками средневековых султанчиков являлись бляхи раннего железного века, располагавшиеся на наносном и/или на налобном ремнях оголовья. Как правило, они имели изображения каких-либо реальных или мифических животных: птицы, грифона, лося и т.д. В эпоху средневековья применялись султанчики, которые могли закрепляться на на-

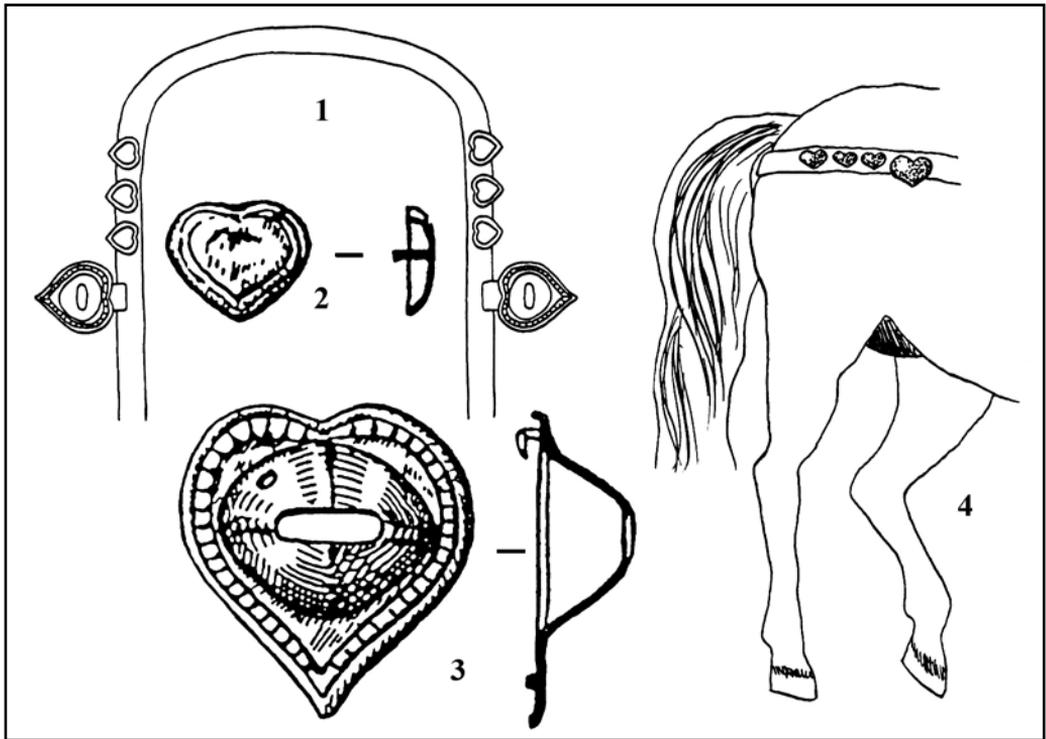

Рис. 54. Реконструкция накрупника по материалам кургана №2 памятника Гилево-ХII

носом или налобном ремнях оголовья. Кроме этого, следует отметить начельные украшения, устроенные между налобным и затылочным ремнями, и крупные, которые закреплялись на крупном ремне конского снаряжения. В археологических памятниках тюрок Горного Алтая и Минусинской котловины фиксируются наносные султанские украшения (Худяков Ю.С., Кочев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 3.-5; Худяков Ю.С., 1997, рис. 2.-4).

В росписях 2-й половины VII в. – 1-й половины VIII в. дворца Афрасиаб в Средней Азии изображено семь лошадей с наносными и налобными султанчиками (Альбаум Л.И., 1975, с. 49–50, рис. 13–14). В этом сюжете представлена сцена прибытия в Самарканд (столицу Согда) посольства из Чаганиана (см. рис. 55). Необходимо подчеркнуть, что изображения сул-

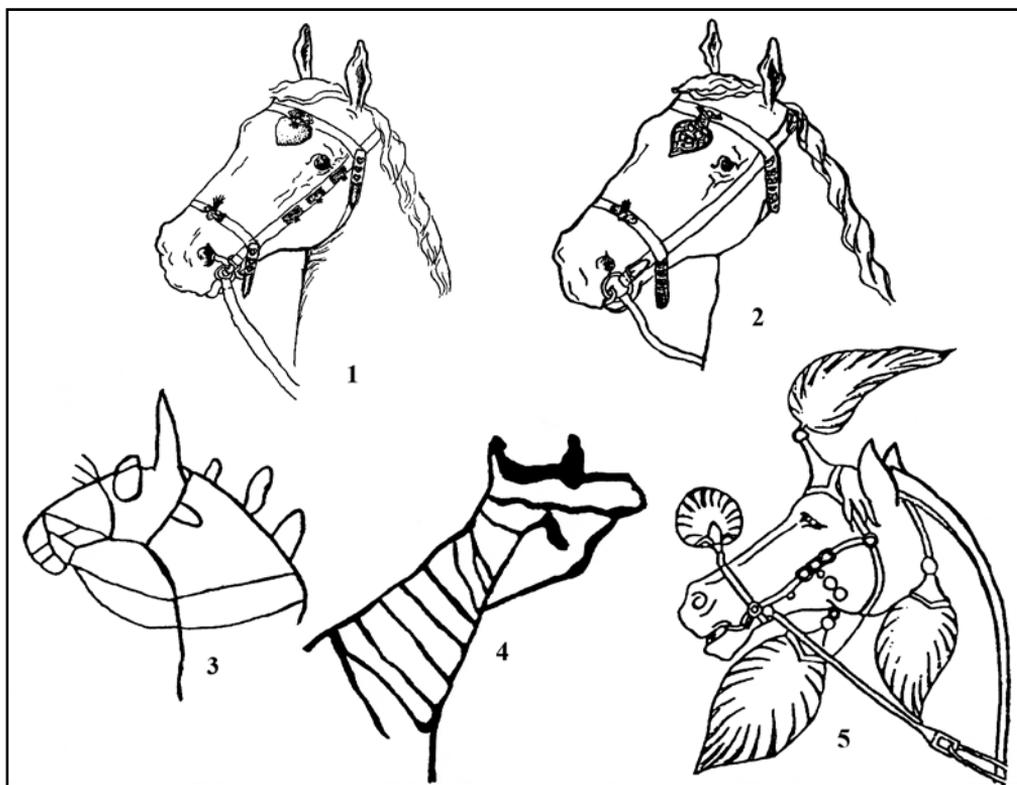

Рис. 55. Расположение султанских украшений на снаряжении верхового коня по материалам иконографических и археологических источников:

- 1–2 – оголовья лошадей из памятников Алтая (IX–X вв.) (реконструкции автора);
- 3 – фрагмент петроглифа из памятника Цагаан-Салаа-IV в Монгольском Алтае;
- 4 – фрагмент петроглифа из урочища Хар-Хад в Монголии (VI–VII вв.);
- 5 – фрагмент росписи на южной стене дворца Афрасиаб в Согде (2-я половина VII в. – 1-я половина VIII в.)

танчиков известны в тюркских петроглифах Монгольского Алтая, которые датируются VI–VII вв. Данные источники позволяют говорить о том, что султанчики применялись тюрками для украшения амуниции верховых лошадей еще в эпоху Великого тюркского каганата.

С рубежа IX–X вв. кочевники Алтая начинают использовать уздечные наборы с султанскими украшениями. Налобные бляхи-подвески также становятся распространенным элементом, но принципиальным новшеством в оформлении оголовья не являются. Отдельные изделия фиксируются и в памятниках 2-й половины VIII – 1-й половины IX в., например, в погребениях памятника Иня-1 (МАЭА АлтГУ, колл. №145).

Источниковая база позволяет реконструировать нагрудник и накрупник 2-й половины IX – 1-й половины X в. Такие материалы обнаружены при изучении кургана №4 памятника Щепчиха-I. Летом 1991 г. Юго-Западная экспедиция Алтайского государственного университета произвела аварийные раскопки курганной группы в Змеиногорском районе. Могильник Щепчиха-I располагался на гребне холма, между речками Ближняя и Дальняя Щелчиха. В кургане №4 в погребении мужчины 25–30 лет с сопроводительным захоронением лошади на костях ее задних конечностей и рядом лежали рельефные украшения из позолоченной бронзы с растительным орнаментом: четыре наконечника ремней, сердцевидные бляхи, две четырехугольные бляхи с сегментовидным выступом. Все они имели остатки кожаных ремней, на которых закреплялись с помощью заклепок. Здесь же находилась сердцевидная бляха с выступом, украшенная тремя полусферическими выпуклостями в центре. Она крепилась на ремень шпеньками и фиксировалась с оборотной стороны железной пластиной такой же формы (Тишкин А.А., 1993, с. 90–92; с. 96, рис. 4.-12–18).

Приведенный план могилы четко демонстрирует принцип расположения украшений в районе задних конечностей лошади (Тишкин А.А., 1993, с. 95, рис. 3.-4). Реконструированный вид накрупника (см. рис. 56) можно описать таким образом. Конструкция состояла из одного подхвостного ремня, слева и справа украшенного парными подвесными ремешками. На одной паре располагалось по две сердцевидных накладок и наконечнику с растительными побегам и завитками, на второй паре – по прямоугольной накладке с выступом и наконечнику, симметрично декорированному по длине изображениями гроздей винограда. Поскольку в непосредственной близости от костей конского скелета была найдена одна подвеска, можно предположить,

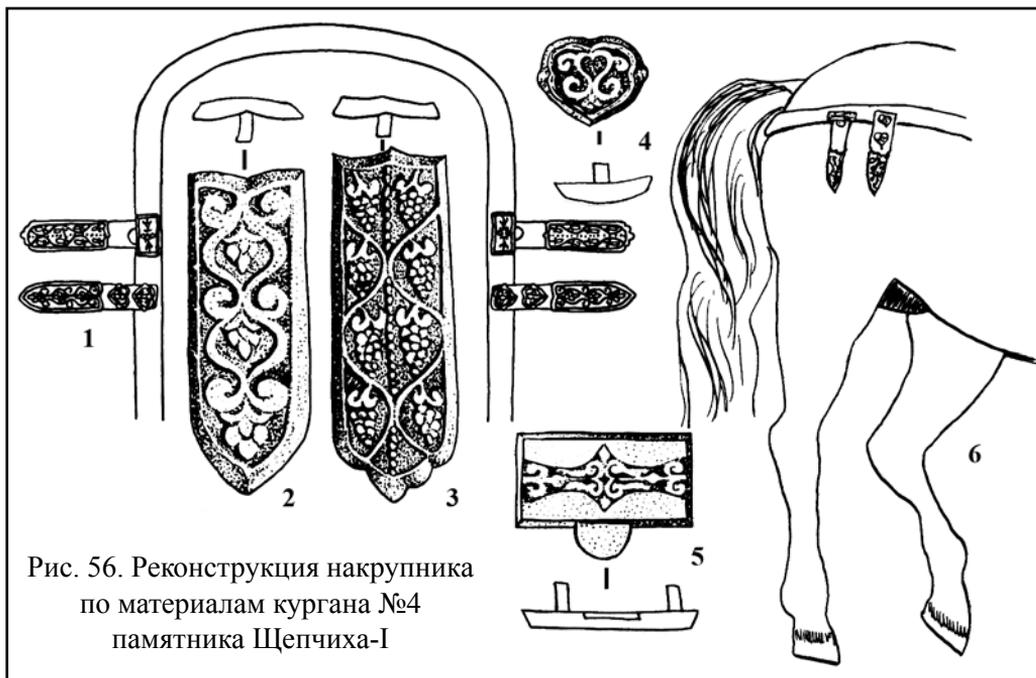

Рис. 56. Реконструкция накрупника по материалам кургана №4 памятника Щепчиха-I

что она служила украшением нагрудника (см. рис. 57). Изделие представляет собой сердцевидную бляху с небольшим выступом у основания. По всему периметру край подвески декорирован двумя рядами имитации зерна. В центре расположены три полусферических выпуклости с отверстиями (Тишкин А.А., 1993, с. 96, рис. 4.-12).

Еще один уздечный набор был воссоздан по материалам, обнаруженным в кургане №4 памятника Гилево-VII (Могильников В.А., 2002, с. 21–22; АГКМ, оф. колл. 13168, 13464, 14558, 14569). Курган №4 являлся самым крупным в данной группе. В коллективном погребении было

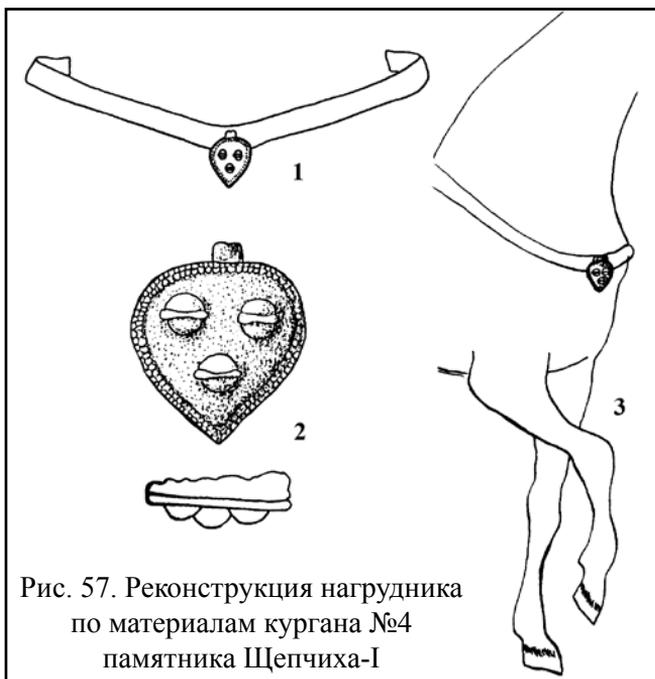

Рис. 57. Реконструкция нагрудника по материалам кургана №4 памятника Щепчиха-I

выявлено четыре захоронения лошадей. Наибольший интерес представляли непотревоженные остатки взнузданной и оседланной лошади, в зубах которой сохранились удила с псалиями. Налобный ремень был украшен бляхой с выступом, чуть ниже которой располагалась налобная подвеска сердцевидной формы. Наносный ремень украшал бронзовый литой султанчик. Характеризуя приведенную реконструкцию (см. рис. 58), укажем, что оголовье было украшено четырьмя подвесными ремешками, на каждом из которых фиксировалось по три сердцевидных накладки и наконечнику. Посередине нащечных ремней крепилось по одной прямоугольной накладке с выступом, к которым на подвесных ремешках подвешивались сердцевидные бляхи с тремя выпуклинами, аналогичные украшениям из Щепчихи-I.

Следует отметить, что типологически (см. рис. 24) выступ, имеющийся на прямоугольных накладках и султанских пластинах из Щепчихи-I, Гилево-VII и Гилево-XII, является рудиментом петли, которая служила во 2-й половине VIII – середине IX в. для подвешивания декоративных кистей. Но, утратив свое первоначальное функциональное назначение, такие бляхи по традиции помещались вместе с подвесными ремешками.

К концу IX – середине X в. можно отнести уздечный набор, реконструированный по материалам кургана №6 памятника Гилево-IX, и комплекты, восстановленные на основе коллекции из памятника Сростки-I, хранящейся в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (БКМ, оф. колл. №849, Сростки-I, раскопки М.Д. Копытова)*. Сросткинский могильник находится в 25 км от г. Бийска, на высоком яру (гора Пикет) правого берега Катуня, к северо-востоку от с. Сростки. Памятник, по сообщению Д.Г. Савинова (1996, с. 193), насчитывает 40 курганов. В разные годы на комплексе проводили раскопки М.Д. Копытов, С.М. Сергеев и М.Н. Комарова. Материалы раскопок последних двух исследователей были опубликованы Д.Г. Савиновым (1996; 1998). В Бийском краеведческом музее им. В. Бианки хранится коллекция материалов 26 курганов из раскопок М.Д. Копытова (колл. №849). Проанализировав эти изделия, в том числе учитывая особенности украшений конского снаряжения, С.В. Неверов (1991) датировал памятник IX–X вв.

По данным коллекции М.Д. Копытова из могильника Сростки-I реконструируются два уздечных набора. Первый комплект на основе типологического анализа можно отнести к рубежу IX–X вв. Судя по количественному составу изделий, все ремни узды были плотно украшены

* Благодарю В.В. Горбунова за предоставленные материалы из БКМ им. В. Бианки.

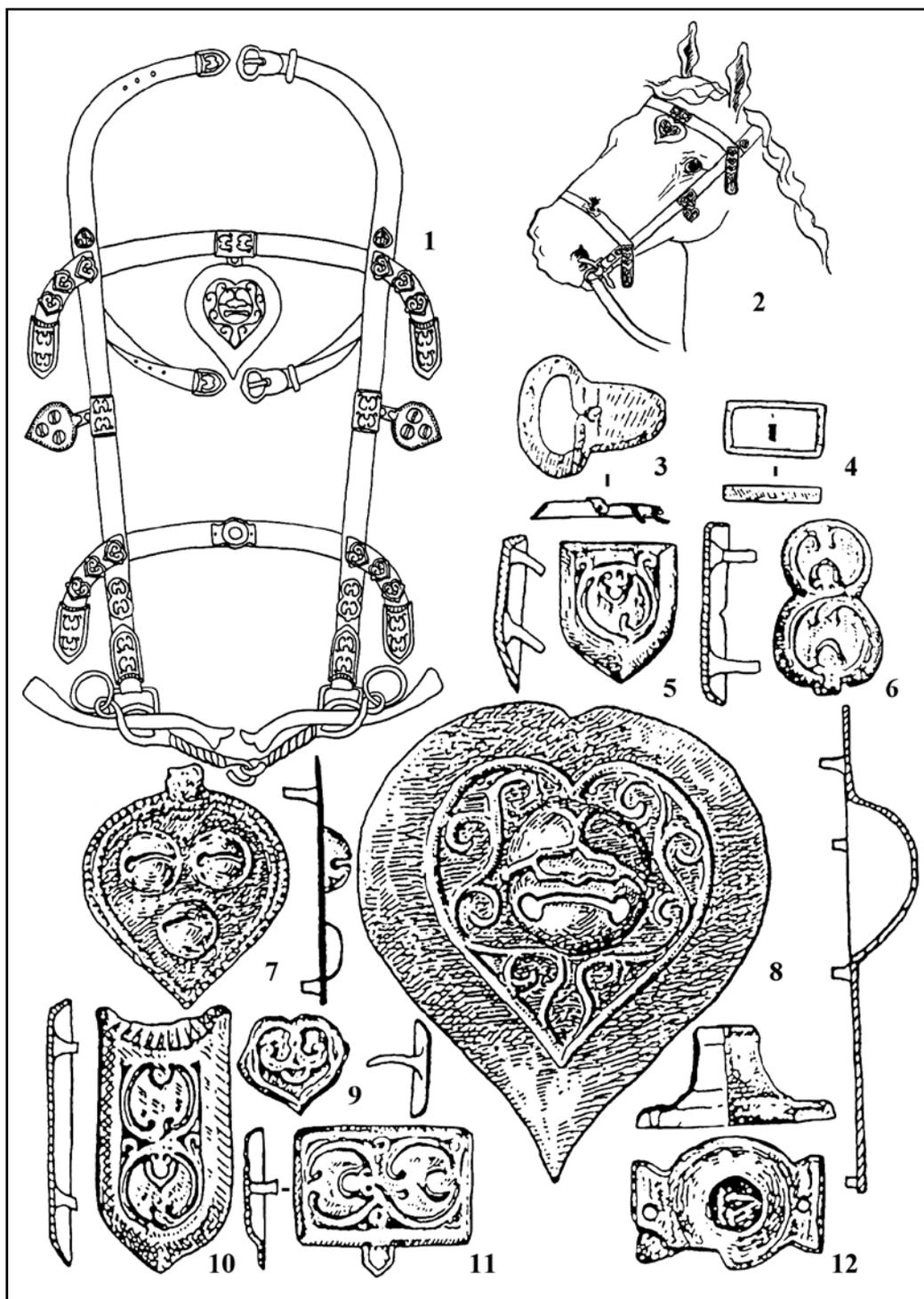

Рис. 58. Реконструкция оголовья по материалам кургана №4 памятника Гилево-VII

прямоугольными накладками с петельчатым выступом. На перекрестьях ремней располагались распределители. Узда была дополнительно украшена четырьмя подвесными ремешками. На каждом из них крепилось по три накладки и одному наконечнику (см. рис. 59).

Второй уздечный комплект из Сросток-I отличается набором украшений (наличие качелевидных и пятиугольных), на основании чего может быть датирован серединой X в., поскольку именно в этот период времени формируются такие категории украшений, как пятиугольные бляхи-накладки и качелевидные изделия.

Основные ремни рассматриваемого оголовья украшены не были. В наборе присутствовало шесть подвесных ремешков. Четыре из них декорированы пятиугольными накладками и наконечником, орнаментированным у основания. Данные подвесные детали располагались на перекрестьях налобного и наносного ремней с нащечными. Посередине нащечных

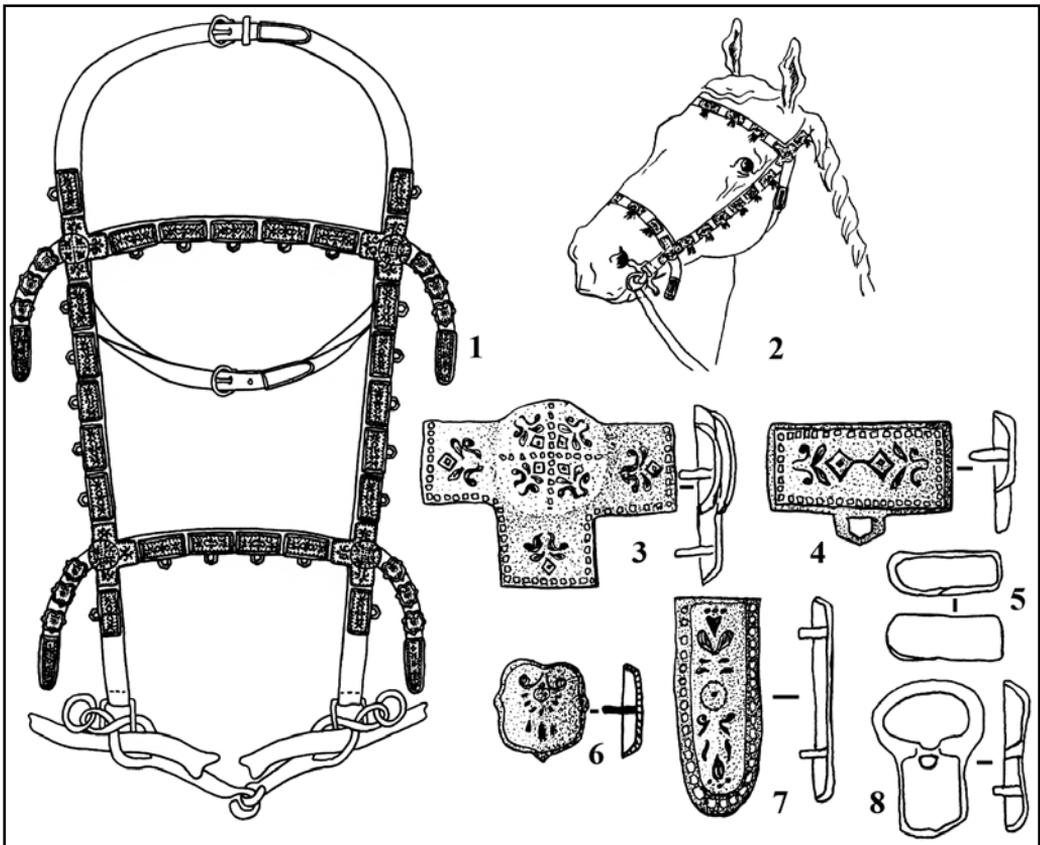

Рис. 59. Реконструкция узды по материалам памятника Сростки-I

ремней крепились качелевидные накладки, образуя единый ансамбль с бляхами-подвесками. Особенностью последних является полусферическая выпуклина посередине, оформленная личиной (см. рис. 60). Такой антропоморфный декор – большая редкость для территории Алтайской лесостепи, и фиксируется он преимущественно в памятниках Минусинской котловины, соотносимой с культурой кыргызов (Король Г.Г., 2008, ил. 1).

Комплект из кургана №6 памятника Гилево-IX, исходя из состава и количества находок, был украшен небольшой налобной бляхой, фиксированной с помощью качелевидной накладки, четырехлепестковым цельнолитым наносным султанчиком и прямоугольными накладками с растительно-геометрическим декором, равномерно крепившимися на всех основных ремнях узды. На перекрестьях налобного ремня с нащечными закреплялось по одному декоративному ремешку, каждый из которых был украшен четырьмя язычковидными накладками с имитацией зерни и наколочником (Могильников В.А., 2002, с. 27) (см. рис. 61).

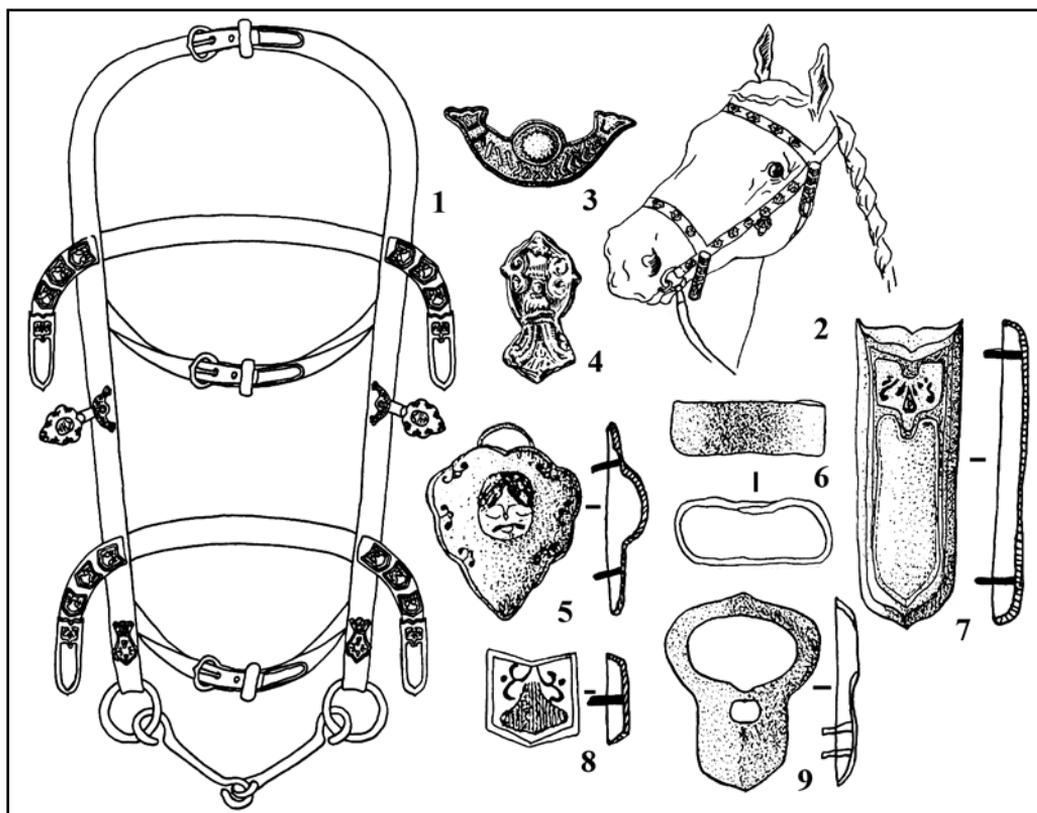

Рис. 60. Реконструкция узды по материалам памятника Сростки-I

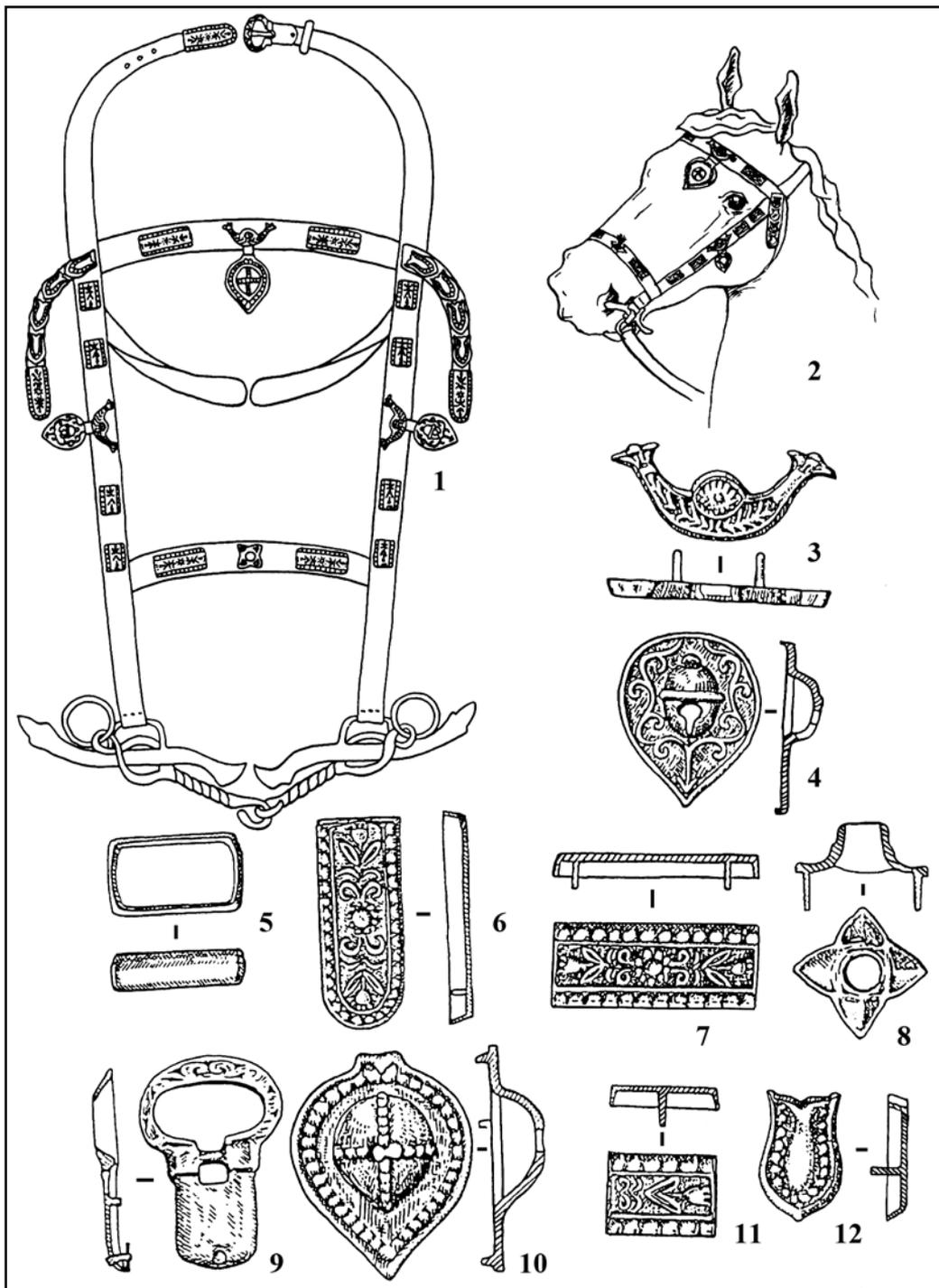

Рис. 61. Реконструкция оголовья по материалам кургана №6 памятника Гилево-IX

Оформление украшений данного уздечного набора с помощью растительно-геометрической орнаментации сближает его с изделиями из первого комплекта памятника Сростки-I. Однако сам состав украшений, в том числе наличие качелевидных накладок, является дополнительным аргументом в пользу того, что набор из Гилево-IX чуть более поздний (середина X в.). Дело в том, что качелевидные бляхи-накладки характерны уже для шадринцевского этапа сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.). Такие изделия располагались в месте присоединения подвешенного ремешка к основному: нащечному (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 6.-1–6) или налобному (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999, рис. 1.-1). С влиянием сросткинской традиции в оформлении конского снаряжения можно связывать наличие качелевидных накладок в памятниках конца X в. – 1-й половины XI в. в Восточном Казахстане (Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П., 1998, рис. 8).

Серединой – 2-й половиной X в. датирован уздечный набор из памятника Шадринцево-I, реконструированный С.В. Неверовым и В.В. Горбуновым (1996, с. 186, рис. 7). Мы приводим эту реконструкцию в настоящем издании (см. рис. 62). Оголовье состоит из всех основных ремней, включая и налобный, и наносный. Последний был украшен наносным султанчиком. В изготовлении этого изделия совмещены две техники украшения поверхности – лужение медной пластины и золочение бронзовой втулки султанчика (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, с. 67, рис. 58). Вероятно, в погребение были положены втулка и пластина от разных изделий, поскольку они не могут быть совмещены друг с другом: диаметр отверстия пластины не позволяет закрепить в ней втулку. Сама же пластина своим оформлением тяготеет к более ранним образцам цельнолитых султанчиков (см. рис. 26).

На шадринцевском этапе устанавливается новый стандартный набор украшений конского снаряжения. Изменения выразились в следующем. Во-первых, сердцевидные накладки на подвесных ремешках сменяются пятиугольными. Во-вторых, появляются два подвесных ремешка, которые размещаются посередине нащечных ремней, т.е. с этого времени оголовье украшают не четыре, а шесть декоративных ремешков (в подавляющем большинстве случаев). В-третьих, каждый из таких ремешков чаще всего крепится к основному ремню качелевидной накладкой, реже – при помощи прямоугольной.

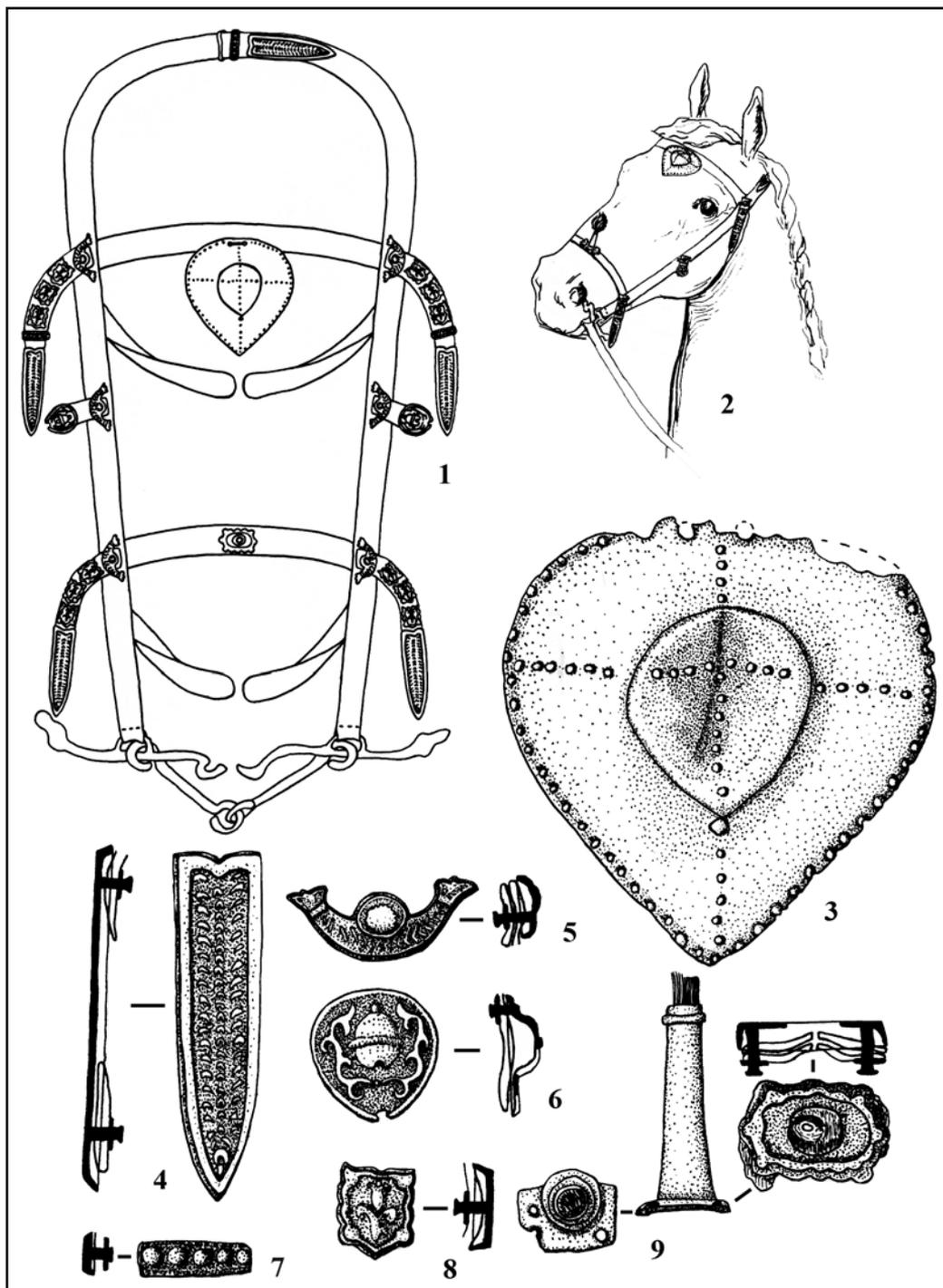

Рис. 62. Реконструкция узды по материалам кургана №1 памятника Шадринцево-1 (частично по: Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 5–6)

К середине – 2-й половине X в. также относится реконструируемый в настоящем исследовании конский убор из кургана №1 памятника Корболиха-II (см. рис. 63). По предположению автора раскопок В.А. Мо-

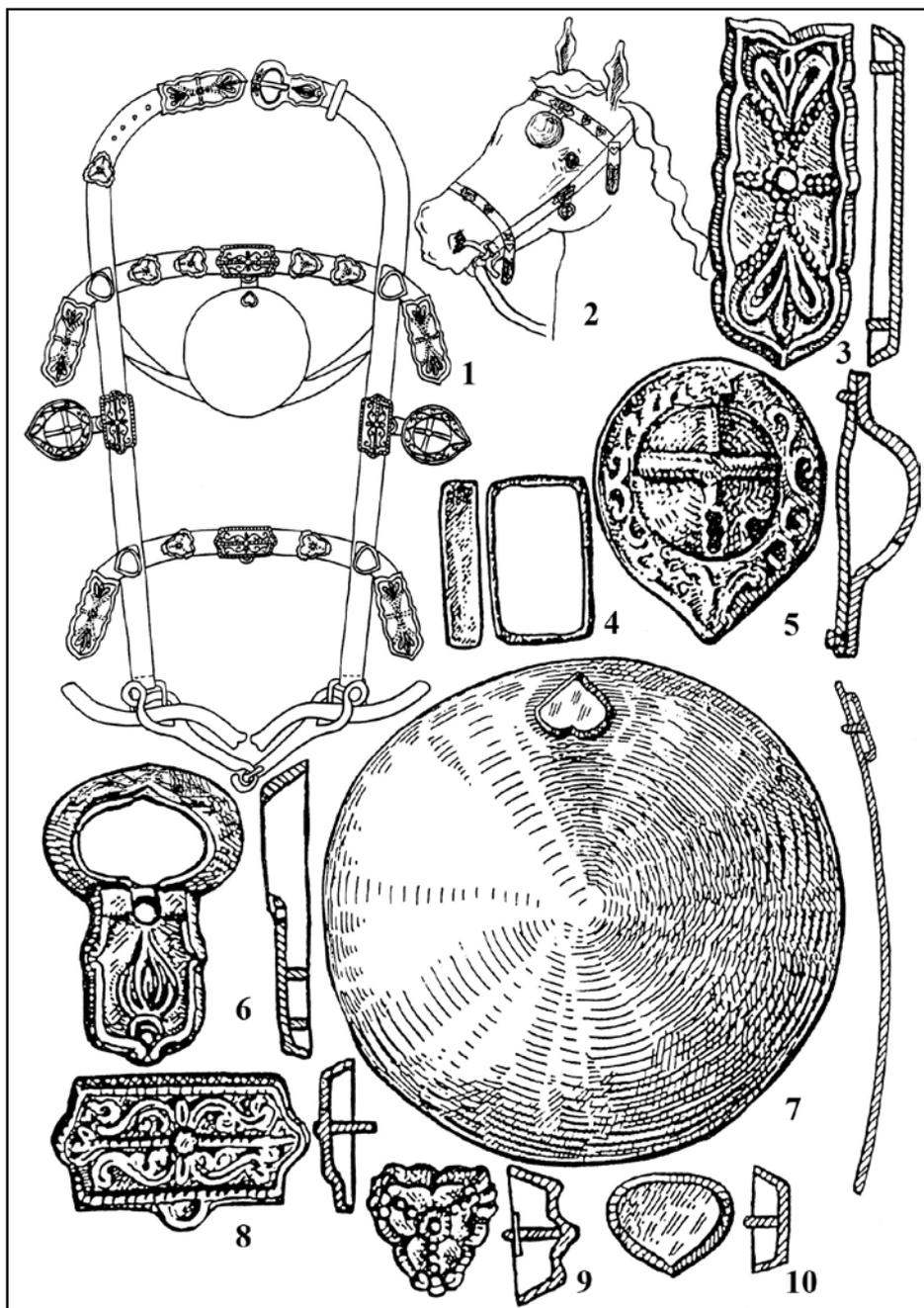

Рис. 63. Реконструкция узды по материалам кургана №1 памятника Корболиха-II

гильникова (2002, с. 46), данный объект являлся кенотафом. С обеих сторон от непотревоженного черепа коня лежали бронзовые позолоченные бляхи. На лбу коня имелась круглая позолоченная налобная бляха, крепившаяся к подвесному ремешку с помощью шпенька сердцевидной бляхи-накладки. Сам подвесной ремень присоединялся к налобному посредством прямоугольной накладки с выступом и растительной орнаментацией.

С левой стороны нащечный ремень затягивался на пряжку, а рядом с пряжкой находилась трехлепестковая накладка. Такие же бляхи располагались справа и слева от темени коня, что позволило В.А. Могильникову (2002, с. 46, рис. 137, 137а) справедливо предположить, что они украшали налобный ремень узды. Автор также указал, что нащечные ремни с обеих сторон были украшены прямоугольной накладкой и сердцевидной подвеской.

Важным для осуществления полной реконструкции набора украшений из данного комплекса также стало замечание В.А. Могильникова (2002, с. 46; рис. 137а) о том, что по одной «бляхе-бубенчику» находилось справа и слева от поясничных позвонков коня, они украшали подхвостный ремень седла. С обеих сторон того же ремня было укреплено по прямоугольной бляхе с выступом. На основе описаний и чертежей погребений была осуществлена реконструкция полного набора украшений узды и накрупника (см. рис. 64).

К концу X – 1-й половине XI в. относятся наборы Нижний Кучук-VII, Филин-I, Кайгородка-V, реконструкции которых также представляются возможными.

В мае 1998 г. в НПЦ «Наследие» от жителя с. Новообицево Шелаболихинского района А.С. Тагильцева поступила информация о варварски раскапываемых курганах. В июне того же года при проведении аварийных археологических работ экспедицией Алтайского государственного университета удалось найти А.С. Тагильцева, который показал место расположения памятника и обнаруженные в нем предметы, которые собрал у жителей села (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999, с. 137). Комплекс из двух крупных земляных курганов получил наименование Филин-I. Переданные вещи представляли собой детали конского снаряжения. Уздечный набор имеет стандартизированный состав украшений, характерный для шадринцевского этапа (2-я половина X – 1-я половина XI в.) сrostкинской культуры. Стандартность определялась не только формой отдельных категорий украшений, но и их количеством и расположением. Уточнению последнего

способствовало то, что на некоторых накладках было зафиксировано по три узких ремешка, которые, очевидно, применялись в качестве подвесных (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999, с. 138, рис. 1.-2). Кроме того, на оборотной стороне налобной бляхи сохранился подвесной ремешок (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999, с. 138, рис. 1.-1). На этом ремешке также имелась качелевидная накладка, при помощи шпеньков которой налобная бляха крепилась на налобный ремень узды.

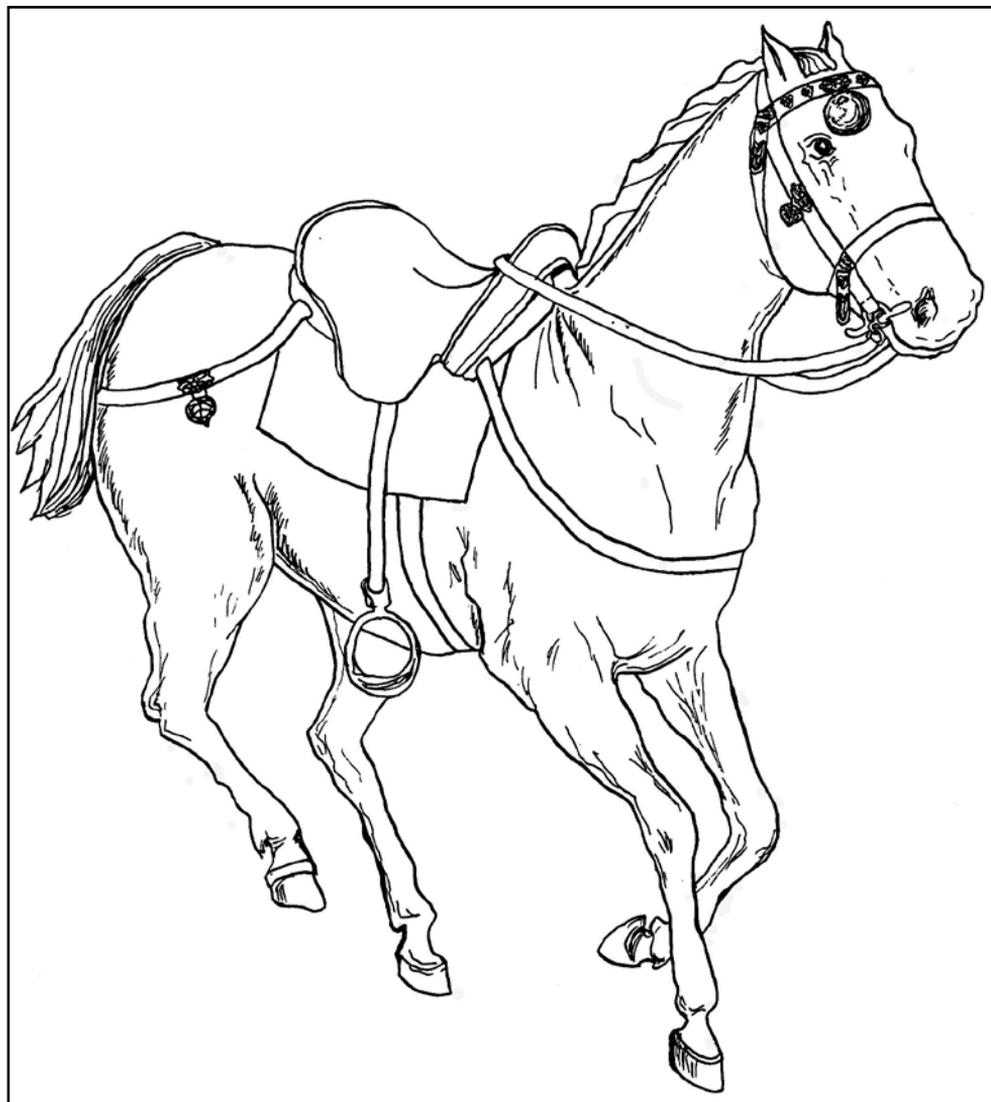

Рис. 64. Реконструкция конского снаряжения по материалам кургана №1 памятника Корболиха-II

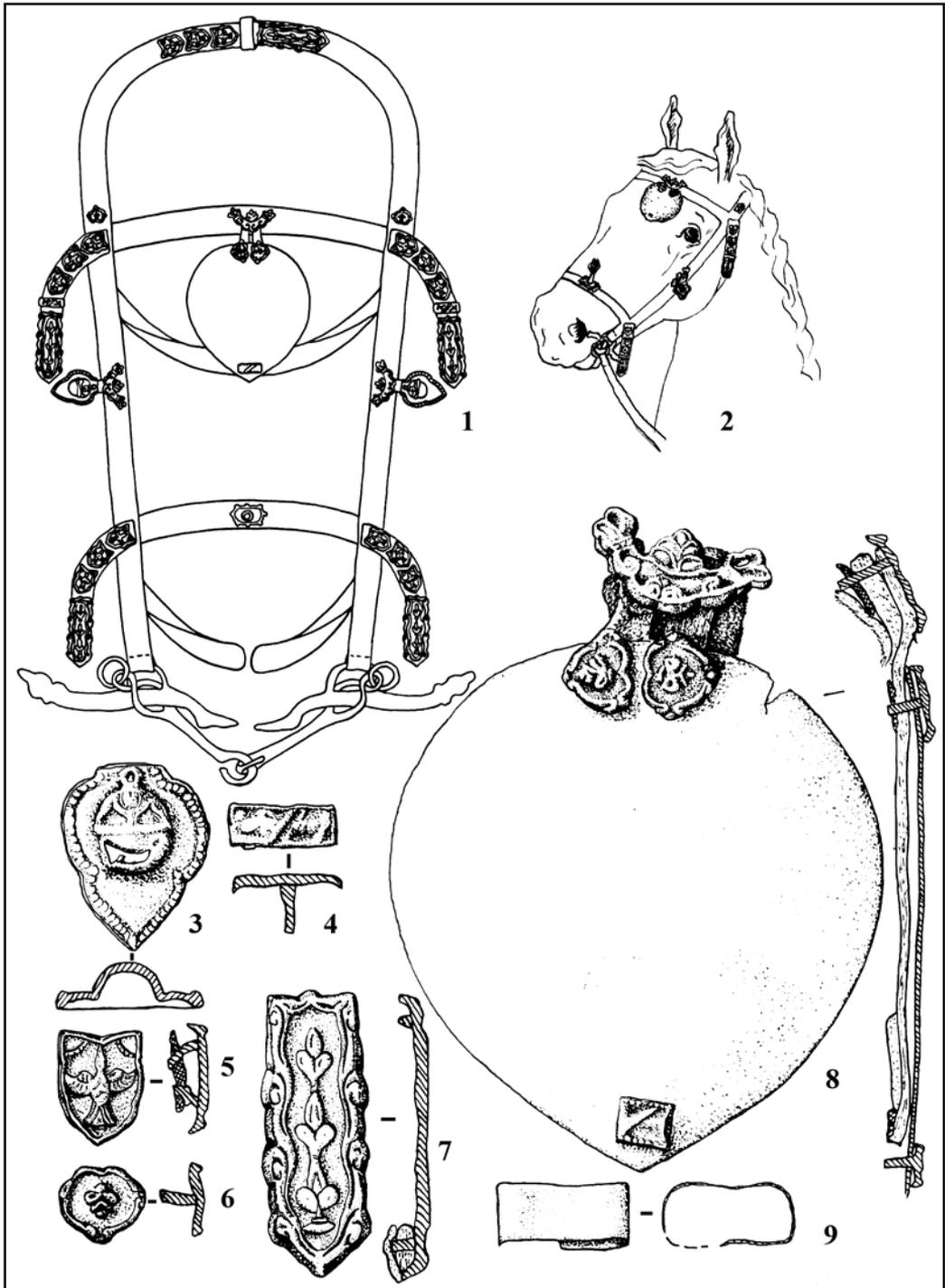

Рис. 65. Реконструкция уздечного набора по материалам кургана №1 памятника Филин-1

В реконструированном виде узда из Филина-I выглядела следующим образом (см. рис. 65). Налобный ремень украшался округлой подвеской, крепившейся к нему при помощи качелевидной и двух сердцевидных накладок с растительным орнаментом. Наносный ремень, как и в большинстве наборов шадринцевского этапа сrostкинской культуры, украшался султанчиком, который в связи с обстоятельствами находки был утрачен. Также на оголовье крепилось шесть подвесных ремешков.

Еще один комплект декорированного конского снаряжения, относящегося к концу X – 1-й половине XI в., обнаружен на памятнике Нижний Кучук-VII. В ходе работ Кулундинской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина летом 1991 г. был зафиксирован разрушенный средневековый курган. Он располагался слева от лесополосы по трассе Благовещенка–Родино (Благовещенский район Алтайского края) у села Нижний Кучук. Объекту было присвоено название Нижний Кучук-VII (Горбунова Т.Г., 2006б, с. 181–182).

На поверхности кургана были осуществлены сборы материала, включавшего набор украшений конского снаряжения. Представлен он девятью предметами, изготовленными из бронзовых сплавов. Поверхность всех этих изделий, за исключением втулки султанчика, покрыта слоем олова (лужение) (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, рис. 63–67). Налобная бляха-подвеска крупных пропорций сохранилась неполностью. Она имела сердцевидную форму, ровные бортики, заостренный носик, который оказался обломанным, и полукруглое основание.

В комплекте обнаруженных украшений присутствуют две сердцевидные подвески меньших размеров. Обе вещи имеют ровные бортики, заостренный носик и полукруглое основание. Более крупная подвеска снабжена декоративными выпуклинами: две сверху, по одной слева и справа и одна внизу. На наш взгляд, она выполняла функцию украшения нагрудного ремня. Бляха меньших размеров оформлена полусферической выпуклиной с прорезью, имитирующей колокольчик. Крепилась она к ремню с помощью четырех шпеньков и дополнительной тонкой бронзовой пластины-фиксатора, которая сохранилась фрагментарно. Между этой пластиной и самой бляхой имеются остатки кожаного ремня.

Следующие изделия в имеющемся наборе – три наконечника ремней килевидной формы с ровными бортиками, заостренным носиком и обратнофигурно-скобчатым основанием. Один из них сломан пополам по-

перек. Изделия снабжены геометрическим орнаментом: по центру каждого из них проходит продольная нервюра, слева и справа параллельно ей расположены нервюры волнообразной формы. Бортики также обрамлены аналогичными декоративными элементами. Наконечники крепились к ремню узды с помощью двух шпеньков: вверху и внизу изделия, у одного изделия внизу располагалось два шпенька.

Еще одна деталь набора – наносный султанчик узды составной конструкции. Во втулку непосредственно устанавливалось перьевое и волосяное украшение. Пластина была изготовлена отдельно, а затем нижний конец втулки был расклепан в ней. Полученная конструкция закреплялась на наносном ремне узды с помощью трех шпеньков, имеющих на оборотной стороне пластины. Втулка цилиндрической формы представляет собой трубку, свернутую из листа металла. Пластина подовальной формы снабжена полукруглым выступом и фигурно-скобчатыми бортиками. Поверхность ее украшена растительным орнаментом в виде отходящих друг от друга лепестков, локализующихся вокруг втулки. На пластине есть небольшое отверстие. Это, возможно, брак, полученный при ее изготовлении. На втулке также присутствует декор в виде двух нервюр у ее верхнего края.

В комплекте имеющихся украшений содержится бляха-накладка качелевидной формы, с лепестковыми боковыми сторонами и округлым выступающим верхним краем и полукруглым основанием. Изделие украшено геометрическим орнаментом в виде коротких нервюр. Пряжка из данного набора конского снаряжения с подпрямоугольным щитком и с подовальной рамкой декора не имеет, на ней сохранились остатки железного язычка.

Сохранившиеся элементы украшений из комплекса Нижний Кучук-VII позволяют реконструировать узду и нагрудник, которые были украшены данными предметами (см. рис. 66). Суголовье состояло из нащечных, налобного, наносного, подбородочного и подгубного ремней и, кроме этого, было дополнено шестью подвесными ремешками. Последние располагались попарно, симметрично на уровне налобного и наносного ремней, а также посередине нащечных ремней узды. Основные ремни конструкции накладными украшениями снабжены не были. Подвесные ремешки у налобного и наносного ремней, вероятно, украшались качелевидными накладками и наконечниками ремней. А ремни, подвешивавшиеся к центральной части нащечных, украшались качелевидными накладками и подвесками с выпуклой. Датировка набора может быть определена достаточно узко в

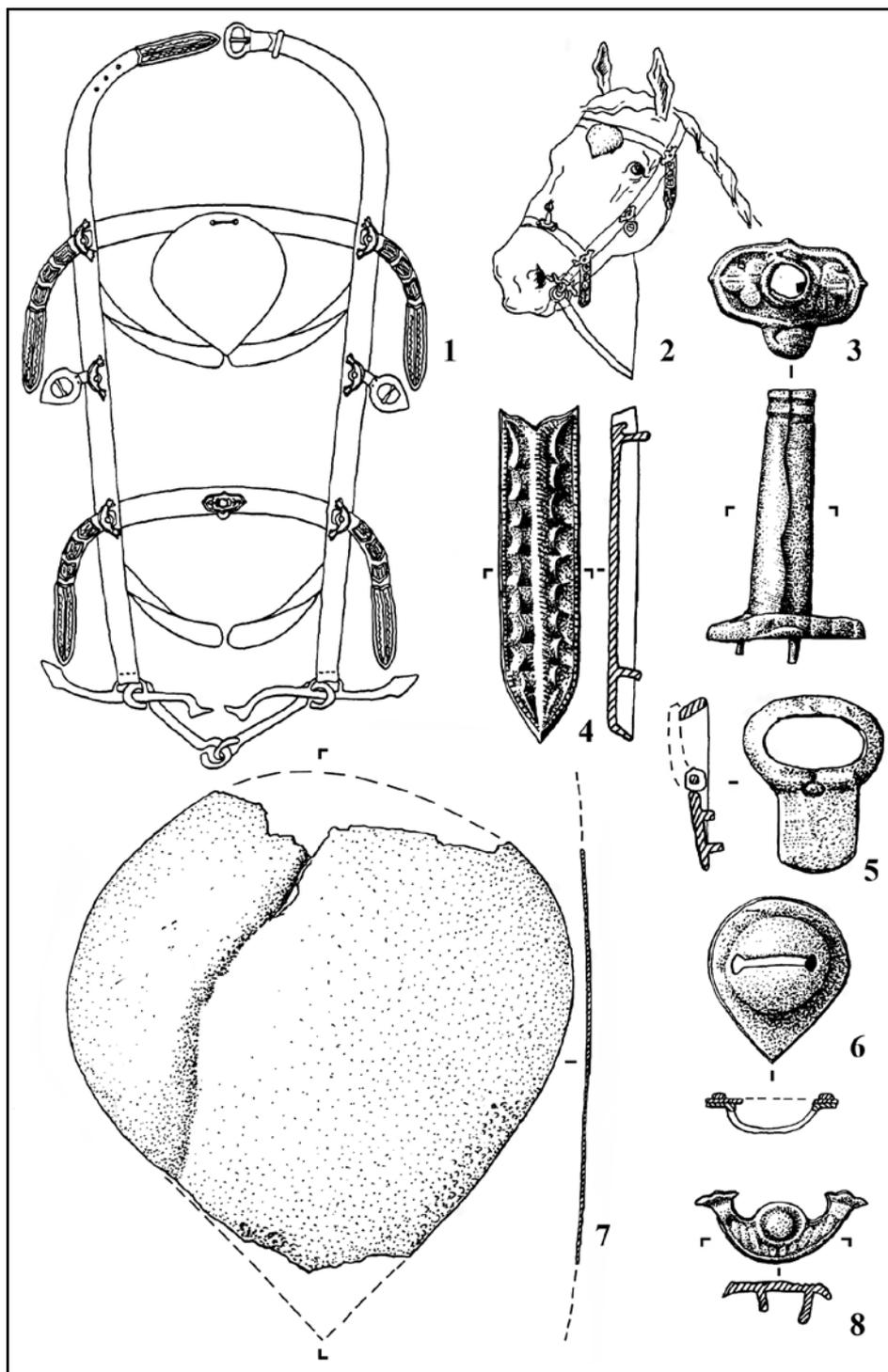

Рис. 66. Реконструкция узды по материалам памятника Нижний Кучук-VII

рамках 2-й – 3-й четвертей XI в. на основании результатов типологического анализа каждой из категорий украшений конского снаряжения сrostкинской культуры (см. рис. 24–28).

Также с концом X – 1-й половиной XI вв. можно связывать уздечный набор из памятника Кайгородка-V. Комплекс расположен на левобережье р. Бурлы в окрестностях одноименного села (Хабарский район Алтайского края). Цепочка курганов нарушена распашкой. В центре кургана №2 были обнаружены обломки костей скелета лошади и металлические изделия от уздечного набора. Расчистка выявила целое скопление изделий, севернее которого была зафиксирована могила (Горбунов В.В., Ситников С.М., 2001, с. 9).

В скоплении вещей от снаряжения коня были обнаружены две фигурные накладки, наконечник с пятиугольной бляхой на ремне, четыре наконечника в комплекте с тренчиками и четыре отдельных наконечника, пять пряжек, удила, псалии, кольца для повода (Горбунов В.В., Ситников С.М., 2001, с. 10–11, рис. 2; с. 12, рис. 3). Исследователи отметили (Горбунов В.В., Ситников С.М., 2001, с. 10), что все видимые детали оголовья покрыты позолотой. Комплекты же подбородочного и подгубного ремней (наконечники, пряжки и тренчики) просто бронзовые.

Реконструкция оголовья из Кайгородки-V демонстрирует следующие элементы (см. рис. 67). Налобный ремень украшен сердцевидной подвеской, наносный – составным султанчиком. Также на узде было закреплено четыре подвесных ремешка, каждый из которых украшался тремя пятиугольными накладками и длинным наконечником с геометрическим орнаментом. Такие же наконечники с пряжками и тренчиками служили для соединения затылочного, подбородочного и подгубного ремней, а также для присоединения нащечных ремней к скобам псалиев.

С влиянием сrostкинской культуры можно связывать появление наборов шадрицевского типа в одновременных материалах Горного Алтая (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, с. 51, рис. 3). В 1995 г. в Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина) была передана коллекция археологических находок из разрушенного захоронения в скальном гроте с перевала Балтарган (на правом берегу Большого Ильгуменя). Памятник был обнаружен случайно и фактически разрушен в результате неквалифицированных раскопок. По настоящию

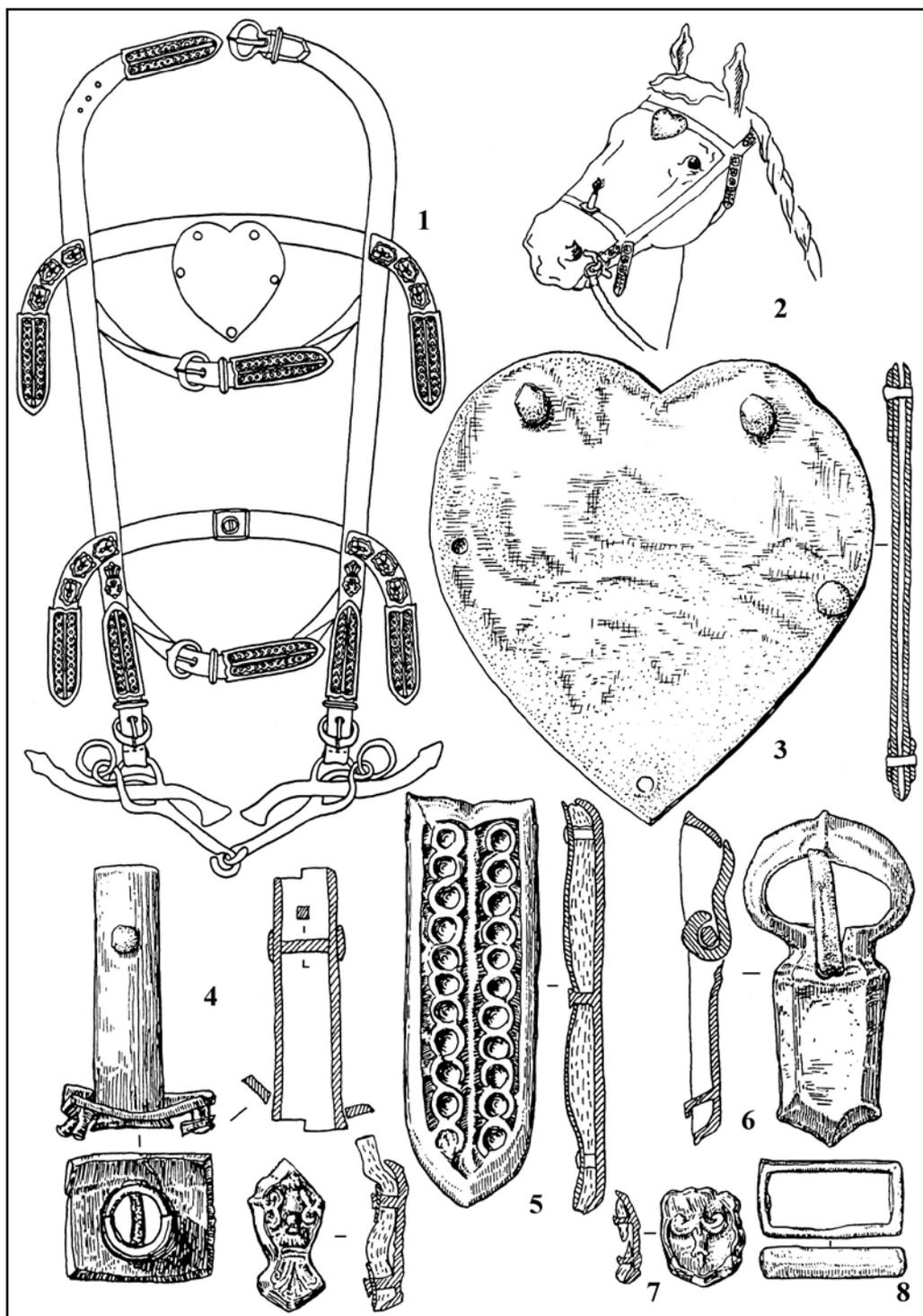

Рис. 67. Реконструкция уздечного набора по материалам памятника Кайгородка-V

археолога В.А. Кочеева, все предметы были переданы на хранение в музей. Коллекция включает уздечный набор, количество и оформление предметов которого свидетельствуют о значительной стилистической близости к сротскинским наборам, поэтому оно реконструировалось по аналогии с ними (см. рис. 68).

Узда из Балтаргана состояла из всех основных ремней, налобный украшался бляхой-подвеской, которая крепилась на небольшом подвесном ремешке при помощи качелевидной накладки, а наносный – султанчиком. На перекрестьях налобного и наносного ремней с нащечными были закреплены подвесные ремешки, каждый из которых был украшен тремя пятиугольными накладками с декором из нервюр, прямоугольным псевдотренчиком с геометрическим орнаментом в виде кругов и вытянутым килевидным наконечником с продольными нервюрами.

Характеризуя парадное конское снаряжение кочевников, можно отметить, что в случаях, когда уздечный набор сочетал утилитарное назначение с декоративным, он служил признаком социальной и «национальной» представительности. Богато декорированная узда могла выступать как знак иерархического и воинского отличия или ранга (Кирпичников А.Н., 1973, с. 22). Украшенная узда также являлась показателем местной или привозной художественной традиции. В связи с этим, как справедливо заметил А.Н. Кирпичников (1973, с. 20), конское снаряжение было наиболее подвержено колебаниям моды своего времени.

О наличии тюркской «общейперской моды в материальной культуре» исследователи писали неоднократно. Так, С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов (2000, с. 81) указали, что происходит «...сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространенные по всему степному поясу во второй половине I тысячелетия н.э. формы предметов материальной культуры...». Военно-политическое преобладание тюрков обусловило переориентацию знати других кочевых племен на художественные образцы господствующей культуры, которая и задавала тон своеобразной «моды» на использование социально престижных и эстетически привлекательных украшений конской амуниции.

В настоящей работе под модой понимается ограниченное по времени господство определенного типа стандартизированных массовых изделий, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение их внешнего вида. Такое широкое социокультурное явление,

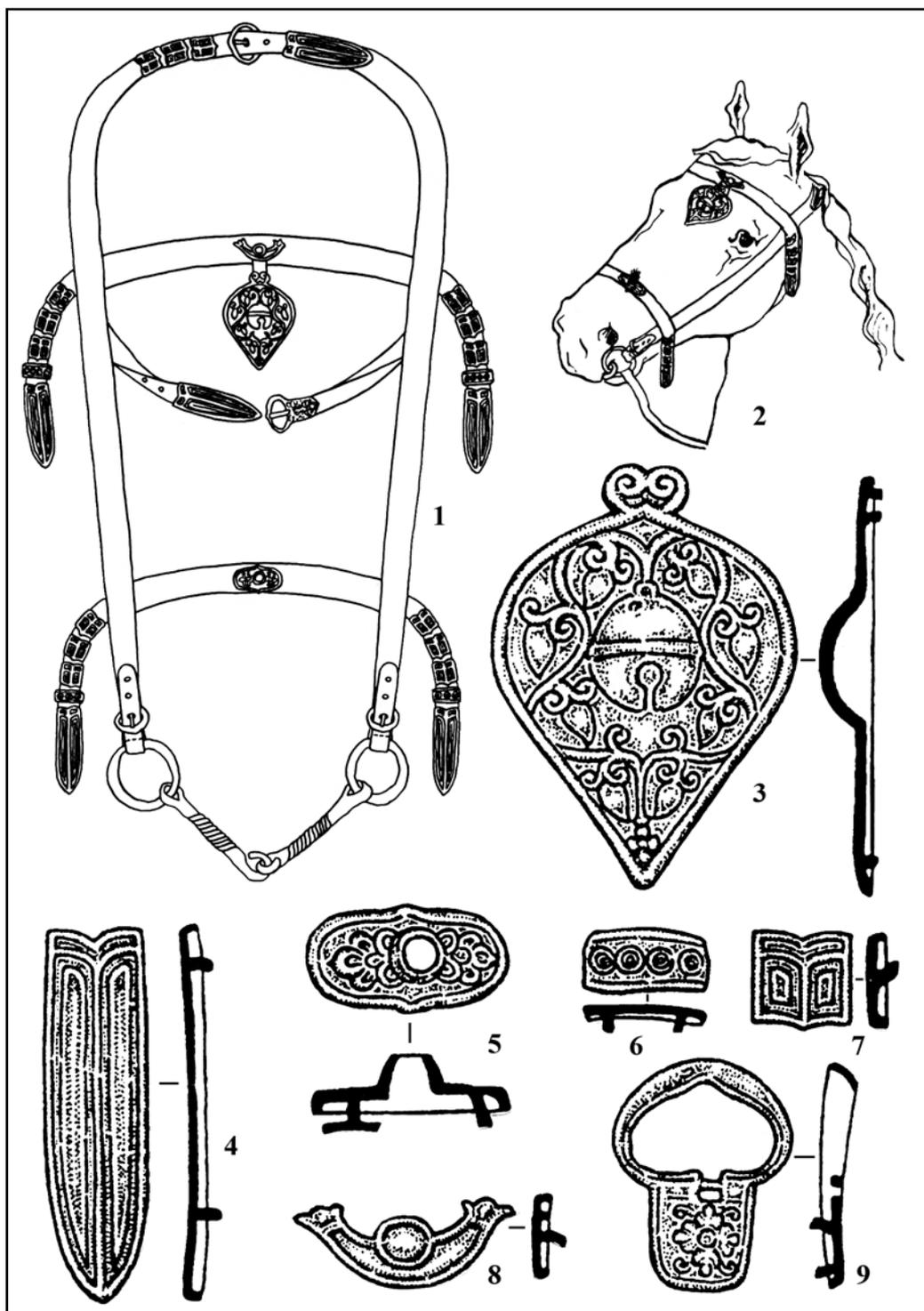

Рис. 68. Реконструкция узды по материалам грота Балтарган

выражающее уровень производства и особенности массового вкуса кочевых обществ в восточной части евразийских степей, имело несколько ярко выраженных пиков, которые фиксируются по остаткам материальной культуры.

Первый пик такой «моды» можно связывать с территориальным расширением Великого Тюркского каганата (552–604 гг.). В данное время появились формы художественного металла, которые можно охарактеризовать как прототипы украшений общетюркского облика. В период Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.) на их основе сформировались новые типы украшений. Второй пик «моды» пришелся на 2-ю половину VIII в. – 1-ю половину IX в. и был связан с развитием традиций культуры Второго Восточно-тюркского каганата. Его распад привел к широким миграциям тюрков, что способствовало распространению конских украшений «тюркской традиции» на огромные территории. Наряду с Горным Алтаем, Тувой и Монголией, они появились в Алтайской лесостепи, Восточном Казахстане, на Южном Урале, Дальнем Востоке.

Данные процессы затронули и территорию Средней Азии, где в согдийских материалах первой половины VIII в. зафиксированы предметы, выполненные в «тюркской» художественной традиции. Она характеризуется определенным набором художественных особенностей, к которым следует отнести небольшие размеры и геометризированные формы металлических украшений. Сами изделия, как правило, не орнаментировались вообще. Когда декор присутствовал, то в подавляющем большинстве случаев он был образован геометрическими элементами: прорезными дугами, кругами, ромбами, точками и т.д.

Наиболее часто фиксируется так называемая нервюра (заостренное или скругленное ребро, выступающее над основной поверхностью предмета). Она могла окаймлять изделие или проходить по его центру, разделяя площадь вещи на две или три части. На украшениях конского снаряжения этот элемент выступает именно как декоративный. Но нервюра могла иметь и функциональное назначение, которое состоит в том, чтобы, уменьшая расход металла, укрепить изделие. Таковой нервюры является на тренчиках, фиксирующих ремень. Декоративные предметы, оформленные подобным образом, зафиксированы в археологических комплексах 2-й половины VI в. – X в. различных территорий: в тюркских памятниках Монголии (Евтюхова Л.А., 1957), Горного Алтая (Кубарев Г.В., 2005) и

Тувы (Грач А.Д., 1966), в комплексах сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (Горбунова Т.Г., 2003а–б; 2003б; 2004а), саратовской культуры Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992; Илюшин А.М., 1999), в кыпчакских погребениях Южного Урала (Мажитов Н.А., 1977), в кыргызских памятниках Минусинской котловины (Евтюхова Л.А., 1948).

Именно в рамках тюркского художественно-эстетического канона сформировались бляхи-подвески, преимущественно сердцевидной формы с петлей для крепления к ремню и гладкой лицевой частью, ставшие не только отличительной чертой наборов конского снаряжения тюрков, но и декоративным и социально значимым показателем «южно-сибирского стиля» оформления художественного металла.

К середине IX в. «тюркская мода» угасает. На ее основе формируются новые типы украшений верховой лошади в рамках сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (смешанное тюрко-самодийское население). Поэтому следующий «виток моды» (условно именуемый как «сrostкинский»), который приходится на период со 2-й половины IX по XII в., связан с распространением новых типов изделий.

Сrostкинский художественный металл характеризуется большим разнообразием форм, более крупными пропорциями украшений и своеобразием орнаментальных композиций, образованных сочетанием растительно-геометрических элементов. Данная характеристика является результатом сочетания особенностей тюркского геометризованного декора и растительных орнаментальных элементов. Кроме этого, эстетико-художественный канон сrostкинского художественного металла предполагал использование такого элемента, как «имитация» зерни, а также наличие приема декорирования вещей с помощью выпуклин, обычно имитирующих колокольчик. Такого рода изделия фиксируются в погребениях человека по обряду ингумации или ингумации в сопровождении верхового коня в раннесредневековых комплексах сrostкинской культуры Алтайской лесостепи.

Сrostкинские традиции изготовления и декорирования конских украшений выразились прежде всего в использовании наконечников ремней килевидной формы, блях-накладок и распределителей ремней простых геометрических очертаний, а также в применении растительной геометрической орнаментации. Такие традиции имели очень широкое

бытование и находили отражение даже в период развитого средневековья (XIII – XIV вв.). Данную тенденцию в свое время подметил Д.Г. Савинов (1994, с. 163), который обращал внимание на то, что «...многие элементы сросткинской культуры распространялись «веерообразно» и различным образом проявились в различных культурах».

Отметим, что можно говорить и о своеобразной «кыргызской» моде на украшения конского снаряжения. Среди ее особенностей следует назвать такие характеристики: особые, усложненные формы и фигурные окончания всех категорий украшений конской амуниции; декорирование предметов сетчатым или ячеистым декором; большое количество шарнирных украшений, т.е. изделий с подвижными деталями. Кроме того, большинство кыргызских украшений изготовлено из железа с применением серебряной инкрустации (Кызласов И.Л., 1983, табл. VII, VIII).

Изделия, соответствующие вышеназванным параметрам, известны преимущественно на территории Тувы и Минусинской котловины в кыргызских памятниках по обряду кремации. Собственно о «моде» на кыргызские конские украшения можно говорить в связи с двумя ее волнами. Первая охватывает 2-ю половину IX – X в. и связана с военной экспансией кыргызов на сопредельные территории. Вторая приходится на XI–XIII вв. и характеризуется торговыми контактами кыргызов с государствами Восточной Европы, а также использованием монголами кыргызских вещей в качестве трофеев.

Этнокультурные традиции в оформлении кочевнических украшений конского снаряжения характеризуются различным соотношением формы и декора изделий. В предметах «тюркской» традиции доминирующее положение занимала форма, а декор лишь подчеркивал ее. Сросткинские изделия имели иную особенность: декор и форма выступают в данном случае как «равноправные партнеры». Наконец, на изделиях «кыргызской» традиции декор в большинстве случаев доминирует, оставляя форме лишь роль носителя.

Большое значение в появлении и распространении модных тенденций играла среда, в которой они имели место. Тюркская материальная культура отличалась достаточным динамизмом эволюционных процессов, при отсутствии внешних заимствований, во всяком случае, в период со 2-й половины V до середины IX в.

Для культурного развития сросткинской общности наряду с динамизмом была характерна и открытость к восприятию новых, в том числе

инокультурных тенденций, что выражалось в достаточно быстром эволюционном процессе украшений конской амуниции и использовании элементов других художественных традиций при оформлении собственных вещей. Не менее динамично протекало развитие декоративных предметов кыргызского материального комплекса.

В начале VIII в. в нем появились изделия, выполненные в соответствии с традициями «тюркского» стиля. Тюркская основа (формы изделий) была достаточно быстро преобразована и дополнена насыщенным растительным декором. Данная тенденция, преобладавшая в конце IX–X вв., уже начиная с конца X в. сменилась новыми идеями декоративного оформления предметов. Кроме того, появились и распространились принципиально новые формы изделий. Более статичными при сравнительном анализе выглядят элементы материальной культуры Восточного Казахстана.

Использование предметов, оформленных в соответствии с «тюркской» традицией, продолжалось в рамках этой культуры вплоть до X в. Лишь в конце X – начале XI в. в наборах конского снаряжения возникли украшения «сросткинского» стиля. Хотя в это время по-прежнему сохранялись предметы тюркского облика. Аналогичные тенденции наблюдаются и в раннесредневековых материалах населения саратовской культуры Кузнецкой котловины.

Отметим, что к IX в. окончательно складывается наиболее оптимальная уздечная конструкция, включающая в обязательном порядке нащечные, налобный, наносный, затылочный и подбородочный ремни. В некоторых случаях она дополнялась подгубным ремнем, либо в конструкцию включался срединный ремень (параллелен нащечным), который имел чисто декоративное назначение. Возможность его наличия фиксируется не только археологически, но и по данным иконографических источников.

В целом для моды на украшенное конское снаряжение в кочевых культурах восточной части Евразии характерны две основные черты:

1. Релятивизм, под которым понимается быстрая смена модных форм. О нем можно говорить в связи с тем, что периоды бытования определенных наборов модных объектов достаточно краткосрочны.

2. Цикличность, выражающаяся в периодической обращенности в прошлое, к прежним традициям. Применительно к анализируемому материалу данная особенность имела следующие проявления. Смена «тюркской» моды сросткинской не означала полного устранения проявлений

первой. Так, начиная со 2-й половины X в. на сrostкинских украшениях конского снаряжения происходит своеобразное возрождение тюркского декора в виде нервюр. В конце X – 1-й половине XI в. этот декоративный элемент становится одним из преобладающих на сrostкинском художественном металле конского снаряжения.

Представленные реконструкции отражают определенный уровень осмысления материала, основанный на состоянии источниковой базы по раннесредневековым украшениям конской амуниции. Часть из них выполнена с определенной степенью достоверности по аналогии с имеющимися целыми или практически целыми комплектами. Тем не менее реконструкции демонстрируют внешний вид парадно экипированных лошадей средневековых кочевников Алтая, фиксируя территориальные и хронологические особенности различных уздечных и седельных наборов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексные исследования всегда позволяют получить качественно иной результат, нежели изучение одной группы источников. В случае с анализом конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая анализ различных материалов эпохи позволил выполнить реконструкции оголовий, нагрудников и накрупников тюркской и сроткинской археологических культур Алтая.

С учетом опыта таких исследователей, как М.П. Грязнов (1950), С.И. Руденко (1953), А.Н. Кирпичников (1973), С.В. Неверов и В.В. Горбунов (1996), Ю.С. Худяков (1982), Г.В. Кубарев (2005) и других специалистов, были обозначены методические приемы, применявшиеся при реконструкции наборов конской амуниции. С наименьшими сложностями сопряжены реконструкции в тех случаях, если все детали конской амуниции зафиксированы при раскопках в их изначальном положении («*in situ*»). Если предметы смещены от своего первоначального положения, то важное значение приобретает фиксация их расположения относительно основного скопления изделий. Также важно помнить, что на ремнях всегда сохраняются отпечатавшиеся в коже контуры вещей, а также отверстия от шпеньков. Наложение предметов на ремни при совпадении контура и отверстий со шпеньками позволяет определить изначальное положение того или иного украшения. В случае если сохранилась только часть конструкции (например, половина оголовья), недостающая может восстанавливаться по принципу симметричного расположения.

Реконструируя средневековые уздечные наборы и седельные ременные конструкции, особое значение следует уделять использованию иконо-

графических источников. В силу специфики сохранности археологических материалов иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают создать реконструкцию, максимально близкую к существовавшему в прошлом оригиналу. Большое значение для воссоздания амуниции имели такие изобразительные материалы, как статуэтки всадников и лошадей из погребальных памятников в Турфанском оазисе, фигурки лошадей, обнаруженные на территории Китая в памятниках эпохи Тан, дворцовые росписи Пенджикента и Афрасиаба, барельефы, бронзовые литые бляхи с изображениями всадников, из памятников Алтайской лесостепи, Восточного Казахстана и Минусинской котловины. Также в качестве иконографических источников привлекались рисунки, выгравированные на кости, и петроглифы Горного и Монгольского Алтая, Минусинской котловины.

Иконографические источники демонстрируют высокую степень информативности по рассматриваемой тематике, предоставляя разнородные, а порой уникальные сведения об амуниции верховых коней, включая конструктивные особенности ременных элементов, специфику расположения и количественный состав различных категорий украшений.

В ходе исследования удалось установить следующие особенности применения и оформления конской амуниции. Наиболее ранние реконструируемые оголовья на рассматриваемой территории относятся ко 2-й половине VI – 1-й половине VII в. Данные наборы воссозданы по материалам памятников Кудыргэ и Жана-Аул и включают комплекты с налобным ремнем и без него, с дополнительным срединным ремнем, а также оголовья обычной конструкции со всеми основными ремнями. Для узд указанного периода характерно наличие различных подвесных ремешков, выполняющих декоративную функцию. Уздечная конструкция без налобного ремня применялась тюрками Горного Алтая достаточно долго – вплоть до конца IX – начала X в.

Ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. были отнесены наборы из памятников Юстыд-ХII (курган №29) и Курай-VI (курган №1), которые наследуют от оголовий предыдущего периода разнообразие конструкций (с налобным ремнем и без него). Со 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. связан комплект из кургана №1 памятника Узунтал-VI, который отражает стандартизированную конструкцию (налобный, наносный, нащечные, подбородочный и затылочный ремни) и комплект украшений тюркской куль-

туры (трехлучевые цельнолитые распределители с трехдольным делением центральной части, короткие наконечники, сердцевидные и четырехлепестковые бляхи-накладки). Все украшения гладкие, иногда дополненные геометрическими орнаментальными элементами. Такой тип конструкции и стиль декорирования узды станет характерным для значительного пласта археологических культур VIII–IX вв.

Тюркское влияние проявилось в оформлении уздечных наборов из памятников Иня-1, Борковский Елбан-6, Плотниково, в которых отражен стандартизированный набор украшений, отличающихся лишь нюансами их декоративного оформления.

К концу IX – 1-й половине X в. можно отнести ряд реконструированных наборов конской амуниции (выполнены по материалам памятников Гилево-XII, Щепчиха-I, Гилево-VII, Гилево-IX, Сростки-I). Для этого времени характерно появление в уздечных комплектах наносных султанчиков. Правда, их незначительное количество, а также фиксирующаяся в ряде случаев некомплектность ряда изделий (Шадринцево-1) свидетельствуют об особой ценности этих украшений.

Серединой X – 1-й половиной XI в., на наш взгляд, на основе типологического анализа украшений можно датировать уздечные наборы из комплексов Шадринцево-I, Корболиха-II, Нижний Кучук-VII, Филин-I, Кайгородка-V, реконструкции которых также были приведены в работе. Оголовья, реконструированные по материалам обозначенных комплексов, отражают стандарт в оформлении указанной части снаряжения верхового коня, характерного для шадринцевского этапа сrostкинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.). Он заключается в следующих параметрах: наличие всех основных ремней в уздечной конструкции, крупной налобной подвески, наносного султанчика, дополнительных подвесных ремешков на перекрестьях налобного и наносного ремней с нащечными, которые украшались пятиугольными накладками и килевидными наконечниками. Также для этого периода времени частым являлось применение небольших подвесных ремешков, закреплявшихся посередине нащечных ремней и украшавшихся бляхой-подвеской и качелевидной накладкой, шпеньками которой ремешок крепился к узде. С влиянием сrostкинской культуры можно связывать появление наборов шадрицевского типа в одновременных материалах Горного Алтая, что отражает комплект находок из памятника Балтарган.

Проведенное исследование формирует представление о внешнем виде парадного конского снаряжения, применявшегося кочевниками Алтая, о его эволюционировании в период раннего средневековья в направлении изменения ременных конструкций и состава украшений, об основных стилистических решениях в его оформлении. Особую роль при этом имели иконографические (изобразительные) источники, которые позволили выявить, а в ряде случаев подтвердить специфику расположения различных украшений в снаряжении верховой лошади.

Результаты проделанной работы имеют важное практическое значение. Реконструкция всегда представляет собой новое знание, которое получено на основе комплексного анализа разнородных источников. В нашем случае новые результаты обличены не только в текстовую, но и в графическую форму. Они могут использоваться для подготовки учебных пособий по истории и археологии Центральной Азии и наглядных учебных материалов. Также реконструкции могут служить научно-вспомогательными средствами, необходимыми в оформлении экспозиций археологических музеев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архивные материалы

Алехин Ю.П. Отчет об аварийных археологических исследованиях Юго-западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1985 года. Барнаул, 1986. 103 л. (Архив МАЭА АлтГУ, №76).

Кунгуров А.Л. Отчет об археологических раскопках Алейского и Шелаболихинского отрядов Алтайского государственного университета осенью 2000 года в Алейском и Шелаболихинском районах Алтайского края. Барнаул, 2001. 205 л. (Архив МАЭА АлтГУ, №155).

Могильников В.А. Документальные материалы раскопок курганных групп Гилево-ХІ–ХІІІ в 1972 году. (Архив АГКМ, оф. №13810).

Могильников В.А. Документальные материалы раскопок курганных групп Корболиха-І–ІV в 1972 году. (Архив АГКМ, оф. №14298).

Могильников В.А. Документальные материалы раскопок курганных групп Гилево-ІХ и ХVІ в 1975–1976 годах. (Архив АГКМ, оф. №13811).

Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганных групп Черный Камень, Белый Камень (Рубцовский район, урочище Черный Камень) и Михайловка (Третьяковский район) в зонах строительства водохранилищ и орошаемых участков на территории Алтайского края в 1990 году. Барнаул, 1991. 103 л. (Архив МАЭА АлтГУ, №119).

Коллекции археологических предметов

Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ)

Оф. кол. №13168, 13464, 14558, 14569 – Гилево-VII, раскопки В.А. Могильникова.

Оф. кол. №13265 – Гилево-XI, раскопки В.А. Могильникова.

Оф. кол. №14559 – Гилево-XII, раскопки В.А. Могильникова.

Музей археологии и этнографии Алтая

Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ)

Оф. кол. №145 – Иня-1, раскопки С.В. Неверова и В.В. Горбунова.

Оф. кол. №135 – Шадринцево-I, раскопки С.В. Неверова.

Оф. кол. №150 – Щепчиха-1, раскопки А.А. Тишкина.

Оф. кол. №152 – Нижний Кучук-VII, раскопки А.Б. Шамшина.

Оф. кол. №134 – Борковский Елбан-6, раскопки В.Б. Бородаева и Т.Г. Горбуновой.

Оф. кол. №168 – Филин-1, раскопки А.Л. Кунгурова и В.В. Горбунова.

Государственный Эрмитаж (ГЭ)

Оф. кол. №4150 – раскопки С.И. Руденко, А.Н. Глухова.

Оф. кол. №4389 – раскопки С.И. Руденко, А.Н. Глухова.

Бийский государственный краеведческий музей им. В.В. Бианки

Оф. кол. №849 – Сростки-I, раскопки М.Д. Копытова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Разведки в северных предгорьях Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 155–159.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники 2 половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: б.и., 1995. – С. 243–252.

Алехин Ю.П. Курьинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 133–136.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в эпоху средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 3–9.

Алтай в зеркале веков: Из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета: фотоальбом. – Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2001. – 92 с.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975. – 160 с.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1988. – 176 с.

Барельеф // Большая Российская энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – Т. 3. – С. 43.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.: ил.

Богемская К.Г. Иконография // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 10. – С. 122.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 102–115.

Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 3–9.

Бородаев В.Б. Местонахождение Вакулиха-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 150–155.

Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 56–73.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – Вып. V, ч. II. – С. 153–160.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 292–347.

Ванеян С.С. Иконография // Большая российская энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – Т. 11. – С. 84–86.

Васютин А.С. Особенности культуругенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: б.и., 1997. – С. 5–35.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев: Наукова Думка, 1985. С. 50–71.

Горбунов В.В. Изображения тяжеловооруженных всадников в наскальном искусстве Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 147–148.

Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 9–16.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филлин-1 – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – Вып. X. – С. 137–141.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – С. 281–287.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 227–229.

Горбунова Т.Г. (Шиготарова). Оголовья верховых лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – №9. – С. 91–103.

Горбунова Т.Г. Набор уздечных украшений из памятника сrostкинской культуры Борковский Елбан-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2003а. – Вып. XIII. – С. 57–61.

Горбунова Т.Г. Бляхи-накладки конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. – №10. – С. 117–129.

Горбунова Т.Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003в. – №11. – С. 112–123.

Горбунова Т.Г. Распределители ремней конской амуниции из памятников Алтая эпохи раннего средневековья (систематизация и этнокультурная интерпретация) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004а. – №12. – С. 114–123.

Горбунова Т.Г. Вещественные и иконографические источники при реконструкции конского снаряжения тюркской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. – С. 320–325.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения сrostкинской культуры Алтайской лесостепи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004в. С. 246–248.

Горбунова Т.Г. Султанские украшения конского снаряжения на Алтае в эпоху раннего средневековья // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005а. – С. 113–115.

Горбунова Т.Г. Типологический метод в археологии и его значение при изучении снаряжения кочевников // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – С. 22–26.

Горбунова Т.Г. Использование иконографических источников при реконструкции снаряжения верхового коня тюркской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006а. – С. 193–203.

Горбунова Т.Г. Набор украшений конского снаряжения из комплекса Нижний Кучук-VII // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2006б. – Вып. XV. – С. 181–185.

Горбунова Т.Г. Техничко-морфологические особенности султанного украшения конской амуниции с территории Алтайской лесостепи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы регион. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. XVI. – С. 163–166.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А. Методика системного изучения археологических источников // Теория и практика археологических исследований: сборник науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 11–18.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов: монография. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Суть-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960. – М.: Л., 1966. – Т. II. – С. 81–107.

Григоров Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 152–158.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.: ил.

Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. – Т. XII. – С. 232–253.

Гуревич Д.Я., Роголев Г.Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. – М.: Росагропромиздат, 1991. – 240 с.

Де Моран А. История декоративно-прикладного искусства. – М.: Искусство, 1982. – 577 с.: ил.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: б.и., 1989. – 120 с.

Древние курганы Алтая. – Горно-Алтайск: Ак чечек, 1998. – 128 с.

Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 97–107.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: б.и., 1948. – 110 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. – 1957. – №2. – С. 205–227.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-Тас у села Копены // Труды ГИМ. – М., 1940. – Вып. XI. – С. 35–42.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. – М., 1941. – Вып. XVI. – С. 75–117.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: б.и., 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – С. 157–169.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: б.и., 1992. – 128 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – Л.: Наука, 1973. – 140 с. – САИ Е1-36. (Сер. Археология СССР).

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века: Сборник к 60-летию Д.Г. Савинова. – СПб.: Филол. ф-т С-Петербургского гос. ун-та, 2001. – С. 213–215.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000. – 320 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 332 с. (Вып. V: Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства).

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – С. 117–127.

Красовский В.П. Реконструкция // БСЭ. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 21. – С. 615–616.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). – М.: Наука, 1984. – 336 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников): монография. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 399 с.: ил.

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – С. 157–169.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 111–126.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. (САИ. Вып. ЕЗ-18).

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 54–59, ил. (Археология СССР).

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 108–120.

Любчанский И.Э. Конское снаряжение из курганов с «усами» урало-казахстанских степей // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 123–127.

Лямин И.В. Художественная обработка металлов. – М.: Машиностроение, 1988. – 112 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – №2. – С. 115–128.

Михалева Т.В., Здор М.Ю. Материалы о лошадях в архиве М.П. Грязнова (Музей археологии и этнографии ОмГУ) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 133–146.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43. (Археология СССР).

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.: ил.

Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. – С. 106–130.

Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-I на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 112–116.

Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ин-та, 1991. – С. 125–128.

Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ин-та, 1991. – С. 141–145.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 163–191.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 176–178.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 101–112.

Овчинникова Б.Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – Кн. II. – С. 267–270.

Панюков В.И. Сбруя верхового коня сросткинской культуры (реконструкция и датировка) // Палеоэтнография Сибири. – Иркутск, 1990. – С. 45–47.

Пластические искусства: краткий терминологический словарь. – М.: Пассим, 1994. – 160 с.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 200 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №142).

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.

Роспись декоративная // Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 22. – С. 208.

Руденко С., Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии*. – Л.: Гос. Рус. музей, 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37–52.

Руденко С.И. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // *Археология Северной Азии*. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.

Савинов Д.Г. Погребения сrostкинскогo могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925 г.) // *Археология, антропология, этнография Сибири*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 192–206.

Савинов Д.Г. Сrostкинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 и С.М. Сергеева в 1930 г.) // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – №3. – С. 175–190.

Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // *Археология Южной Сибири*. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 92–105.

Табалдиев К.Ш. *Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня*. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // <http://yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd7/sbd-7-10.pdf>

Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // *Охрана и исследование археологических памятников Алтая*. – Барнаул: б.и., 1991. – С. 16–19.

Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // *Культура древних народов Южной Сибири*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. – С. 90–99.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // *Культура народов евразийских степей в древности*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. – С. 232–246.

Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 78–90.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. *Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая* // *Древности Алтая*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – №9. – С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. *Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай)*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 276 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Технично-морфологические и этнокультурные особенности украшений конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. – С. 57–63.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 126 с: ил.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 118–122.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Системный подход при изучении археологических находок // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005б. – С. 227–229.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Бляхи-подвески на ремни конской амуниции из археологического собрания Н.С. Гуляева // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 150–156.

Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: б.и., 1998. – С. 220–233.

Удодов В.С., Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Средневековые находки элементов конского снаряжения на памятнике Екатериновка-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. XV. – С. 294–297.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: б.и., 1991. – С. 128–137.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.

Флеров А.В. Материаловедение и художественная обработка металлов. – М.: Высш. шк., 1981. – 288 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 240 с.

Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – №3. – С. 31–38.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – №3. – С. 31–38.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 46–53.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня // РА. – 1999. – №3. – С. 50–58.

Худяков Ю.С. Памятники эпохи позднего средневековья в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 54–60.

Чежина Е.Ф. О возможных применениях методов искусствоведения в исследованиях звериного стиля // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Искусство, 1990. – Вып. 30. – С. 77–82.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 480–484.

Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкций в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 6–22.

Шамшин А.Б. Каменский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая: (методические материалы к обсуждению макета свода памятников). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 55–56.

Шиготарова Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. – С. 164–172.

Шиготарова Т.Г. Реконструкция основных типов оголовий сrostкинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001б. – С. 376–378.

Шиготарова Т.Г. Типология наносных султанчиков (по материалам средневековых памятников Алтая) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000в. – Т. III. – С. 98–104.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 25–49.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Вэнь У («Материальная культура»). – 1964. – №1 (на кит. яз.).

Вэнь У («Материальная культура»). – 1981 (на кит. яз.).

Вэнь У («Материальная культура»). – 1990. – №7 (на кит. яз.).

Каогу («Археология»). – 1960. – №3 (на кит. яз.).

Каогу («Археология»). – 1983. – №5 (на кит. яз.).

Каогу («Археология»). – 1985. – №5 (на кит. яз.).

Каогу («Археология»). – 1992 (на кит. яз.).

Каогу Тунсинь («Краткие сообщения по археологии»). – 1958. – №1 (на кит. яз.).

Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980. – 280 s.

Winogradowa N., Nikolajewa N. Kunst der fernen Osten. – Dresden; Moskau, 1980. – 372 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АКИН РА – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик
АлтГУ – Алтайский государственный университет
Б.и. – без издательства
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИАиЭ – Институт археологии и этнографии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КГПУ – Кемеровский государственный педагогический университет
МАЭА АлтГУ – Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета
МГУ – Московский государственный университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СО – Сибирское отделение

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Опыт реконструкции конского снаряжения: некоторые подходы и методика	8
Глава 2. Иконографические источники и их роль в реконструкции конского снаряжения	31
Глава 3. Реконструкции уздечных и седельных наборов (по материалам средневековых памятников Алтая)	52
Заключение	119
Список источников	123
Библиографический список	125
Список сокращений	134

Научное издание

Татьяна Геннадьевна Горбунова

**Реконструкция конского снаряжения
средневековых кочевников Алтая:
методика и некоторые результаты**

Монография

Редактор: Н.Я. Тырышкина

Технический редактор: А.А. Тишкин

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Дизайн обложки: С.Н. Кисленко

*Для оформления обложки использованы фотоснимок с сайта
<http://www.chins.ru/forum/showthread.php?t=3455&page=42>,
фото наконечника ремня из памятника Белый Камень
(снимок сделан А.А. Тишкиным); прорисовки статуэток лошадей
из погребений эпохи Тан на территории Китая (выполнены О.И. Чекрыжовой)
и реконструкции оголовий средневековых лошадей (выполнены М.В. Давыденко)*

Подписано в печать 12.07.2010. Формат 70x100/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 200 экз. Заказ ???

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru